PG
4030
Л

Многоуважаемому
Георгію Васильевичу Мурзакевичу
отъ автора

ЖИЗНЬ
и
УЧЕНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
П. І. Шафарика.

П. А. Лаврова.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля,
ПРЕЕМН. Э. ЛИССНЕРА И Ю. РОМАНА.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1897.

ПРОВ. 957

Пр.

(Изъ второго тома Трудовъ Славянской Коммисіи при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

Печатается на основаніи постановленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Председатель графиня ***Уварова.***

Жизнь и ученая дѣятельность Шафарика.

Procitli národové Slovanů, jak dalece sahají. S novym pokolením nová všude vykvétá síla, vše co mrtvo bylo, se hne.

Kdo chce vůdcem naším býti, musí rovnou láskou ke všem bratřím, i těm najhlouběji padlým a najpodlejším, v srdci hořeti a bez předsudků společnou dědinu duchovne říditi.

Изъ писемъ Шафарика.

I [1]).

Шафарикъ родился 13 мая 1795 г. въ селѣ Кобеляровѣ [2]) и былъ младшій сынъ евангелическаго пастора словака, родомъ изъ Штитника, отъ его перваго брака съ Екатериной Каресовой [3]). Домашнее воспитаніе онъ получилъ въ родительскомъ домѣ. Съ дѣтства отличавшійся любовію къ чтенію, до 8 лѣтъ Шафарикъ успѣлъ дважды прочесть библію въ чешскомъ переводѣ (Кралицкую), вліяніе котораго по наблюденію К. Иречка замѣтно во всѣхъ писанныхъ имъ по-чешски сочиненіяхъ [4]). Съ 1805 г. онъ учился

---

[1]) Самымъ лучшимъ пособіемъ при составленіи этой главы служилъ намъ прекрасный трудъ проф. Константина Иречка, внука Шафарика по матери, помѣщенный имъ въ чешскомъ журналѣ Osvěta №№ 5—12 за 1895 г., на которые ниже мы будемъ постоянно ссылаться.

[2]) О родинѣ Шафарика занимательныя подробности можно найти въ статьѣ „Кобелярово“ въ Narodných Novinách 1895, № 56. Жителей 339 (316 евангеликовъ). „Узуцкая долина, въ ней серебристый потокъ“; въ верхнемъ концѣ села у потока стоитъ евангелическая церковь — довольно красивое зданіе съ тремя окнами на лицо, со времени Шафарика много разъ перестраивавшееся. Жители занимаются скотоводствомъ и извозомъ, живутъ въ красивыхъ домикахъ изъ прочнаго матеріала съ черными оконницами, но не имѣютъ понятія о томъ, что ихъ село дало славянскому міру почтеннаго мужа П. І. Шафарика и что 13 мая имя ихъ тихаго селенія будетъ часто поминаемо въ широко раскинутыхъ областяхъ славянства. Ир. 8 693.

[3]) О родителяхъ Шафарика смотри у Иречка 5, 395 и 8, 692. Интересно, что отецъ его говорилъ и писалъ по-латыни и по-словенски; по-нѣмецки и по-мадьярски только понималъ.

[4]) И Палацкій такъ же рано, на пятомъ году возраста, уже успѣлъ прочесть всю библію, какъ видно изъ его автобіографіи. Vlastní životopis Frant. Palackého. Vyd. M. Červinková Riegrova, стр. 7.

въ гимназіи въ Рожновѣ, гдѣ яз. преподаванія былъ нѣмецкій и мадьярскій. Способности Шафарика тотчасъ же были замѣчены въ школѣ. Въ аттестатѣ, подписанномъ 10 іюля 1808 г. Михаиломъ Саркани, о немъ между прочимъ сказано: dotes animi eximiae, imprimis ingenium promptum, memoria facilis; profectus in studiis et moribus eminens. Продолжалъ и окончилъ среднее образованіе Шафарикъ въ Добшинѣ (съ 1808 по 1810), гдѣ за успѣшныя занятія былъ переведенъ изъ младшаго класса въ старшій, минуя одинъ годъ. И здѣсь Gömöriensis Slavus — какъ онъ названъ въ аттестатѣ — получилъ отъ ректора Андрея Мадараша столь же лестный отзывъ: facultates animi eximiae, diligentia constans et indefessa; clas. in litt. eminentissima, in moribus eminens; lingua hung. et germ. gnarus[1]). 15 лѣтъ онъ поступилъ въ Кежмаркскій лицей, въ которомъ пробылъ съ 1810 г. по 1814 г. какъ студентъ и домашній учитель и воспитатель въ домѣ Гольдбергера. О пребываніи въ лицеѣ Шафарикъ въ писанной имъ по-нѣмецки автобіографіи отзывался такъ: „пятилѣтнее пребываніе въ Кежмаркѣ, у подножія высочайшихъ вершинъ Карпатскихъ, въ кругу единомыслящихъ молодыхъ людей, воодушевленныхъ стремленіями къ прекрасному и наукѣ, при благотворной близости благороднаго генія Генерсиха (одного изъ лицейскихъ преподавателей) имѣло рѣшительное вліяніе на его жизнь и дало твердое направленіе его духу“ [2]). Несмотря на то, что Шафарикъ родился и выросъ въ славянской семьѣ до 16-лѣтняго возраста онъ мало цѣнилъ родной языкъ, такъ какъ воспитаніе въ мадьярскихъ школахъ издавна было направлено къ искорененію слав. народности. Но любовь къ отечественному языку и славянству пробудилась въ немъ тѣмъ живѣе, когда случайно въ его руки попало разсужденіе пражскаго профессора Іосифа Юнгмана о значеніи чешскаго яз. и народнаго просвѣщенія, которое произвело на него глубокое впечатлѣніе [3]). Онъ сталъ усердно читать выходившія тогда въ Прагѣ чешскія книги: переводъ „Потеряннаго Рая“ Юнгмана, стихотворенія Пухмайера. Въ одномъ письмѣ къ Палацкому Шафарикъ называетъ Юнгмана вторымъ отцомъ, а по отношенію къ родному яз. и народности и первымъ.

Враждебное отношеніе къ вопросамъ народности нѣсколькихъ, неисцѣлимо ослѣпленныхъ враговъ славянства, именно ректора лицея Подконицкаго, который съ каѳедры не стыдился проповѣдывать ненависть къ славянамъ, еще сильнѣе воспламеняло юношу ко всему родному.

Свою литературную дѣятельность Шафарикъ началъ чешскими стихотвореніями,

---

[1]) Подробности о школьныхъ занятіяхъ Шафарика сообщены въ весьма интересныхъ запискахъ его сына проф. Войтеха Шафарика. Мы заимствуемъ ихъ изъ статей проф. К. Иречка, который самъ могъ воспользоваться этими записками только въ третьей главѣ. Иреч. 6, 489.

[2]) Научный Словникъ Ригровъ díl IX стр. 2. Автобіографическая записка эта написана была Шафарикомъ для какого-то журнала или словаря вскорѣ по пріѣздѣ въ Прагу. около 1835 г. Иреч. 6, 489.

[3]) Такое же вліяніе оказало это разсужденіе Юнгмана и на Палацкаго. Frant. Palacký. Sestavil Václav Řezníček. Modré Knihovny č. 30. V Praze. 1896, стр. 13—14, ср. автобіографію стр. 11.

которыя скоро сдѣлали извѣстнымъ его имя среди небольшой числомъ интеллигенціи у чеховъ и словаковъ. Напечатанныя въ 1814 г. подъ именемъ „Татранской Музы“ въ Левочѣ, въ настоящее время они представляютъ большую библіографическую рѣдкость[1]). Чехи находятъ въ нихъ глубокое чувство, выросшее на лонѣ могучей и прекрасной природы, возвышенныя и смѣлыя мысли, предвѣщающія будущность и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкое для того времени знаніе родного языка[2]).

Въ хрестоматіи Юнгмана: „Slovesnost aneb zbjrka přjkladů s krátkým pogednánjm o slohu. W Praze 1820“ напечатаны два стихотворенія Шафарика: Mé zpěwy на первомъ мѣстѣ, какъ образецъ оды, и Štědrý wečer — сонетъ. Въ послѣднемъ Шафарикъ изображалъ торжественное настроеніе природы въ канунъ передъ Рождествомъ и радостныя чувства, вызываемыя близостью этого праздника, въ сердцѣ человѣка, а оканчивалъ его печальнымъ воспоминаніемъ о смерти горячо имъ любимой матери: „но увы. моей опечаленной душѣ напрасно смотрѣть навстрѣчу утренней зарѣ! Той, которая дала мнѣ жизнь, для меня уже болѣе не существуетъ“. Юнгманъ, вообразивъ, что поэтъ разумѣетъ здѣсь свою возлюбленную, позволилъ себѣ перемѣнить стихъ: „Té, jíž živ jsem, není pro mne víc!“ такъ: „Gehož kochám (въ примѣчаніи объяснено словомъ: milugi), toho nenj vjc! “Шафарикъ, и много лѣтъ спустя, жаловался на эту неудачную поправку издателя[3]).

На средства, заработанныя уроками, въ сентябрѣ 1815 Шафарикъ отправился въ Іену, увлекаемый жаждой знанія и поощряемый отцомъ къ занятіямъ богословіемъ. Онъ могъ это сдѣлать только какъ богословъ-евангеликъ, которымъ однимъ изъ всѣхъ австрійскихъ подданныхъ можно было получать образованіе въ нѣмецкихъ университетахъ. Іенскій университетъ пользовался въ это время громкой славой. Въ Іенѣ Шафарику открылся новый міръ, о которомъ онъ охотно вспоминалъ въ послѣдніе годы жизни, благославляя науку, благодаря которой здѣсь въ одномъ изъ главныхъ центровъ критической школы могъ усвоить основанія филологическаго и историческаго методовъ. По его словамъ Іена была ему exilium corporis, paradisus animae. Онъ слушалъ исторію древней литературы и греч. языка у Эйхштедта, богословіе и педагогику у Габлера, Данце и Шотта, естествовѣдѣніе у Онкена, математику у Мюнхова, философію у Фриса, исторію трехъ послѣднихъ столѣтій у Людена. Лекціи послѣдняго привлекали массу слушателей[4]). Возвращаясь на родину, онъ прослушалъ кромѣ того лекціи оріенталиста Гезенія въ Галле и знаменитаго филолога Германа въ Лейпцигѣ.

Насколько успѣшны были занятія Шафарика, видно изъ того, что въ Іенѣ онъ перевелъ на чеш. яз. Аристофановы „Облака“, составивъ къ нимъ обширное введеніе, и

---

[1]) Книжка въ малую восьмушку дурнымъ швабахомъ на плохой бумагѣ вышла въ типографіи Іосифа Майера; въ ней 80 страницъ. Позднѣе два раза была перепечатана Бачковскимъ. Уже въ 1822 г. у самого Шафарика не было ни одного экз. этого сборника. Иреч. 5, 398.

[2]) Научн. Словн., стр. 3.

[3]) Иречекъ 8, 705: заимствовано изъ записокъ Войтеха Шафарика.

[4]) Подробности смотри у Иречка 6, 490.

„Марію Стюартъ“ Шиллера. Здѣсь же начались и его занятія славянскими источниками: дѣлалъ выписки изъ одной рукописи, касающейся Гуса, познакомился съ нѣсколькими старопечатными слав. изданіями, словинской библіей Далматина (Виттенбергъ 1584), сербскимъ катихизисомъ его же и Истріана (Тюбингенъ 1561), съ чешскою пражскою псалтырью 1572 г., постиллой, изданной въ Нюренбергѣ въ 1557 г., и др. Въ библіографическихъ замѣткахъ, относящихся къ этому времени, встрѣчаемъ указанія на сочиненія словинца Трубера, хорвата Витезовича, оріенталиста Ассемани, на иллирскихъ поэтовъ Гундулича, Златарича, Ранину, Чубрановича — первые слѣды занятій южнославянской литературой[1]). Здѣсь же Шафарикъ началъ подготовительныя занятія сочиненіемъ, доставившимъ ему позднѣе большую извѣстность — исторіей славянскихъ литературъ.

Въ мартѣ 1817 г. пріѣхалъ въ Іену останавливавшійся въ Прагѣ Бенедикти, который привезъ Шафарику письмо отъ Палацкаго, жившаго тогда въ Пресбургѣ и еще не знакомаго лично съ Шафарикомъ. Единственное сохранившееся отъ пребыванія въ Іенѣ письмо Шафарика къ Палацкому, писанное 22 апрѣля 1817 г. незадолго передъ окончаніемъ занятій въ университетѣ, свидѣтельствуетъ намъ, что ученыя занятія Шафарика были одушевлены твердою вѣрой въ будущность славянства: „Стойте, стойте! Еще не все проиграно. Живъ Богъ, живо небо, которое рано или поздно увѣнчаетъ успѣхомъ усилія своихъ вѣрныхъ. Если же все это только сонъ, только идея, что въ томъ? Умремъ и мы какъ отцы наши, ничего не достигнувъ, умремъ за идею...“ „Но излишня наша боязнь; народы славянскіе пробудились на всемъ занимаемомъ ими пространствѣ. Съ новымъ поколѣніемъ всюду расцвѣтаетъ новая сила; все что было мертво, движется. Пропала дремота: за ней должна слѣдовать жизнь, жизнь, но какая, кто это можетъ угадать“ [2]).

По возвращеніи на родину Шафарикъ заѣхалъ въ Прагу, въ которой пробылъ около мѣсяца и познакомился съ Добровскимъ, обоими братьями Юнгманами, Неѣдлымъ, ботаникомъ Преслемъ, Ганкой и др. Пражскіе кружки того времени не произвели на него благопріятнаго впечатлѣнія; мелочные споры, взаимныя подозрѣнія и клевета, стѣснительная цензура препятствовали успѣхамъ литературы.

Въ началѣ іюля въ Пресбургѣ Шафарикъ встрѣтился съ Палацкимъ, а остальное лѣто провелъ у отца въ Кобеляровѣ. Въ октябрѣ онъ снова вернулся въ Пресбургъ и занялъ мѣсто воспитателя въ семьѣ жупана Липтовскаго Каспара изъ Кубиньи. Въ два года, проведенные въ этихъ занятіяхъ, Шафарикъ особенно тѣсно сблизился съ Палацкимъ, Бенедикти и Колларомъ. Осенью 1817 г. среди дружескихъ бесѣдъ во время прогулокъ по виноградникамъ въ окрестностяхъ Пресбурга Палацкій и Шафарикъ рѣшили издать приготовленные ими вмѣстѣ: Počátkové českého básnictwj obzwláště prozodye, т.-е. начатки чешскаго стихотворства и въ особенности просодіи. Они

---

[1]) Подробнѣе у Иречка 5, 401 и далѣе. При занятіяхъ въ университетской библіотекѣ Шафарикъ пользовался содѣйствіемъ проф. Эйхштедта, который былъ и главнымъ университетскимъ библіотекаремъ.

[2]) Иречекъ 5, 402.

вышли въ Пресбургѣ въ 1818 г. Книжка посвящена mladým básnjkům, Čechum, Moravanům, Slovákům, hodným můzy schowancům, budauci wlasti, národu, gazyka ozdobě, swým kraganům a bratřjm neyssetrněgi připisuge Wydawatel[1]). Издателемъ былъ Бенедикти, написавшій отъ себя коротенькое предисловіе. Сочиненіе это написано было въ формѣ писемъ авторовъ къ издателю, при чемъ имена авторовъ не упомянуты. Шафарику принадлежатъ въ немъ письма 3, 4 и 6, а Палацкому 1, 2 и 5[2]). Въ своихъ письмахъ авторы рекомендовали метрическое стихосложеніе и возставали противъ бывшаго у чеховъ въ употребленіи тоническаго. Вопросами о размѣрѣ Шафарикъ интересовался еще въ Іенѣ, и весьма вѣроятно, что предпочтеніе метрическаго стихосложенія тоническому, которымъ пользовался до этого времени съ полнымъ успѣхомъ и онъ самъ, не уступая современнымъ ему поэтамъ, было вызвано занятіями античной поэзіей. По словамъ Палацкаго Шафарикъ уже изъ Іены привезъ основательное разсужденіе о чешской просодіи. Обративъ іенскую рукопись въ письма третье и четвертое, онъ прибавилъ къ этому шестое письмо. Въ заключеніи этого письма не можемъ не отмѣтить слѣдующихъ строкъ: „Другъ мой, этой перепискѣ, къ которой меня побудили единственно одушевленіе роднымъ языкомъ и высокое настроеніе нашего духа, слѣдуетъ положить конецъ; будь убѣжденъ въ своемъ сердцѣ, что то, чѣмъ я съ тобой подѣлился съ обычною славянскою отзывчивостію, у меня вынудила единственно лишь ревность ко всему, что для патріота въ своемъ народѣ можетъ быть истиннаго, добраго и прекраснаго. Не спрашивай меня, по какому все это праву? — И я, какъ ты знаешь, — природный славянинъ и притомъ славянинъ, который не стыдится славянства, который живетъ тою вѣрою, что только въ своемъ народѣ можно быть истинно просвѣщеннымъ, счастливымъ и спасеннымъ. Что принадлежитъ моему народу, то по человѣческому и божескому праву, принадлежитъ и мнѣ; что принадлежитъ мнѣ, то по человѣческому и божескому праву принадлежитъ и моему народу. Позоръ родины — мой позоръ, рана родины — моя рана, смерть родины — моя смерть: но и жизнь ея — моя жизнь, и слава ея — моя слава“.

---

[1]) Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что нашъ экземпляръ этой книжки принадлежалъ библіотекѣ Ганки, какъ видно по красному клейму: z Hankowych и гербу, представляющему льва; на бѣломъ листѣ передъ заглавнымъ внизу написано, думаемъ, рукою Шафарика: P. Hankowi. А на заглавномъ листѣ рукою Ганки сдѣлана подпись: Poctau od spisowatele. Книжка эта была куплена при распродажѣ библіотеки Бодянскаго.

[2]) Согласно Махалу, автору статьи: Pavel Josef Šafařík a jeho názory kritické i aesthetické стр. 50 сборника Na Památku stoletých narozenin P. J. Š. Въ концѣ Počatkov помѣщено въ качествѣ образцовъ нѣсколько стихотвореній, между которыми одни, вѣроятно, принадлежатъ Шафарику, другія Палацкому. Навѣрное можемъ сказать о Mé spěvy, которое было напечатано за подписью Шафарика въ словесности Юнгмана (ср. выше) и о стихотвореніяхъ: „Na horu Radošt (Radogast)“ и U hrobu přjtele, которыя напечатаны тамъ же за подписью Палацкаго. Послѣднее стихотвореніе написано было Палацкимъ на смерть своего юнаго друга Яна Бакоша, сына одного изъ самыхъ почтенныхъ гражданъ Тренчина П. Бакоша, который живо интересовался возрожденіемъ чешской литературы и получалъ вновь выходившія въ Прагѣ книги. См. упомянутую выше книгу Ржезничка стр. 13.

Въ такомъ патріотическомъ настроеніи Шафарику вскорѣ пришлось выступить уже не въ качествѣ частнаго лица, а общественнымъ дѣятелемъ хотя и не на своей родинѣ, но все же среди единоплеменныхъ находящихся въ предѣлахъ Венгріи сербовъ.

Правда, еще когда онъ жилъ въ Пресбургѣ, ему нѣсколько разъ предлагали мѣсто въ евангелическихъ школахъ сѣверной Венгріи, но господствовавшій въ нихъ противославянскій духъ, который былъ хорошо знакомъ Шафарику по личному опыту, внушалъ ему нерасположеніе къ этимъ школамъ, и онъ предпочелъ занять мѣсто учителя и вмѣстѣ директора тогда только что открывшейся Новосадской гимназіи. Изъ всѣхъ кандидатовъ на эту должность ему было отдано предпочтеніе[1]).

Разумѣется, вполнѣ понятно, словаки сожалѣли о томъ, что Шафарику не удалось устроиться гдѣ-нибудь на своей родинѣ. Особенно чувствовалъ важность этой утраты близкій другъ Шафарика, Колларъ, какъ можно судить по отвѣтному письму Шафарика: „Признаюсь Вамъ, что я готовъ вернуться изъ этого изгнанія въ сердце родины, какъ только будетъ найдено мѣсто, о которомъ путникъ могъ бы сказать: Здѣсь воткни въ землю свой посохъ, здѣсь онъ пуститъ зелень!“ Но Шафарикъ не находилъ у себя дома такого центральнаго пункта для ученой и литературной дѣятельности: „Какъ и Вамъ кажется, нашъ центръ не можетъ быть ни въ Абрагамовцахъ, ни въ Бетлеемовцахъ, а только или въ Пресбургѣ, или, въ чемъ и я съ Вами согласенъ, еще скорѣе въ Пештѣ“. 14 февр. 1821. И нѣсколько позднѣе онъ высказалъ тѣ же мысли: „Во всякомъ случаѣ я не порвалъ связь съ своимъ народомъ: моя мысль была и есть всегда тамъ, только по необходимости я избралъ себѣ ниву скорѣе здѣсь, у своихъ соплеменниковъ, чѣмъ у нѣмцевъ, или венгровъ. Поэтому, если бы у нашихъ словаковъ гдѣ нибудь нашлось для меня мѣсто, на которомъ я безъ ущерба своимъ обязанностямъ, отъ которыхъ зависятъ удобства жизни и дѣятельности каждаго человѣка, чучше, чѣмъ здѣсь, могъ достигнуть своей завѣтной цѣли, то безъ сомнѣнія я бы промѣнялъ свое здѣшнее изгнаніе на этотъ Іерусалимъ“.

Новый Садъ произвелъ на Шафарика наилучшее впечатлѣніе. При красивомъ мѣстоположеніи, напоминавшемъ до нѣкоторой степени Пештъ и Будинъ, онъ имѣлъ въ то время важное торговое значеніе и послѣ Пешта занималъ въ этомъ отношеніи въ Венгріи первое мѣсто. Городское населеніе отличалось смѣшаннымъ характеромъ: здѣсь жили сербы, нѣмцы, мадьяры, греки, армяне и евреи, по вѣроисповѣданію православные и уніаты (колонія русиновъ), католики, протестанты и реформаты, послѣдователи армянской церкви и т. д. Но преобладаніе имѣли сербы. Новый Садъ былъ главный городъ воеводства, центръ сербской интеллигенціи въ австрійскихъ предѣлахъ. Недалеко отъ него находились Карловцы — резиденція сербскаго митрополита — сербскій Сіонъ, за крѣпостью Петеръ-Варадиномъ, по берегу Дуная тянулись Фрушкогорскія вершины, покрытыя лѣсомъ, съ обширными виноградниками у ихъ подошвъ, а по ихъ долинамъ по обѣ стороны разбросаны всѣмъ извѣстные фрушкогорскіе монастыри — сербскій Аѳонъ.

---

[1]) По замѣчанію Иречка призывъ въ Новый Садъ облегчили личныя знакомства съ сербами въ Кежмаркѣ, Пресбургѣ и Пештѣ. **6**, 490.

Въ Новомъ Садѣ Шафарикъ имѣлъ возможность прекрасно изучить сербскій языкъ, а монастырскія библіотеки, въ которыя онъ имѣлъ свободный доступъ, открывали передъ нимъ массу въ высшей степени важныхъ источниковъ по языку, исторіи и литературѣ южныхъ славянъ, знакомство съ которыми имѣетъ первостепенное значеніе для слависта. Благодаря этимъ обстоятельствамъ Шафарикъ становился первымъ въ свое время знатокомъ славянскаго юга, включая сюда не одну только Сербію, но и Болгарію. Все свободное отъ служебныхъ занятій время онъ посвящалъ здѣсь своимъ ученымъ трудамъ: здѣсь онъ написалъ исторію славянскихъ литературъ, разсужденіе о происхожденіи славянъ, здѣсь же онъ трудился и по собранію матеріаловъ для славянскихъ древностей и надъ составленіемъ подробной исторіи юго-славянскихъ литературъ. Отсюда онъ собиралъ юго-славянскіе памятники частію самъ, частію чрезъ посредство своихъ знакомыхъ или учениковъ, здѣсь имъ положено основаніе богатому рукописному собранію.

Въ сербскомъ обществѣ, среди котораго приходилось жить Шафарику, было не мало людей просвѣщенныхъ, интересовавшихся вопросами науки и литературы. Такіе люди были между духовенствомъ и свѣтскими.

Во главѣ сербской церкви стоялъ въ то время митрополитъ карловацкій Стефанъ Стратимировичъ. Это былъ человѣкъ образованный, много читавшій и имѣвшій свѣдѣнія въ области языковѣдѣнія, исторіи и церковнаго права. Онъ находился въ перепискѣ съ иностранными учеными, былъ членомъ Гёттингенскаго ученаго общества, и самъ Шлёцеръ посвятилъ ему изданіе хроники Нестора. Шафарикъ былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и пользовался его богатой и разнообразной библіотекой, съ своей стороны предлагая ему новыя сочиненія главнымъ образомъ на славянскихъ языкахъ. Нерѣдко Стратимировичъ первый получалъ какую-либо важную новость въ ученой литературѣ. Такъ напр. у него Шафарикъ въ первый разъ встрѣтилъ обратившее общее вниманіе сочиненіе Добровскаго: Institutiones linguae Slavicae veteris dialecti [1]).

Въ дружескихъ отношеніяхъ находился Шафарикъ и къ племяннику митрополита Ѳеодору Стратимировичу, который былъ меценатомъ сербской и славянской литературы. На его средства напечатано было въ 1825 г. сочиненіе Стефана Лешки о чужихъ словахъ (т.-е. славянскихъ) въ мадьярскомъ языкѣ. Шафарикъ нерѣдко пользовался его гостепріимствомъ. Въ 1821 г. онъ провелъ часть вакацій въ его имѣньи Кульпинѣ (на сѣверъ отъ Новаго Сада). У Шафарика былъ помѣщенъ молодой Милошъ Стратимировичъ, учившійся тогда въ Ново-Садской гимназіи, оттого позднѣе (1821—1823) Шафарикъ и жилъ въ принадлежавшемъ его отцу домѣ. Ѳ. Стратимировичъ значится въ числѣ подписчиковъ на исторію славянскихъ литературъ на 7 экз. Онъ помогалъ Шафарику въ занятіяхъ картографическихъ, пріобрѣлъ сочиненіе Пукевиля: Путешествіе въ Грецію, только для того, чтобы Шафарикъ могъ воспользоваться этой книгой.

[1]) Не всегда впрочемъ Стратимировичъ обнаруживалъ полную предупредительность. Такъ одинъ разъ изъ письма Коллару видно, что Шафарикъ только въ его отсутствіе могъ получить и то, что иначе было невозможнымъ: рѣчь идетъ о сербскихъ грамотахъ XII, XIII и XIV вв.

Вѣроятно, онъ былъ одинъ изъ двухъ сербскихъ дворянъ, которые обѣщали Шафарику средства на печатаніе собранныхъ имъ Monumenta Serbica и облегчали ему подготовительныя работы по этому труду. Когда въ 1832 г. онъ умеръ, Шафарикъ жалѣлъ о немъ, какъ о единственномъ человѣкѣ между сербами, на помощь котораго можно было разсчитывать.

Особенно выдавался между сербскими писателями изъ духовнаго сословія Лукіанъ Мушицкій, получившій образованіе въ университетѣ въ Пештѣ, но расположенный Стратимировичемъ вступить въ духовное званіе. Сначала Мушицкій былъ профессоромъ богословія въ семинаріи въ Карловцахъ, а съ 1812 г. архимандритомъ Шишатовацкаго монастыря. Здѣсь у него часто жилъ Вукъ Стефановичъ Караджичъ, собирая сербскія народныя пѣсни и матеріалъ для сербскаго словаря. Шафарикъ тотчасъ же по прибытіи въ Новый Садъ вступилъ съ нимъ въ сношенія. Какъ высоко онъ цѣнилъ его, видно изъ письма къ Палацкому, въ которомъ онъ съ сожалѣніемъ упоминаетъ о болѣзни Мушицкаго, считая его утрату въ случаѣ смерти невознаградимой для сербовъ. Въ свою очередь Мушицкій въ письмѣ новосадскому учителю Магарашевичу отзывался о Шафарикѣ самымъ лучшимъ образомъ: „Сербы счастливы, что у нихъ директоромъ Шафарикъ, благодаря ему многое можно предпринять, многаго можно достигнуть“. Черезъ нѣсколько дней онъ привѣтствовалъ новаго директора одой. Всѣ трое, Шафарикъ, Мушицкій и Магарашевичъ употребляли общія усилія, чтобы какъ можно лучше поставить новосадскую гимназію. Первой ихъ заботой было введеніе преподаванія древне-славянскаго языка, чтобы гимназія согласно данной при ея основаніи привилегіи приносила пользу славяно-сербскому языку и литературѣ. Мушицкій желалъ также, чтобы вмѣстѣ съ древне-славянскимъ языкомъ преподавался и греческій. Въ іюлѣ 1820 г. это было разрѣшено, но вслѣдствіе разногласій, господствовавшихъ въ это время у сербовъ по вопросамъ о языкѣ и правописаніи, на дѣлѣ преподаваніе слав. языка не осуществилось. Зато Шафарику удалось ввести преподаваніе черченія, которому вполнѣ сочувствовалъ Мушицкій. Въ 1822 г. была торжественно открыта при гимназіи библіотека, при чемъ Шафарикъ и Магарашевичъ произнесли рѣчи, а Мушицкій написалъ по этому случаю оду. Только въ послѣдніе годы пребыванія Шафарика въ Новомъ Садѣ его дружба съ Мушицкимъ охладѣла, благодаря неосторожности Палацкаго, напечатавшаго въ Часописѣ выдержку изъ письма Шафарика, который писалъ, что Мушицкій умеръ для литературы и поэзіи. Такой отзывъ огорчилъ Мушицкаго и въ одѣ чеху Свободѣ, переводившему его стихотворенія на нѣмецкій языкъ, онъ отвѣтилъ: „пошлите вѣсть Шафарику, что я еще живъ“.

Упомянутый уже нами Магарашевичъ, сослуживецъ Шафарика по гимназіи, былъ въ Новомъ Садѣ самымъ близкимъ его другомъ изъ свѣтскаго общества. Съ 1825 г. Магарашевичъ предпринялъ изданіе Лѣтописа, перваго сербскаго учено-литературнаго журнала, который имѣлъ общеславянскій характеръ и давалъ не мало свѣдѣній о другихъ славянскихъ народахъ и ихъ литературахъ. Успѣхъ этого журнала далъ поводъ Шафарику въ письмѣ Коллару съ похвалой отозваться о сербахъ: „Знайте и будьте вполнѣ увѣрены, что болѣе проникнутыхъ славянскимъ духомъ славянъ, чѣмъ сербы, у насъ нѣтъ“. Въ этомъ журналѣ принималъ участіе и Шафарикъ, а съ другой стороны

въ немъ были помѣщаемы въ сербскомъ переводѣ отрывки изъ трудовъ самого Шафарика. Магарашевичъ имѣлъ хорошую библіотеку, собиралъ старые сербскіе памятники, нерѣдко оба пріятеля вмѣстѣ ѣздили въ фрушкогорскіе монастыри, но при поэтически одаренной натурѣ онъ не былъ такимъ неутомимымъ и основательнымъ ученымъ, какимъ все болѣе и болѣе становился оставлявшій поэзію и углублявшійся въ ученыя занятія Шафарикъ. Изданія имъ сербскихъ памятниковъ, напр. Законника Душана, были крайне небрежны; жаловался иногда Шафарикъ и на его лѣность. Вскорѣ онъ умеръ еще въ молодые годы, 36 л. отъ рожденья.

Мушицкій и Магарашевичъ были особенно близки къ Шафарику по своимъ литературнымъ и ученымъ интересамъ. Но среди сербовъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, въ самомъ Новомъ Садѣ, и въ другихъ городахъ воеводства было не мало такихъ лицъ, съ которыми Шафарикъ поддерживалъ знакомство. Многіе изъ нихъ впослѣдствіи стали извѣстными или своей литературной, или же общественною дѣятельностію и достигли высокаго положенія. Таковы были Степанъ Станковичъ, большой почитатель ученыхъ трудовъ Шафарика, оказывавшій ему самое живое содѣйствіе посылкою книгъ и рукописей, сперва епископъ въ Будинѣ, потомъ въ Новомъ Садѣ и наконецъ въ Карловцахъ; Іосифъ Раячичъ, съ 1829 по 1834 г. епископъ далматинскій, позднѣе въ Банатѣ и также въ Карловцахъ, прославившій свое имя дѣятельностію въ защиту сербскихъ интересовъ: при немъ карловацкій архіепископъ снова получилъ титулъ патріарха, въ Карловцахъ была открыта типографія, подумывали и объ основаніи университета; Платонъ Атанацковичъ, много писавшій и печатавшій, сторонникъ народнаго языка въ литературѣ, но противникъ новаго правописанія: какъ епископъ, онъ также заботился о просвѣщеніи народномъ, пожертвовалъ 40.000 гульд. Новосадской гимназіи съ тою цѣлью, чтобы при ней была открыта юридическая академія, и мн. др.[1]).

Кромѣ новосадскаго общества Шафарикъ имѣлъ знакомства и въ крѣпости Петро Варадинѣ съ военными. Нѣкоторые изъ нихъ были ему посредниками въ книжныхъ сношеніяхъ съ Хорватіей (Загребомъ), такъ какъ въ эту сторону не было почты и приходилось пользоваться личными услугами. Другіе оказывали Шафарику содѣйствіе въ его картографическихъ занятіяхъ.

Изъ проѣзжавшихъ черезъ Новый Садъ сербовъ Шафарикъ познакомился съ Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ, вѣроятно, чрезъ Магарашевича — или въ Вѣнѣ, или въ Новомъ Садѣ, и въ 1825 г. уже рекомендовалъ его Коллару. Шафарикъ сочувствовалъ Вуку въ вопросѣ о введеніи народнаго языка въ литературу, но не одобрялъ его рѣзкій образъ дѣйствій, возстановлявшій противъ него въ особенности духовенство. Попытка Шафарика помирить Вука съ Стефаномъ Стратимировичемъ въ 1826 г. не имѣла успѣха. Съ Вукомъ Караджичемъ Шафарикъ велъ оживленную корреспонденцію, касавшуюся не только книгъ, но и вопросовъ библіографическихъ и этнографическихъ. Изъ другихъ сербскихъ писателей Шафарикъ зналъ Симу Милутиновича, котораго

---

[1]) О всѣхъ этихъ лицахъ, какъ упомянутыхъ, такъ и опущенныхъ нами, можно найти обильныя свѣдѣнія въ статьяхъ проф. К. Иречка.

поэтическіе опыты сразу обратили его вниманіе какъ своими несомнѣнными достоинствами, такъ и бросавшимися въ глаза недостатками стиля и языка.

Несмотря на близость къ Новому Саду Бѣлграда сношенія съ турецкими сербами были тогда не особенно легки. Это зависѣло въ значительной степени отъ неопредѣленности въ отношеніяхъ между сербами и турками, наступившей послѣ возстанія Милоша. Въ Бѣлградѣ еще имѣлъ мѣстопребываніе турецкій паша, Милошъ, хотя и считался главнымъ княземъ Сербіи, но не былъ офиціально признанъ въ княжескомъ достоинствѣ ни Турціей, ни Россіей. Русскій представитель Строгановъ, сдерживая неосторожные иногда шаги Милоша, подавалъ ему совѣты, какъ сербамъ слѣдуетъ отстаивать тѣ права и преимущества, которыя имъ давала 8-я статья Бухарестскаго трактата 1812 г. Съ своей стороны турки употребляли всевозможныя средства, чтобы умалить права сербовъ и поставить ихъ въ положеніе прежней зависимости отъ Турціи. Несмотря на популярность, которою пользовался Милошъ, происходили неоднократныя попытки возстаній противъ него, подавленіе которыхъ не могло обходиться безъ крутыхъ мѣръ. Особенно сильное волненіе вызвано было агентами греческой гетеріи, которая ненавидѣла Милоша за то, что онъ сдерживалъ сербовъ отъ возстанія противъ турокъ во время борьбы грековъ за народное освобожденіе. Въ 1826 г. Россія предъявила туркамъ настойчивыя требованія объ осуществленіи 8 ст. Бухарестскаго договора, результатомъ чего была конвенція въ Аккерманѣ, но только послѣ войны русскихъ съ турками и Адріанопольскаго мира 1829 г. послѣдовалъ хаттишерифъ султана, заключавшій всѣ права, признанныя Портою за сербами.

Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ Шафарикъ не имѣлъ возможности предпринять путешествіе въ Сербію. Часто бывая въ Землинѣ, онъ только разъ переѣхалъ Дунай и провелъ нѣсколько часовъ въ Бѣлградѣ: осмотрѣлъ городъ, былъ съ визитомъ у турецкаго паши. Но зато онъ находился почти въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сербами княжества и самимъ княземъ Милошемъ. Его отзывы о Милошѣ различны и писаны большею частію подъ вліяніемъ разсказовъ. Такъ напр., въ письмѣ Коллару 1827 г. онъ пишетъ, что „отъ валашскихъ, молдавскихъ, сербскихъ и др. князей ничего нельзя ожидать для литературы, они хуже самого султана и его пашей, имъ нѣтъ дѣла до блага народнаго и просвѣщенія. Я Ѳома невѣрный и ничего похвальнаго и полезнаго не жду отъ этихъ свинопасовъ“. Скоро однако Шафарикъ поколебался въ своемъ взглядѣ на сербскія дѣла. Онъ хвалитъ Палацкому учрежденную въ Бѣлградѣ типографію, которая снабжена шрифтами сербскимъ, латинскимъ и быть можетъ нѣмецкимъ. „Рабочіе призваны изъ Германіи и изъ Петербурга. Кирилловскій шрифтъ въ ней лучше, чѣмъ до сихъ поръ мнѣ случалось видѣть въ другихъ мѣстахъ; устройство типографіи — новѣйшее англійское. На заведеніе типографіи Милошъ истратилъ 10.000 дукатовъ“[1]). Правда, и въ этомъ письмѣ Шафарикъ еще осуждаетъ сербовъ, позволяющихъ оскорбленіе австрійскаго правительства. „Наша администрація издала строгое распоряженіе не пропускать изъ Сербіи ни одной

[1]) Письмо 10 окт. 1832 г. Иреч. **7**, стр. 593.

печатной бумажонки, почему мы здѣсь и не имѣемъ ничего напечатаннаго сербами. Даже вышедшей у насъ книги, взятой съ собой въ Сербію путешественникомъ, не позволяютъ ввезти обратно, и болгарское, напечатанное въ Бухарестѣ, евангеліе, посланное мнѣ княземъ Милошемъ, на границѣ отобрано и отослано назадъ. Этого бы не случилось, еслибы сербы были благоразумны и не возстановляли противъ себя власти сосѣдняго монарха своимъ глупымъ поведеніемъ. Уже отсюда видите, что въ Сербіи господствуетъ полное неблагоразуміе. Вообще правленіе князя Милоша во многихъ отношеніяхъ считается хуже турецкаго. Что дѣлается въ Сербіи, тому не повѣритъ, кто самъ не былъ свидѣтелемъ. Мы видѣли мѣцанскаго короля, но король гайдукъ это нѣчто новое на свѣтѣ, чего еще не бывало. Нѣкоторые его поступки вызываютъ смѣхъ, отъ другихъ заплакали бы и самые камни. Я противъ него ничего не имѣю; ко мнѣ онъ относился ласково, приказавъ по моей просьбѣ собрать для меня всѣ древніе письменные памятники, изъ которыхъ нѣкоторые я дѣйствительно и получилъ". Но уже 21 февраля 1833 г. Шафарикъ счелъ нужнымъ сдѣлать по поводу послѣдняго письма такую оговорку: „Если напечатаете что-нибудь изъ писаннаго мною въ предыдущемъ письмѣ, то обратите пожалуйста вниманіе на то, что я говорилъ о бѣлградской типографіи и заграничныхъ сербахъ, и все, что тамъ есть рѣзкаго, вычеркните. Опасаюсь, чтобы не оскорбить этихъ людей и не возстановить ихъ противъ себя. Самъ я при дворѣ князя Милоша не былъ, а здѣсь каждый бѣжавшій оттуда представляетъ все по своему. Быть можетъ лучше до времени помолчать. Князь Милошъ обращаетъ вниманіе на мои слова, какъ на слова какого-то благовѣстника, а Вукъ и другіе ослѣпленные партійными взглядами люди не замедлятъ предложить ему все, какъ какой-то ядъ. *На дѣлѣ мнѣ кажется, что дѣла въ Сербіи идутъ лучше, чѣмъ мнѣ представилъ это Вукъ*". Осторожность дѣйствительно не мѣшала; можно ли было строго осуждать сербскаго князя, когда австрійскія власти вели себя не лучше свинопасовъ и допускали такія грубыя притѣсненія по отношенію къ молодому возникавшему въ сосѣдствѣ славянскому государству?[1]).

Въ то время, когда Шафарикъ жилъ въ Новомъ Садѣ, австрійскіе сербы, какъ и другіе славяне, переживали эпоху возрожденія своей литературы. И нужно имъ отдать честь, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они предупредили прочихъ своихъ соплеменниковъ. Такъ, именно у нихъ первыхъ явилось такое важное учрежденіе, какимъ была основанная въ Пештѣ въ 1826 г. Сербская Матица. Матица возникла въ Пештѣ потому, что здѣсь, какъ въ столицѣ Венгріи, были сербскіе купцы, явившіеся на помощь своему народу средствами, здѣсь также была и главная, имѣвшая право монополіи до 1830 г. сербская типографія, съ 1796 г. перешедшая въ собственность Пештскаго университета. Въ ней печаталось большое количество сербскихъ книгъ. Но если въ силу этихъ условій Пештъ и явился мѣстомъ появленія этого общества, то съ другой стороны не слѣдуетъ опускать изъ виду, что иниціатива

---

[1]) Иначе Шафарикъ относился къ Сербіи съ полнымъ сочувствіемъ. Сравни напр. слова Коллару въ письмѣ 8 іюня 1828 г.: „я теперь занятъ приготовленіемъ карты нашей дорогой и юной Сербіи (Serbie naší milé a mladé). Č. Č. M. 1875 стр. 142.

многихъ изданій и предпріятій принадлежала сербамъ воеводства. Между ними выдающуюся роль играли новосадскіе сербы: издатель-книгопродавецъ Д. Каулиція и учитель новосадской гимназіи Магарашевичъ. Изъ писемъ Шафарика къ Коллару мы видимъ, что еще въ 1823 г. Магарашевичъ уже имѣлъ намѣреніе издавать журналъ Сербскую Лѣтопись, сотрудничать въ которомъ обѣщалъ и Шафарикъ[1]). Мысль объ этомъ предпріятіи явилась среди его дружескихъ бесѣдъ съ Шафарикомъ, а быть можетъ, въ этомъ проектѣ принималъ участіе и Мушицкій. Что касается участія Шафарика, то не слѣдуетъ опускать изъ виду, что еще 28 ноября 1822 г., вернувшись изъ Пешта, онъ писалъ Палацкому: „Я того мнѣнія, что пока мы не организуемъ въ Венгріи какого-нибудь общества, которое бы основало журналъ для просвѣщенной части народа, мы ничего не достигнемъ“. То, чего Шафарикъ желалъ для своихъ соотечественниковъ, осуществилось у сербовъ. Судя по письму 18 августа 1824 г., Лѣтописи печатались въ Пештѣ[2]). А 19 мая 1825 г. Шафарикъ обѣщался послать Коллару 2-й вып. Лѣтописей черезъ новосадскихъ купцовъ. Интересно, что печатавшееся въ Пештѣ изданіе разсылалось даже и въ самый Пештъ изъ Новаго Сада. Это и понятно, потому что тогда изданіе было еще частнымъ предпріятіемъ Каулиція. „Когда новосадскій книгопродавецъ К. Каулиція въ 1825 г. началъ издавать Сербскій Лѣтописъ — справедливо замѣчаетъ новый редакторъ этого журнала — онъ не могъ знать, что черезъ годъ его замѣнитъ въ этомъ дѣлѣ Сербская Матица; мало того, онъ въ томъ же году думалъ прекратить изданіе Лѣтописа и настоящій органъ Матицы испыталъ бы общую участь многихъ и не сербскихъ только журналовъ. Но счастливая судьба сулила иное. Основаніе Сербской Матицы упрочило существованіе Лѣтописа, и его основатель сталъ и первымъ его редакторомъ“[3]). Такимъ образомъ и иниціатива изданія принадлежала Новому Саду, и издатель и редакторъ, а также и большая часть сотрудниковъ были новосадскіе сербы. Шафарикъ относился къ успѣхамъ вновь возникшаго учрежденія тѣмъ съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ выше цѣнилъ его важность. Прежде всего Шафарикъ желалъ видѣть тѣ же учрежденія у себя на родинѣ, у словаковъ, которые всего болѣе въ нихъ нуждались. Уже въ іюлѣ 1827 г. онъ писалъ своимъ друзьямъ, Коллару: „размышляю о матицѣ словенской“ и Палацкому 29 декабря 1829 г.; „если бы наши словаки были въ состояніи составить такое общество и собрать капиталъ“[4]). Въ 1831 г. онъ предлагалъ Коллару основать для словаковъ литературный журналъ: „такой журналъ намъ никто не могъ бы

---

[1]) Проф. Магарашевичъ хочетъ издавать Srbské letopisy Ć. Ć. M. 1873, стр. 144. Письмо 28 іюня 1823.

[2]) Ib. стр. 392.

[3]) Летопис Матице српске кн. 185. 1896, стр. XXI. Эта книга заключаетъ два указателя къ напечатанному въ журналѣ матеріалу. Одинъ распредѣленъ по авторамъ и составленъ бывшимъ до 1896 г. редакторомъ журнала А. Хаджичемъ, другой, въ которомъ содержаніе распредѣлено по предметамъ, составленъ Г. Поповичемъ. Нельзя не выразить обоимъ составителямъ самой искренней благодарности за ихъ труды, облегчающіе пользованіе богатымъ матеріаломъ журнала.

[4]) Иречекъ 9, 775.

запретить. Вѣдь издаютъ же сербы свои Лѣтописи; отчего же намъ не имѣть чего-либо подобнаго? Правда у насъ есть свой музейный; но много ли словаковъ его знаютъ и читаютъ? Въ нашемъ мы должны были бы обратить особое вниманіе на потребности нашего народа или народца. При этомъ слѣдовало бы соединить двѣ задачи: литературную, этическую, высшую и техническую, простонародную, низшую. Четырехъ небольшихъ выпусковъ въ годъ было бы достаточно для нашихъ бѣдныхъ земляковъ. Быть можетъ, нашлись бы читатели и между чехами“)[1]. По нашему мнѣнію это предложеніе отличается прекраснымъ пониманіемъ дѣла и служитъ примѣромъ, какъ искусно умѣлъ Шафарикъ соединять высшіе интересы просвѣщенія съ практичностію исполненія. Къ величайшему сожалѣнію затрудненіе зависѣло отъ вопроса объ языкѣ: издавать ли подобный журналъ языкомъ чешскаго перевода свящ. Писанія, или на простонародномъ нарѣчіи. 22 сент. Шафарикъ писалъ Коллару: „Вижу, что изъ изданія газетъ, журнала для словаковъ — таково было мое мнѣніе — теперь ничего не выйдетъ, бернолачину ни одинъ евангеликъ читать не будетъ“. Другой разъ, обсуждая съ Колларомъ, какъ бы лучше поставить книжное дѣло у словаковъ, онъ писалъ своему другу: „ Я того мнѣнія, что, пока изданіе и распродажа словенскихъ книгъ будетъ лежать на насъ, ученыхъ, это дѣло долго не пойдетъ, какъ слѣдуетъ. Въ этомъ отношеніи сербы стоятъ выше насъ; ихъ Матица должна служить намъ образцомъ“[2]). И дѣйствительно, по примѣру сербовъ и другіе славяне стали открывать общества того же имени. Они появились въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 1832 г. Матица Чешская въ Прагѣ, въ 1842 г. Матица Иллирская въ Загребѣ, находившаяся сначала подъ управленіемъ Загребской читальни и только съ 1851 г. начавшая дѣйствовать какъ самостоятельное общество; въ 1845 Лужицко-Сербская Матица въ Будишинѣ; въ 1848 г. Галицко-Русская Матица во Львовѣ; въ 1849 г. Матица Моравская въ Брнѣ, открывшая свою дѣятельность подъ именемъ „Народное общество св. Кирилла и Меѳодія“ и только съ 1853 г. обратившаяся въ общество, имя котораго теперь она носитъ; въ 1861 г. Матица Словенская въ Турчанскомъ св. Мартинѣ (къ несчастью для народнаго дѣла словаковъ въ 1874 г. закрытая мадьярами)[3]); въ 1862 г. Матица Далматинская; въ 1864 г. Матица Словинская въ Люблянахъ и наконецъ Матица Лиду въ Прагѣ въ 1867 г.[4]). Всѣ эти общества съ честью служили и продолжаютъ служить каждая интересамъ своего народа, несмотря на всѣ тяжелыя условія среди враждебныхъ инородныхъ элементовъ.

Тѣмъ болѣе слѣдуетъ желать, чтобы не удались усилія, направленныя въ послѣдніе годы противъ Новосадской Матицы врагами сербскаго народа, и чтобы благополучно миновали это дорогое всѣмъ славянамъ общество невзгоды, препятствующія успѣхамъ его благородныхъ и мирныхъ стремленій. Дѣло въ томъ, что, начиная

---

[1]) Ib.

[2]) Č. Č. M. 1875 г., стр. 135. Письмо 18 января 1828.

[3]) Закрытіе Словенской Матицы одно изъ величайшихъ преступленій, совершенныхъ мадьярами, кичащимися своей культурностію.

[4]) Сербскій Лѣтописъ 1880 г., кн. 121, стр. 41. Статья А. Хаджича: Матица Српска.

съ 1875 г., венгерскія власти предприняли цѣлый рядъ мѣръ противъ Матицы. Они требовали перемѣщенія ея въ Пештъ, они настояли на передачѣ фонда извѣстнаго сербскаго патріота Текеліи въ Пештъ, они предприняли слѣдствія по дѣламъ Матицы. Когда Матицѣ стало извѣстно, что венгерское министерство народнаго просвѣщенія рѣшило передать распоряженіе фондомъ Текеліи сербской церковной общинѣ въ Пештѣ, она хлопотала о томъ, чтобы этотъ завѣщанный волею жертвователя Матицѣ капиталъ, несправедливо у нея отнятый, былъ ей возвращенъ. На это отъ министра въ 1892 г. послѣдовалъ отвѣтъ, что фондъ Текеліи изъятъ изъ распоряженія Матицы потому, что духовное направленіе, возобладавшее въ Матицѣ, противорѣчитъ государственнымъ интересамъ.

„На эти обвиненія Матица отвѣчала министру, что она никогда не вмѣшивалась и не вмѣшивается въ политику и что въ ней не господствуютъ партійныя страсти. Матица своей лояльною и патріотическою литературною дѣятельностію, добросовѣстнымъ расходованіемъ ввѣренныхъ ей фондовъ, согласно волѣ жертвователей, и выборомъ постоянно достойнѣйшихъ питомцевъ для стипендій на дѣлѣ доказала, что ея главная забота была и есть приносить возмѣжно большую пользу сербской литературѣ и просвѣщенію, а тѣмъ самымъ интересамъ литературы и просвѣщенія всего государства“ [1]).

До сихъ поръ на эти объясненія никакого отвѣта не послѣдовало [2]).

---

[1]) Лѣтоп. кн. 185 стр. XII—XIII.

[2]) Насколько скромны и въ то же время вполнѣ законны задачи Матицы, всего лучше можно видѣть изъ прекрасной статьи бывшаго редактора Лѣтописи почтеннаго А. Хаджича. Будетъ нелишне привести цѣликомъ его взглядъ по этому вопросу.

„Въ борьбѣ за существованіе, ведя лютый бой съ явными и тайными врагами, Матица не пользовалась въ эти тяжелые для нея дни ни достаточнымъ спокойствіемъ, ни необходимымъ расположеніемъ къ мирной и серьезной литературной дѣятельности.

„Облака, собиравшіяся надъ головой Матицы, сгущались все сильнѣе, атмосфера около нея была такъ удушлива, что едва можно было дышать.

„Если иногда и проникало немного свѣта въ эту мрачную ситуацію, это не былъ мягкій свѣтъ солнечныхъ лучей, а то были отблески молніи, показывавшіе на минуту, какіе страхи насъ окружаютъ.

„Въ такія трудныя времена, въ этихъ безпрестанныхъ терзаніяхъ не легкое дѣло отдаться съ покойной душой и яснымъ челомъ мирной литературной дѣятельности!

„Inter arma silent musae.

„Живой народъ долженъ имѣть и свою живую литературу, если онъ желаетъ при настоящихъ тяжелыхъ условіяхъ, когда всѣ образованные народы всѣми силами стараются развить свою литературу не только для себя, а и для того, чтобы сдѣлать ее пріятной и навязать другимъ менѣе образованнымъ народамъ.

„И наша Матица постоянно трудилась и понынѣ трудится надъ тѣмъ, чтобы утвердить и распространить нашу литературу на народномъ основаніи.

„Если она не всегда успѣвала въ этомъ согласно своимъ желаніямъ и намѣреніямъ, то виной тому большею частію непрерывныя затрудненія, всякій часъ грозившія ея существованію и препятствовавшія ея дѣятельности.

Но въ жизни сербскаго общества были и темныя стороны, на которыя въ письмахъ Шафарика къ друзьямъ находимъ частыя указанія.

Уже въ самомъ началѣ переписки Шафарикъ давалъ имъ понять, что чувствовалъ себя у сербовъ не совсѣмъ какъ дома, онъ жаловался Палацкому на свое одиночество. На слова послѣдняго: „трудясь между сербами, вы трудитесь также для славянъ“ онъ отвѣчалъ: „здѣсь нѣтъ человѣка, который бы, находясь со мной въ какихъ-нибудь сношеніяхъ, не обнаруживалъ ко мнѣ расположенія; но друга я себѣ не нахожу. Между однимъ народомъ и другимъ, какъ между однимъ человѣкомъ и другимъ, однимъ пріятелемъ и другимъ, есть разница!“ [1]) Такія же чувства выражалъ онъ и въ письмахъ Коллару: „Дорогой другъ! Ваше письмо, проникнутое чисто славянской любовію, я получилъ третьяго дня къ великому утѣшенію *въ этомъ истинномъ изгнаніи своего духа*. Вы жалуетесь, что должны дышать среди двухъ элементовъ, а я долженъ пожаловаться, что тотъ, среди котораго нахожусь я, куда какъ далекъ отъ райскаго источника“ [2]).

И позднѣе Шафарикъ нерѣдко жаловался въ своей перепискѣ съ друзьями на дурныя стороны въ жизни сербскаго общества. Грубость нравовъ, страстность и неразборчивость въ выборѣ средствъ для борьбы, небрежное отношеніе къ исполненію

„Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что съ малыми средствами можно достигнуть только малыхъ успѣховъ.

„Наша Матица должна была бы располагать гораздо большими средствами, чтобы ея трудъ, направленный къ преуспѣянію сербской литературы, могъ имѣть великіе, рѣшающіе народную судьбу результаты.

„Чтобы Матица могла имѣть вліяніе на нашу литературу и черезъ нее на жизнь и судьбу сербскаго народа, она должна была бы имѣть такія матеріальныя средства для литературныхъ цѣлей, чтобы быть въ состояніи обезпечить безбѣдное существованіе тѣмъ сынамъ сербскаго народа, которые имѣли бы даръ, охоту и способности всю свою жизнь посвятить литературѣ.

„Будетъ ли когда-нибудь наша Матица въ такомъ счастливомъ положеніи, чтобы сербскимъ писателямъ создать такія благопріятныя условія, при которыхъ они могли бы всѣ свои силы, всю свою ученость посвятить исключительно служенію той возвышенной задачѣ, которую должна преслѣдовать Матица, приблизится ли она когда-нибудь къ образцу, къ которому стремится, это вопросы, на которые, если Богъ дастъ, отвѣтятъ свѣтлые дни наступающаго будущаго.

„Въ настоящее время ей не остается ничего другого, какъ только и далѣе дѣйствовать, насколько возможно, по своей силѣ и средствамъ, которыми она располагаетъ.

„По своему происхожденію и задачѣ наша Матица должна была бы быть тѣмъ, что и другія ея славянскія сестры, но обстоятельства, въ которыхъ находится нашъ народъ, и условія нашей жизни дали ей другое направленіе и задачу.

„Матица должна содѣйствовать преуспѣянію нашей литературы и распоряжаться тѣми фондами, которые ей завѣщали на просвѣтительныя цѣли достойные сыны нашего народа. Матица, какъ удачно выразился д-ръ Иванъ Суботичъ, наша просвѣтительная „державица“.

[1]) Письмо 15 февраля 1820 г.

[2]) Письмо 14 февраля 1821 года. Сравни также выше приведенные нами отрывки стр.

обязанностей, безпечная лѣность въ занятіяхъ — все это сильно дѣйствовало на впечатлительную натуру Шафарика. Такъ, не успѣла еще окрѣпнуть Матица, только что открылось изданіе Сербской Лѣтописи, какъ появилась ожесточенная борьба изъ-за правописанія. Въ Лѣтописи была напечатана ода на Вука Караджича, вооружившая противъ изданія сторонниковъ реформы. Шафарикъ писалъ по этому поводу Коллару: „Магарашевичъ получилъ ваше разсужденіе. Почему не помѣщаетъ его въ Лѣтописяхъ, навѣрное не знаю. Но то знаю, что этотъ господинъ ничего не дѣлаетъ. Должно быть, въ этомъ и заключается главная причина. Его имя въ Лѣтописяхъ пустой звукъ. Скоро пожалуй и Лѣтописи падутъ; если не будетъ въ нихъ больше порядка, онѣ долго не продержатся. Ода на Вука опять подняла раздоръ, помѣстить эту оду въ Лѣтописяхъ въ такое тяжелое время было величайшей глупостью. Между тѣмъ въ то время какъ мы всячески стараемся какъ-нибудь успокоить гидру, эти неразумные люди безъ всякой нужды подливаютъ масла въ огонь“ [1]).

Въ слѣдующемъ году онъ извѣщаетъ о преслѣдованіи, возбужденномъ противъ Матицы вслѣдствіе доноса о ея дѣятельности.

„На Матицу и Лѣтопись начинаютъ гремѣть громы. Скажу вамъ объ этомъ, что знаю, съ просьбою только, чтобы вы не говорили объ этомъ съ Ружичемъ или по крайней мѣрѣ не выдали меня, что я писалъ вамъ о томъ. Говорятъ, въ Вѣнѣ кто-то представилъ матицу какъ противоправительственное общество. Отъ правительства ничего еще не получено архіепископомъ, но обо всемъ этомъ ему напередъ писалъ агентъ. Архіепископъ здѣсь устроилъ страшную инквизицію, но тайно (хотя мнѣ все это извѣстно). Магарашевичу запретилъ продолжать изданіе Лѣтописи и выпускать какіе-либо другіе труды безъ его позволенія, угрожая въ противномъ случаѣ немедленной отставкой. Что дѣлается въ Будимѣ, мы не знаемъ; несомнѣнно, и тамъ настанетъ инквизиція. О если бы дѣло это не было намъ въ ущербъ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, дѣла плохи, побѣдили монахи. Въ концѣ концовъ вся сербская литература должна погибнуть. Тѣ, кому бы должно и можно было ее защищать, монахи, сами ее подрываютъ“ [2]).

Шафарикъ главную отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ слагалъ на Стратимировича; „архіепископъ ждалъ только случая, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ задушить зарождающіяся народную литературу и просвѣщеніе... Онъ это дѣлаетъ съ полнымъ убѣжденіемъ: вѣдь, монахи охотно бы подавили и задушили каждую и самую малѣйшую искорку народнаго просвѣщенія. Имъ только бы сохранить *слѣпоту* и *подчиненность* — тогда у нихъ растетъ борода. Вы думаете, что монахи могутъ перестать быть монахами. Знаю и допускаю, что монахъ можетъ перестать быть монахомъ; но монашество не можетъ перестать быть монашествомъ — особенно въ своей главѣ, въ концентрованной іерархіи. Отсюда происходитъ преслѣдованіе ученѣйшихъ людей въ народѣ, какъ напр. теперь Мушицкаго, котораго осудили почти на смерть, *хотѣли его отравить, для чего подмѣшали яду въ вино,* во всякомъ случаѣ планъ ихъ былъ его сжить со свѣту“.

---

[1]) Č. Č. M. 1874 г., стр. 85. Письмо 26 сент. 1826 г.

[2]) Č. Č. M. 1874 г., стр. 287. Письмо 18 мая 1827 г.; ср. также слѣдующее письмо, стр. 288.

БИБЛІОТЕКА СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

Вообще онъ рѣзко отзывался о сербскомъ монашествѣ: „Вы думаете, что эти двѣ гимназіи появились бы, если бы народъ, такъ сказать, насилу не вырвалъ ихъ у императора, противъ воли монаховъ. Ни одинъ монахъ (не исключая и архіепископа) не далъ на нихъ ни гроша изъ своего кармана, всѣмъ, что касается просвѣщенія, мы обязаны горожанамъ. Монахи не хотятъ ихъ уничтожить потому только, что иначе молодежь обратилась бы или къ католикамъ, или къ протестантамъ. Но они дѣлаютъ все, чтобы молодежь въ этихъ гимназіяхъ и въ ихъ семинаріи потупѣла. Sciunt enim, asinis bene inequitari posse“ [1]). Можно думать, что въ данномъ случаѣ Шафарикъ высказался слишкомъ горячо и рѣзко: иначе онъ говоритъ о Стратимировичѣ въ своей „Исторіи слав. литературъ“ [2]). Съ другой стороны, мы знаемъ, что гнѣвъ архіепископа не имѣлъ тѣхъ послѣдствій, какія указываются въ письмѣ: Лѣтопись продолжала выходить и Магарашевичъ до самой смерти оставался ея редакторомъ. По справедливому замѣчанію Иречка, нигдѣ нѣтъ и слѣда, что Лѣтописи прошли чрезъ какіе-то опасные подводные камни. Объ этомъ эпизодѣ мы знаемъ только изъ переписки“ [3]).

Не находилъ Шафарикъ въ сербскомъ духовенствѣ и славянской отзывчивости. Получивъ отъ Коллара предложеніе принять участіе въ продажѣ словенскихъ пѣсенъ, онъ пишетъ ему: „опасаюсь, что съ трудомъ буду въ состояніи продать здѣсь 60 экз Насъ словаковъ здѣсь мало, а духовные не шевельнутъ и пальцемъ“ [4]).

Этимъ недостаткомъ отличалось, впрочемъ, не одно духовенство. Ранѣе въ 1824 г., получивъ извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ новаго изданія стихотвореній Коллара, онъ писалъ ему: „постараемся продать здѣсь по крайней мѣрѣ 10 экз. вашего сочиненія; подписныхъ денегъ никакихъ послать не могу, потому что наши здѣшніе несловаки покупаютъ книги не иначе, если вы такъ сказать имъ навяжете силой“ [5]).

Не лучшаго мнѣнія былъ Шафарикъ и о щедрости сербскихъ купцовъ. Когда Колларъ хлопоталъ о томъ, нельзя ли въ Новомъ Садѣ найти мѣсто учителя для одного словака, онъ отвѣчалъ ему: „Я достаточно обдумалъ это дѣло, говорилъ съ Магарашевичемъ и др. Но теперь ничего нельзя устроить. Нужно имѣть въ виду, что у сербовъ мало помѣщиковъ, а если и есть кто, то предпочитаютъ имѣть учителя своего вѣроисповѣданія и языка. Исключая нѣсколькихъ купцовъ, здѣсь все крестьяне-дикари. А что касается сербскихъ купцовъ, скорѣе отъ чорта можно что-нибудь заработать, чѣмъ отъ нихъ“ [6]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 289. Письмо 30 мая 1827 г. Слѣдуетъ замѣтить, что разсѣянные въ письмахъ Шафарика дурные отзывы о сербскомъ духовенствѣ не могутъ быть относимы ко всему сословію. Уже выше было указано, что среди его было не мало достойныхъ людей. Прибавимъ еще, какъ много изъ нихъ именно было подписчиковъ на Geschichte der Slav. Liter. Одно это свидѣтельствуетъ объ ихъ интересахъ къ просвѣщенію.

[2]) 2-е изданіе, стр. 213.

[3]) Иреч. 9, 789.

[4]) Č. Č. M. 1874, стр. 417, 1 окт. 1827.

[5]) Č. Č. M. 1873, стр. 387. Письмо 2 марта 1824 г.

[6]) Č. Č. M. 1874, стр. 419. Письмо 25 окт. 1827 г.

Даже хорошіе друзья Шафарика давали иногда поводъ къ жалобамъ своимъ образомъ дѣйствій. Такъ напр., занимаясь сербской литературой, онъ жаловался на Мушицкаго: „у Мушицкаго есть все, но отъ него ничего не достанешь. Иначе онъ человѣкъ хорошій и мой пріятель, но монахъ“ [1]).

Магарашевичъ позволялъ себѣ неаккуратность въ денежныхъ счетахъ. Шафарикъ жаловался на него, что, получивъ деньги за 16 экз. „Исторіи слав. литературъ“, онъ удержалъ ихъ у себя, утверждая, что деньги еще не посланы[2]). Тотъ же самый пріятель, поручивъ Вуку Караджичу пріобрѣсти въ Петербургѣ на средства свои и Шафарика нѣсколько русскихъ книгъ, не отдалъ ему денегъ, ни своихъ, ни уплаченныхъ Шафарикомъ, отчего Вукъ, собирая подписчиковъ на ту же книгу, удержалъ полученныя при подпискѣ книги, и Шафарикъ принужденъ былъ нести убытокъ за грѣхи своего товарища[3]). Подобной неисправности боялся Шафарикъ и со стороны Мушицкаго[4]). Переносить все это Шафарику было тѣмъ тяжелѣе, что онъ издавалъ эту книгу на свои скромныя средства, и всякая потеря для него была чувствительна. Были и такіе испорченные люди, поступки которыхъ глубоко возмущали Шафарика. Такъ напр., одинъ сербскій писатель того времени М. Видаковичъ, отъ 1817—1825 г. бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ и преподавателемъ гимназіи, содержалъ въ своей квартирѣ частный пансіонъ и при этомъ позволилъ себѣ такой проступокъ, за который долженъ былъ оставить службу. Шафарикъ по обязанности директора долженъ былъ производить слѣдствіе по этому дѣлу, о которомъ до послѣднихъ лѣтъ онъ вспоминалъ съ отвращеніемъ. Другой тяжелый случай произошелъ позднѣе, незадолго передъ отъѣздомъ изъ Новаго Сада, когда одинъ ученикъ скончался отъ побоевъ, нанесенныхъ ему въ классѣ учителемъ.

Если подобные поступки огорчали Шафарика, тѣмъ горячѣе относился онъ къ такимъ людямъ, которые подавали самыя лучшія надежды. Не можемъ опустить мѣсто изъ письма Коллару 18 октября 1824 г., гдѣ ему рекомендуется одинъ молодой юноша Юрій Пантелинъ: „Ю. П., податель настоящаго письма, родомъ изъ Лединецъ въ Срѣмѣ, окончивъ курсъ философіи въ Пресбургѣ, пріѣзжаетъ въ Пештъ учиться медицинѣ. Онъ былъ когда-то моимъ ученикомъ, и за особенныя его дарованія, остроту ума, жизнерадостное настроеніе, доброту сердца я старался помогать ему и въ дальнѣйшихъ его трудахъ. Онъ происходитъ отъ бѣдныхъ и простыхъ родителей; и тѣмъ не менѣе нашлись добрые люди, поддерживавшіе его своей помощью... Онъ надѣется на Бога и свои силы, на свое усердіе и умѣренность, при которыхъ и въ Пештѣ, какъ въ Пресбургѣ, найдетъ средства къ жизни.

Рекомендую его вашей любви и заботамъ. Будьте ему совѣтникомъ во всѣхъ нуждахъ жизни. Надѣюсь, узнавши его, сами найдете его достойнымъ вашего благо-

---

[1]) Č. Č. M. 1873, стр. 144. Письмо 28 іюня 1823.

[2]) Č. Č. M. 1874, стр. 55. Письмо 9 января 1826 г.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же, стр. 72. Письмо 16 марта 1826 г. Č. Č. M. 1873, стр. 126. Тамъ же стр. 142. Письмо 13 іюня 1823 г. Тамъ же, стр. 144.

дѣянія. Позвольте ему навѣщать васъ, насколько это возможно безъ ущерба вашему посвященному важнымъ и святымъ задачамъ досугу, и учиться, слѣдуя вашему примѣру, быть человѣкомъ, что онъ не преминетъ исполнить. Во всякомъ случаѣ добрый совѣтъ и примѣръ иногда дороже горъ злата!“

Съ такою же искренностію Шафарикъ рекомендовалъ Коллару Вука Караджича: „извѣстный и драгоцѣнный нашъ соплеменникъ В. С., отправившись изъ Вѣны въ южную Венгрію, пробылъ нѣсколько дней и у насъ и порадовалъ насъ своимъ присутствіемъ и пріязнію. Всячески желая на обратномъ пути познакомиться съ вами, онъ рѣшилъ пробыть нѣсколько дней въ Будапештѣ и разыскать васъ. Вамъ излишне его рекомендовать; онъ самъ лучшая рекомендація. Не поставьте себѣ въ трудъ, если будетъ возможно, познакомить его и съ остальными единоплеменниками. Этимъ его премного обяжете“.

Къ своимъ педагогическимъ занятіямъ въ Новомъ Садѣ Шафарикъ относился съ самой строгой добросовѣстностію. Объ этомъ мы всего лучше можемъ судить по тому, какъ часто онъ жаловался въ письмахъ на то, что преподавательскій трудъ отнимаетъ много времени и служитъ не малой помѣхой ученымъ занятіямъ. Трудясь надъ приведеніемъ въ порядокъ сборника словенскихъ пѣсенъ, онъ писалъ Коллару: „въ настоящее время вслѣдствіе разнообразныхъ школьныхъ занятій я долженъ оставить эту работу“. Школьныя занятія тяготили его: „Меня тяготитъ это школьное иго — эта школьная пыль мучитъ. Но что дѣлать? Намъ такъ было суждено“. Въ слѣдующемъ письмѣ онъ пишетъ: „Этой осенью едва ли я куда-нибудь поѣду. Было бы жаль оставить безъ осуществленія столько приготовленій, плановъ, при школьныхъ занятіяхъ все это лежитъ“. — Я въ эти вакаціи долженъ оставить всякую мысль о путешествіи, отчасти, чтобы на нѣкоторое время уберечься отъ лишнихъ расходовъ, а отчасти чтобы могъ посвятить свободныя минуты литературнымъ занятіямъ“. Тяжелая болѣзнь, постигшая его осенью этого года, разстроила его предположенія: всякія литературныя занятія были воспрещены ему врачемъ. И позднѣе Шафарикъ не переставалъ жаловаться на обременительность школьныхъ работъ. 28 дек. 1828 г. онъ писалъ Палацкому: „я такъ занятъ и обремененъ школьными работами, что едва могу дышать“. 12 августа 1830 г. тѣ же жалобы: „давно я не былъ обремененъ столькими работами и заботами, какъ этими весной и лѣтомъ“. Послѣдніе годы въ Новомъ Садѣ были особенно тяжелы для Шафарика. 1 сентября 1831 г. онъ писалъ: „мои дѣла съ нѣкотораго времени идутъ такъ дурно, что не можетъ быть хуже. Долженъ собрать всѣ силы, чтобы не пасть подъ бременемъ заботъ и неурядицъ. Въ такомъ положеніи о Прагѣ и Матицѣ не могу и подумать, однимъ словомъ послѣ 12-ти-лѣтнихъ усилій въ проклятой должности среди неблагодарнаго народа я дошелъ до разоренія и нищеты“.

Особенно много жалобъ въ письмахъ Шафарика находимъ на состояніе гимназіи. Она приходила все въ большій упадокъ, по винѣ патроната и высшаго духовенства. Дисциплина ослабла даже среди учителей. Жалованье платили неаккуратно; случалось, что кассиръ патроната, купецъ Лазарь Поповичъ, давалъ профессорамъ деньги въ мѣшкахъ мѣдными грошами. Палацкому Шафарикъ писалъ, что о школьныхъ дѣлахъ онъ могъ бы написать цѣлую іереміаду: „Мое положеніе здѣсь во всѣхъ

отношеніяхъ неблагопріятно, и пока я здѣсь, нельзя отъ меня ожидать ничего серьезнаго. Съ каждымъ днемъ все болѣе чувствую, что въ такихъ обстоятельствахъ, при такомъ безпорядкѣ всѣ мои усилія не достигаютъ цѣли. Мнѣ кажется, что я стою въ Дунаѣ и хочу остановить его своими руками, а онъ подрываетъ песокъ подъ моими ногами". Считая свое пребываніе въ Новомъ Садѣ только временнымъ Шафарикъ готовъ былъ удалиться хотя бы въ Америку. Положеніе дѣла въ гимназіи все ухудшалось. Въ письмѣ Коллару 25 окт. 1832 г. Шафарикъ обвинялъ въ этомъ, съ одной стороны, правительство, съ другой — монаховъ: „Наша гимназія находится въ самомъ дурномъ положеніи. Правительство, какъ вы сами хорошо знаете, не только не обращаетъ никакого вниманія на подобныя частныя заведенія иновѣрныхъ, но даже наоборотъ, втайнѣ радуется, когда они приходятъ въ упадокъ и прекращаютъ свое существованіе. Высшее черное духовенство, архіепископъ и епископъ, — самые жестокіе враги этихъ заведеній, какъ и вообще просвѣщенія народа, хотя, подобно фарисеямъ, таятъ это передъ свѣтомъ и должны таить. Здѣшняя община подобна Абдеритамъ и не можетъ управлять гимназіей. Не находя нигдѣ поддержки, гимназія невольно должна пасть. Уже теперь учениковъ почти столько же, сколько и преподавателей. Кромѣ того, община хочетъ омадьярить свою гимназію, и меня — къ нашему стыду и позору — хотятъ заставить учить въ классахъ мадьярскому языку. Видите, долѣе здѣсь оставаться нѣтъ возможности — умолчу о другихъ, еще болѣе ужасныхъ вещахъ". Почти то же писалъ онъ и Палацкому[1]).

Обученіе мадьярскому языку Шафарикъ принужденъ былъ принять на себя, потому что онъ одинъ изъ всѣхъ преподавателей зналъ этотъ языкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ благодаря безпорядкамъ увеличивались матеріальныя затрудненія Шафарика. Вмѣсто уплаты жалованья впередъ за четверть, стали уплачивать только въ концѣ четверти. Шафарикъ, печатавшій въ это время на собственный счетъ Serbische Lesekörner, очутился въ большомъ затрудненіи. Онъ былъ готовъ въ крайнемъ случаѣ продать свою библіотеку, оцѣнивая ее minimum въ 1000 гульд. серебромъ. Онъ писалъ Коллару въ октябрѣ 1832 г.: „Я цѣлый годъ не купилъ ни одной книги... Случилось, какъ всего чаще бываетъ съ хорошими людьми, что при всей своей честности и умѣренности дошли до такой бѣдности. Бережливѣе и умѣреннѣе моего никто не можетъ жить".

Всѣ эти обстоятельства объясняютъ намъ, почему жизнь въ Новомъ Садѣ въ концѣ концовъ сдѣлалась для Шафарика невыносимой, и онъ принужденъ былъ искать себѣ другого мѣста для жительства.

Шафарикъ началъ думать о новомъ мѣстѣ еще давно, съ 1825 года. Поводомъ

---

[1]) К. Иречекъ, изъ статьи котораго мы почерпаемъ эти свѣдѣнія о состояніи Новосадской гимназіи, нашелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку: „Объ этой мадьяроманіи въ сербской православной общинѣ Новосадской не имѣю другихъ извѣстій; во всякомъ случаѣ она не длилась долго. Ошибочно мнѣніе, повторяемое во многихъ книгахъ, будто бы Шафарикъ въ Н. С. былъ преслѣдуемъ мадьярами; непріятности ему дѣлали только сами православные сербы, лучше сказать какая-то мадьярская партія между ними. Во всякомъ случаѣ Шафарикъ лишенъ былъ директорства одновременно съ директоромъ въ Карловцахъ мадьярскимъ патріотомъ Магдою". Иреч. 11, 989.

къ этому было отношеніе властей, которые съ подозрительностію смотрѣли на воспитанника нѣмецкаго университета. Извѣщая объ этомъ Коллара, онъ пишетъ ему: „Изъ моего разсказа вы узнаете, что правительство съ нѣкотораго времени всячески настаиваетъ на моемъ удаленіи, какъ человѣка который получалъ образованіе въ Германіи а потому безъ сомнѣнія впиталъ въ себя небезопасное ученіе. Здѣшніе попечители школы, его высокопреосвященство архіепископъ и епископъ до сихъ поръ меня усиленно защищали, но безуспѣшно. Послѣ продолжительнаго молчанія пришелъ окончательный указъ въ томъ смыслѣ, что въ силу состоявшагося распоряженія, которое отмѣнено быть не можетъ, я могу удержать за собой учительскую каѳедру, но управленіе школой въ моихъ рукахъ дольше оставаться ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Будетъ выбранъ другой директоръ гимназіи, безъ сомнѣнія монахъ или членъ магистрата; я останусь профессоромъ. Это было для меня неожиданностію. Не имѣя возможности итти противъ силы правительства и высочайшаго повелѣнія я долженъ на время волей-неволей на это согласиться, впрочемъ вижу, что моему спокойствію и успѣхамъ моихъ занятій здѣсь положенъ конецъ. Изъ этого рано или поздно ничего хорошаго не выйдетъ. Поэтому жалѣю, что я не принялъ приглашенія въ Кежмаркъ, въ особенности потому, что опасаюсь, чтобы этимъ вторичнымъ отказомъ совсѣмъ не оттолкнуть отъ себя протестантовъ. Откровенно признаюсь, что если бы каѳедра словенской литературы въ Пресбургѣ была лучше поставлена, употребилъ бы всѣ усилія занять ее“ [1]). Результатомъ этого указа было уменьшеніе доходовъ: „мои доходы, писалъ онъ Коллару 18 января 1828 г., въ послѣдніе два года убавились на цѣлую треть, а расходы съ каждымъ днемъ увеличиваются, семья прибываетъ, дороговизна у насъ чрезвычайная, какая теперь можетъ быть только въ Парижѣ и Лондонѣ (напр. сажень дровъ стоитъ 20 гульд.)“ [2]) Шафарикъ началъ подумывать о подысканіи для себя какого-нибудь другого мѣста. Повидимому, Колларъ, у котораго въ это время и у самого были непріятности въ Пештѣ, предполагалъ, не можетъ ли Шафарикъ занять его мѣсто, но получилъ на это отрицательный отвѣтъ: „Жалѣю судьбу церкви! Жалѣю васъ! Но судьбы Божіи неисповѣдимы. Приходится имъ подчиниться. Что касается меня, я не могу принять на себя должность проповѣдника, не чувствуя къ ней внутренняго призванія. Кого бы вамъ рекомендовать, о томъ подумаю“ [3]). Вскорѣ ему послѣдовало новое предложеніе каѳедры богословія въ Пресбургѣ: „Вчера я получилъ письмо отъ проф. Гросса изъ Пресбурга, въ которомъ прежде всего увѣдомляетъ меня о томъ, что пресбуржане хотятъ призвать меня на мѣсто покойнаго Шулека профессоромъ богословія“. Это неожиданное предложеніе повергло Шафарика въ раздумье; онъ колебался, что дѣ-

---

[1]) Письмо 24 марта 1825 г. Č. Č. M. 1873, стр. 395, 396. „Профессура мнѣ оставлена tantisper (такъ стоитъ въ указѣ). Видите, къ чему клонится дѣло. Всѣ мои заботы должны быть направлены къ тому, чтобы какъ можно скорѣе выбраться изъ настоящаго изгнанія“. Письмо 27 марта 1825. ib., стр. 398.

[2]) Č. Č. M. 1875, стр. 134.

[3]) Письмо 25 мая 1825 г. Č. Č. M. 1873, стр. 402.

лать: „что касается жалованья и доходовъ, въ Пресбургѣ лучше, чѣмъ здѣсь. Я здѣсь всего на все имѣю 1200 флор., изъ нихъ 250 фл. долженъ платить за квартиру. Такимъ образомъ у меня остается только 950 флор. ежегодно. Судя по тому, что мнѣ пишетъ Гроссъ, доходъ профессора въ Пресбургѣ ежегодно можетъ дать 2000 гульд. Чистыхъ денегъ жалованія 950 гульд. и столько же, если не больше, даетъ didactrum.

Но Шафарикъ былъ не такой человѣкъ, у котораго на первомъ планѣ стоятъ матеріальные расчеты; къ занятіямъ богословіемъ онъ не чувствовалъ склонности, а занявъ предлагаемую ему каѳедру, онъ Богъ знаетъ когда бы получилъ возможность работать въ области славянскихъ литературъ: „меня останавливаютъ только слѣдующія два соображенія. *Во-первыхъ,* я совершенно оставилъ богословіе и, будучи студентомъ, мало имъ интересовался, а теперь вотъ уже восемь лѣтъ какъ совсѣмъ не интересуюсь. Подумайте только, что по-еврейски я теперь и читать не умѣю — а вѣдь я долженъ учить еврейскому яз. Правда labor vincit omnia, но только тамъ, гдѣ animus propendet. Что меня касается, я никогда не буду и не могу быть *усерднымъ* богословомъ. Кромѣ того богословскія занятія меня бы, такъ сказать, оторвали, Богъ знаетъ на какое продолжительное время, отъ моей области — слав. литературы. Самый Пресбургъ не представляетъ въ моимъ глазахъ такого мѣста, въ которомъ бы человѣкъ помимо трудовъ своего призванія могъ вести и другія занятія. Быть можетъ какъ профессоръ богословія съ своими студентами словаками я могъ бы менѣе заниматься на словенскомъ яз., нежели мы предполагаемъ теперь. Пока тамъ Палковичъ, напрасны усилія другихъ, и потомъ, кто знаетъ, какъ бы шло дѣло“. Если главное препятствіе Шафарикъ видѣлъ въ занятіяхъ богословіемъ, то его привлекала въ Пресбургъ надежда на улучшеніе домашняго положенія и бо́льшую легкость при воспитаніи своего сына. Сначала ему приходила мысль принять предложеніе съ такимъ условіемъ, чтобы занять каѳедру богословія только временно, пока не освободится какая-нибудь другая. Шафарикъ просилъ совѣта Коллара, лучше знакомаго съ Пресбургомъ и мѣстными условіями: „Вы знаете меня, знаете Пресбургъ, и профессоровъ и студентовъ, ближе къ нимъ. Я когда получилъ отвращеніе къ этимъ нашимъ школамъ и профессурѣ, можетъ быть, я ошибался, можетъ, многое уже измѣнилось къ лучшему (или къ худшему?). Я далеко отъ васъ, ничего объ этихъ предметахъ не знаю“. Въ концѣ концовъ Шафарикъ не принялъ этого приглашенія, о чемъ и писалъ Коллару въ сент. 1827 г. Въ скоромъ времени Шафарикъ получилъ новое предложеніе. Назначенный Карловацкимъ епископомъ Мушицкій замышлялъ основать въ своей новой епархіи гимназію и приглашалъ Шафарика къ себѣ [1]), предлагая ему мѣсто секретаря и вмѣстѣ директора [2]). Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ между Мушицкимъ и Шафарикомъ былъ Вукъ Караджичъ. Но Шафарику мѣшало здѣсь то же препятствіе, что и въ Новомъ Садѣ: „Представьте себѣ новое несчастіе — изъ Хорватіи мы изгнаны закономъ. И нѣтъ надежды, чтобы его свѣтлость императоръ насъ

[1]) Письмо къ Коллару 17 апрѣля 1828 г. Č. Č. M. 1875, стр. 139.

[2]) Смотри письма Вука Мушицкому. Гласникъ 75, стр. 307 и 308.

освободилъ отъ дѣйствія этого закона". Ту же причину повторяетъ Шафарикъ и въ письмѣ 27 мая того же года. Бывши у Мушицкаго, собравшагося отправиться въ Хорватію, онъ бесѣдовалъ, имѣя въ виду и Коллара, котораго Мушицкій точно такъ же желалъ имѣть у себя на службѣ [1]): „но — пишетъ Шафарикъ — наши разговоры были, думаю, напрасны и не приведутъ къ цѣли. Сами знаете, что протестанты не допускаются по закону въ Хорватію! И что еще важнѣе, время отъ времени приходятъ предписанія, чтобы ни одинъ протестантъ не былъ принимаемъ на службу греками (ни въ Венгріи)" [2]).

Шафарикъ получалъ и заграничныя предложенія, между прочимъ и изъ Россіи. Посредникомъ между нимъ и русскимъ министерствомъ былъ Кеппенъ, съ которымъ онъ познакомился во время его путешествія по слав. землямъ. Сначала Кеппенъ предлагалъ Шафарику вмѣстѣ съ Ганкой и Челяковскимъ занять предполагавшіяся къ открытію каѳедры славяновѣдѣнія въ университетахъ, потомъ мѣста библіотекарей въ Академіи Наукъ, которыя приравнивались къ профессорскимъ. Приглашаемые ученые должны были работать надъ составленіемъ словаря всѣхъ славянскихъ нарѣчій.

Шафарикъ колебался, опасаясь съ одной стороны дороговизны петербургской жизни, съ другой холодовъ, которые могли вредно отозваться на слабомъ здоровьѣ жены.

Не отвѣчая отказомъ, онъ просилъ Академію выхлопотать ему освобожденіе отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ за книги, дать ему квартиру и отсрочить его пріѣздъ. Друзья Шафарика не одинаково относились къ его отъѣзду. Колларъ привѣтствовалъ русское приглашеніе, ожидая отъ дѣятельности Шафарика въ Петербургѣ великаго блага всѣмъ славянамъ; Палацкій относился къ предпріятію русской академіи неблагосклонно. Однако обстоятельства, въ которыхъ находился Шафарикъ въ Новомъ Садѣ, были таковы, что, несмотря на всѣ затрудненія, онъ еще думалъ о далекомъ пути. Ему было отказано въ квартирѣ, ни слова не было упомянуто объ освобожденіи отъ таможенныхъ пошлинъ, допускалась только отсрочка прибытія. И несмотря на все это онъ былъ готовъ отправиться весной 1832 г., хотя безъ особеннаго расположенія. Изъ письма къ Палацкому видно, что не одни опасенія суровости климата не располагали Шафарика ѣхать въ Петербургъ. Воспитаннику Іенскаго Университета и человѣку свободомысленныхъ воззрѣній былъ непріятенъ абсолютизмъ императора Николая I. Помимо того на Шафарика дѣйствовали извѣстія о польскомъ всзстаніи 1830—1831 г. Въ то время какъ Ганка и Колларъ стояли на сторонѣ русскихъ, Шафарикъ не скрывалъ своихъ симпатій къ полякамъ, оплакивая ихъ злосчастную судьбу. Въ отвѣтъ Коллару, ратовавшему за единеніе, согласіе и дружбу между русскими и поляками, Шафарикъ возражалъ, что война между братьями не приведетъ къ этому, „какимъ образомъ, растоптавъ это благороднѣйшее и поистинѣ рыцарское славянское племя, можно положить основаніе будущему единству братскихъ народовъ". „Въ паденіи Польши мы должны оплакивать паденіе всего сла-

---

[1]) На мѣсто секретаря имѣли въ виду и Коллара, ср. тамъ же, стр. 307.

[2]) Значитъ, не одинъ только непостоянный и фантастическій характеръ Мушицкаго служилъ препятствіемъ; ср. Ирец. 8, 700.

вянства. Отъ Польши мы должны были и могли ожидать того, къ чему всѣ мы стремимся и до чего никогда не доживемъ ни мы, ни потомки наши". Военный деспотизмъ Николаевской эпохи лишалъ Шафарика надежды ждать осуществленія идеаловъ свободы отъ Россіи: „безъ политической жизни народы нули; на сѣверѣ народъ ничто, совершенное ничто. Подъ шестидесятымъ градусомъ никогда не возникнутъ новыя Аѳины; ибо безъ свободы нѣтъ Аѳинъ". Онъ строго осуждалъ Ганку, позволявшаго себѣ оскорбительно отзываться о полякахъ, прибавляя при этомъ, что самъ онъ питаетъ нерасположеніе къ русскому правительству, а никоимъ образомъ не къ русскому народу. Когда въ заграничныхъ изданіяхъ стали появляться слухи, что русское правительство платитъ чешскимъ и угрославянскимъ ученымъ значительныя ежегодныя субсидіи и пр., то Шафарикъ не скрывалъ своего неудовольствія, по поводу того, что преждевременно стало извѣстно его приглашеніе въ Петербургъ, не зная, что извѣстіе объ этомъ было напечатано въ офиціальныхъ петербургскихъ газетахъ.

Переѣздъ въ Россію впрочемъ разстроился совершенно послѣ того, какъ Ганка и Челяковскій измѣнили свое намѣреніе. Тогда Шафарикъ получилъ изъ Академіи бумагу, въ которой его извѣщали, что онъ можетъ остаться въ Новомъ Садѣ, такъ какъ при такихъ обстоятельствахъ присутствіе его въ Петербургѣ излишне.

Должно сознаться, что во всемъ этомъ дѣлѣ Академія не стояла на высотѣ призванія. Достаточно уже одного того, что во главѣ замышляемыхъ предпріятій долженъ былъ стать Ганка, какъ ученый, стоявшій безконечно ниже Шафарика. Отношеніе Академіи къ дѣлу не способно было внушить Шафарику особенное уваженіе къ этому высокому учрежденію. 5 ноября 1832 г. онъ писалъ Коллару: „я только то хочу сказать, что русская Академія, по моему мнѣнію, самое жалкое и самое ничтожное учрежденіе литературнаго характера, какое я знаю на свѣтѣ; доказательства у меня въ рукахъ". Письмо къ Палацкому 31 марта 1833 г. еще болѣе разъясняетъ, въ чемъ было дѣло. Ганка послалъ въ академію новый планъ, а именно, чтобы академія все это дѣло ввѣрила ему какъ главному руководителю, а если угодно, приставила помощниками ему Шафарика и Челяковскаго. Къ удивленію Шафарика этого не знали въ Петербургѣ. „Изъ Петрова секретарь Академіи мнѣ пишетъ, что ни президентъ, ни члены, ни кто-либо другой въ Петровѣ никто ничего не знаетъ о новомъ планѣ Ганки!! Можете себѣ представить, какъ это меня поразило!" Уже изъ Праги 1-го октября 1833 г. онъ сообщилъ Коллару: „на сѣверъ мы послали новый планъ о всеславянскомъ этимологическомъ словарѣ. Не знаю, выйдетъ ли что изъ того, я почти ничего не ожидаю. Вы не повѣрите, какъ постыдно и недостойно все это дѣло сведено къ нулю. Даже и планъ не былъ еще посланъ, и только я долженъ былъ засѣсть и поспѣшно все это выработать".

Послѣ того какъ попытки переселенія въ дальніе славянскіе края окончились неудачей, Шафарикъ рѣшился искать себѣ пріюта у ближайшихъ своихъ соплеменниковъ, т.-е. переселиться въ Прагу. Зная, что его вѣроисповѣданіе мѣшаетъ ему получить въ Австріи учительское мѣсто, онъ разсчитывалъ на какое-нибудь частное занятіе, напр. библіотекаря или секретаря у кого-нибудь изъ чешской знати. Свои планы

онъ сообщилъ своему другу Палацкому въ письмѣ 10 окт. 1832 г. Объясняя, что не можетъ оставаться долѣе въ Новомъ Садѣ и не имѣетъ надежды попасть куда-либо въ чужіе края, Шафарикъ выражалъ желаніе пріѣхать въ Прагу и просилъ его совѣта: „если бы я не былъ женатъ и окруженъ дѣтьми, я завтра же бы сѣлъ одинъ на лодку и пустился бы вверхъ по Дунаю и внизъ по Влетавѣ къ вамъ, не заботясь о томъ, погибну я въ Прагѣ съ голоду, или нѣтъ“. О томъ же писалъ онъ и Коллару, котораго просилъ написать Юнгману, но какъ бы отъ себя, не упоминая о томъ, что пишетъ по его просьбѣ. Друзья Шафарика отнеслись къ его желаніямъ съ полнымъ сочувствіемъ и предупредительностію. Палацкій извѣстилъ его, что подпиской лицъ, пожелавшихъ остаться неизвѣстными, ему обезпечена сумма въ 350 гульденовъ ежегодно. 16-го февр. 1833 г. въ другомъ письмѣ онъ увѣдомлялъ, что число участниковъ въ этой подпискѣ 9 человѣкъ, и ассигнованная сумма возросла до 480 гульд. ежегодно. Шафарикъ такъ и не узналъ, что эти лица были его ближайшіе друзья — Юнгманъ, Палацкій, Пресль и др., которые ежемѣсячными взносами отъ своихъ скромныхъ средствъ сохранили его родинѣ.

Письма Палацкаго къ Коллару краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, какъ высоко цѣнили Шафарика въ Чехіи и какъ имъ дорожили: „о дорогомъ нашемъ Шафарикѣ и его нуждахъ вамъ извѣстно. Всячески стараюсь приготовить ему здѣсь существованіе, если и непріятное, то по крайней мѣрѣ сносное, и, надѣюсь, что намъ удастся это сдѣлать. Мы нашли для него, пока только на пять лѣтъ, нѣсколько сотъ флориновъ изъ особыхъ средствъ Матицы. Какъ важно сохранить его нашей литературѣ, мы это отлично сознаемъ; что касается меня, то я утѣшаюсь надеждой, что вмѣстѣ со мной будетъ другъ моей юности“ (16 ноября 1832 г.). Въ слѣдующемъ письмѣ 3-го февраля 1833 г. Палацкій снова пишетъ о Шафарикѣ: „нашъ Шафарикъ, котораго я ожидаю какъ мессію, прислалъ намъ двѣ статейки для Музейника и Крока (послѣдній этимъ лѣтомъ снова выйдетъ въ свѣтъ). Съ его прибытіемъ будетъ легче и тѣснѣе связь между всѣми просвѣщенными славянами нашей имперіи“.

Юнгманъ по тому же поводу писалъ Шафарику слѣдующія сердечныя строки: „итакъ съ Богомъ, выньте съ корнемъ стволъ своей благородной жизни изъ неблагодарной почвы и пересадите его въ нашъ, не скажу рай, но во всякомъ случаѣ добрый край, гдѣ, Богъ дастъ, онъ пуститъ сильнѣе корни и роскошнѣе развѣтвится. Въ вашемъ лицѣ, надѣюсь, блеснетъ новая звѣзда въ нашей литературѣ, свѣтъ которой дай Богъ мнѣ увидѣть въ утѣшеніе, чтобы подобно Симеону благословлять свои послѣдніе дни“. Еще ранѣе, когда подготовлялось осуществленіе задуманнаго плана, Юнгманъ писалъ Коллару 8 ноября 1832 г.: „Дорогому Шафарику, надѣюсь, не дадимъ уйти на чужбину, если бы даже и не были въ состояніи сдѣлать ему жизнь въ такой степени пріятною, какъ бы мы того хотѣли. Мнѣ было отрадно, что и вы писали о немъ такъ сердечно и пріятельски. О какъ бы я былъ радъ, чтобы насъ, горсть славяно-чеховъ, тѣснѣе соединила любовь, если насъ соединить не хочетъ холодный разсудокъ!“

Изъ автобіографіи Палацкаго, руководившаго всѣмъ этимъ дѣломъ, видно, что онъ ставилъ себѣ въ заслугу, что ему удалось удержать для родины такихъ видныхъ

дѣятелей, каковы были Челяковскій, Ганка и Шафарикъ: „Когда Импер. русская Академія наукъ грозила отнять у насъ трехъ выдававшихся дѣятелей нашей литературы, Челяковскаго, Ганку и Шафарика, вызывая ихъ въ Петербургъ, я, въ особенности сожалѣя объ утратѣ Челяковскаго, своими жалобами склонилъ князя Рудольфа Кинскаго къ тому, что онъ самъ предложилъ ему давать ежегодную пенсію, если бы онъ хотѣлъ остаться; такъ и случилось: найдя обезпеченіе дома, онъ отказался отправиться въ Россію и заразилъ своимъ примѣромъ сначала жену Ганки, а потомъ и и ея супруга; послѣ того не состоялось и приглашеніе Шафарика. Послѣдній, которому, его положеніе въ Новомъ Садѣ стало уже невыносимымъ, рѣшился въ 1833 г. переселиться къ намъ и жить въ Прагѣ, какъ чешскій писатель, послѣ того какъ, благодаря помощи патріотовъ, стоявшихъ во главѣ шляхты и литераторовъ, мы обезпечили ему ежегодную скромную плату на время, пока онъ не получитъ болѣе прочнаго обезпеченія. Такимъ образомъ литературныя стремленія чеховъ получали все возраставшій успѣхъ и было упрочено ученое первенство чеховъ между славянскими народами“.

Желаніе австрійскихъ славянъ удержаться у себя на родинѣ вполнѣ понятно. Всѣ они переживали такое время, когда люди науки и писатели были нужны прежде всего для успѣховъ народнаго дѣла каждый въ своемъ народѣ. Покидавшій родину въ такое время, даже если бы онъ отправлялся и въ родственную страну, только ослаблялъ бы домашнія силы. Такъ смотрѣли на это дѣло всѣ руководители возрожденія. Вотъ, напр. какъ писалъ Коллару Шафарикъ, когда его другъ началъ подвергаться непріятностямъ въ Пештѣ: „Ваша непрочная судьба весьма безпокоитъ меня. Мысль о васъ овладѣла всецѣло моей душой. Какое проклятіе тяготѣетъ на нашемъ народѣ. Таковы-то плоды, таковъ конецъ нашего чистаго, святого стремленья! О вашемъ удаленіи изъ среды нашего народа не могу и подумать безъ ужаса и сердечной скорби. Сохрани Боже, чтобы вы были принуждены это сдѣлать. Старайтесь какимъ бы то ни было образомъ остаться у насъ. Что я буду безъ васъ? Мои уста будутъ молчать нашему народу, перо будетъ лежать. Что касается Пешта, то, судя по вашему письму, сомнѣваюсь, чтобы дѣло это когда-нибудь пришло въ порядокъ, чтобы тамъ вы нашли когда-нибудь желанный покой. Но я такъ смотрю на это — позвольте вамъ сказать прямо — что Пештъ, если бы и былъ для насъ потерянъ, не принадлежитъ славянскому міру, а вы имѣете и другія святыя обязанности къ нашему народу, которымъ можете удовлетворить и въ другомъ мѣстѣ. Цинкота не вдалекѣ отъ Пешта, церковь въ ней можетъ быть въ большемъ порядкѣ и пользуется большимъ миромъ, чѣмъ въ Пештѣ; тамъ быть можетъ вы могли бы жить покойнѣе, чѣмъ въ Пештѣ, и съ большей пользой для своей обязанности и литературы. Боже мой, отчего у насъ нѣтъ своихъ Потоцкихъ, Чарторыжскихъ и др., у которыхъ бы наши Шимановскіе, Пирамовичи и др. могли поставить свою ладью изъ бурной жизни въ тихую пристань! Съ вашимъ удаленіемъ я никоимъ образомъ не могу примириться и никогда этого не въ состояніи буду одобрить. Усиленно прошу васъ о томъ, чтобы какимъ бы то ни было образомъ, по крайней мѣрѣ на время, пока не прояснится небо, пока не пройдетъ буря, вы остались среди словаковъ. Но такъ какъ въ невѣрности,

суетности и ничтожности человѣческихъ вещей я убѣждаюсь съ каждымъ днемъ, не могу пройти молчаніемъ, чтобы васъ не просить, если бы вы остались въ своемъ намѣреніи уйти въ другое мѣсто и продать свои вещи, извѣстить меня объ этомъ своевременно, и тѣ книги, которыя бы годились для моей задачи (по исторіи литературы, древне-чешской), уступить за ту сумму, за которую бы вы ихъ продали другимъ“ [1]). Нѣсколько позднѣе онъ писалъ: „съ тѣхъ поръ какъ вы отправились въ Вѣну, отъ васъ ни строчки! Если бы о вашихъ различныхъ странствованіяхъ я не узналъ отъ Гамуляка, я бы уже былъ въ страхѣ, что вы отправились куда-нибудь къ самому Волхову. О если бы ваша судьба быстро рѣшилась! Постоянно желаю, чтобы вы остались среди насъ. Надѣюсь это желаніе наше вполнѣ осуществится“.

Пріѣздъ Шафарика въ Прагу вполнѣ оправдалъ ожиданія его друзей. Какъ ни скромны были условія, при которыхъ долженъ былъ начаться новый періодъ ученой и литературной дѣятельности Шафарика, они имѣли одно огромное преимущество — по крайней мѣрѣ первое время Шафарикъ весь свой досугъ отдалъ любимымъ ученымъ занятіямъ, всѣ свои силы посвятилъ рѣшенію интересовавшихъ его вопросовъ славянскихъ древностей. Успѣхъ его трудовъ былъ тѣмъ болѣе выдающійся, что своими новосадскими занятіями Шафарикъ какъ нельзя болѣе былъ подготовленъ къ тому, чтобы выступить въ свѣтъ съ капитальнымъ монументальнымъ трудомъ. Онъ вернулся изъ Новаго Сада съ богатой книжной и, что еще важнѣе, рукописной библіотекой; въ дополненіе къ собственному собранію онъ имѣлъ большое количество точныхъ копій съ важнѣйшихъ южно-славянскихъ памятниковъ, въ то время никто лучше его не зналъ обильныхъ важными источниками фрушкогорскихъ монастырскихъ библіотекъ. Не слѣдуетъ забывать, что уже тогда въ значительной степени были имъ собраны матеріалы для вышедшей послѣ его смерти исторіи юго-славянскихъ литературъ: въ случаѣ нужды для своихъ дальнѣйшихъ занятій онъ всегда могъ обратиться съ порученіемъ снять копію, или сдѣлать выписку изъ хорошо ему знакомыхъ монастырскихъ собраній.

Не даромъ прожилъ Шафарикъ въ Новомъ Садѣ: равнодушіе самихъ сербовъ съ избыткомъ вознаградилось неутомимымъ трудолюбіемъ воспитанника Іенскаго университета и въ то же время пламеннаго славянскаго патріота, горѣвшаго равной любовію ко всѣмъ славянскимъ народамъ, быть можетъ, еще сильнѣйшей къ тѣмъ, которые болѣе нуждались въ свѣтѣ знанія — благодѣтельной силы, которая въ данномъ случаѣ призвана была пробудить къ жизни замирающій народъ.

Пражскій періодъ дѣятельности Шафарика ознаменовался однимъ крайне важнымъ для судьбы славянскаго возрожденія въ Чехіи обстоятельствомъ. Чешскіе патріоты, сложившіеся обезпечить Шафарику возможность существованія безъ службы, частнымъ человѣкомъ, поставили ему при этомъ одно условіе — писать на чешскомъ языкѣ. Переѣхавъ въ Новый Садъ, Шафарикъ скоро научился сербскому языку, на которомъ бѣгло говорилъ, но, понятное дѣло, онъ не могъ пользоваться въ своихъ ученыхъ

---

[1]) Č. Č. M. 1873, стр. 396—397. Письмо 24 марта 1825 г.

трудахъ хотя и родственнымъ, но все же не роднымъ языкомъ. Всѣ почти труды Шафарика, напечатанные имъ за время его пребыванія въ Новомъ Садѣ, были писаны по-нѣмецки: Исторія славянскихъ литературъ, Изслѣдованіе о происхожденіи славянъ, а также и посвященные исторіи сербскаго языка Serbische Lesekörner. Если даже такъ патріотически настроенные писатели, какъ Шафарикъ и Палацкій, писали по-нѣмецки, то каковы бы ни были ихъ оправданія, въ данный моментъ для достиженія цѣлей возрожденія это было чрезвычайно вредно. Въ глубинѣ души просвѣщенные патріоты прекрасно сознавали это. Шафарикъ, печатая исторію славянскихъ литературъ на нѣмецкомъ языкѣ, понималъ щекотливость этого пункта. Онъ счелъ нужнымъ дать объясненіе этому въ предисловіи къ своей книгѣ. Но еще подробнѣе писалъ объ этомъ Коллару 21 января 1824 г.: „Я долженъ вамъ сообщить, чему вы не мало, можетъ быть, удивитесь, что мое дѣтище выходитъ на нѣмецкомъ языкѣ; это первый, а Богъ дастъ и послѣдній, мой литературный грѣхъ, который теперь устранимъ быть не можетъ. Признаюсь вамъ, мнѣ это очень непріятно, но если я не желаю бросить въ огонь плоды почти десятилѣтняго собиранія, не смѣю дать мѣста этому усиливающемуся чувству безпокойства, а потому прошу васъ извинить меня за эту слабость. Не въ оправданіе, а въ объясненіе моей вины, скажу вамъ слѣдующее. Я началъ писать это сочиненіе еще въ Іенѣ главнымъ образомъ на основаніи Slavina и Slovanky Добровскаго для себя, еще не задаваясь никакими планами. Такъ какъ мои руководители (Добровскій, Аделунгъ и Фатеръ) писали по-нѣмецки, и я дѣлалъ выписки и приводилъ ихъ въ порядокъ, слѣдуя имъ, также по-нѣмецки. Три года тому назадъ, собравъ необходимые матеріалы, я началъ распространять это сочиненіе, правда, уже подумывая объ изданіи, но все же по-нѣмецки, потому что имѣлъ въ виду все славянское образованное общество австрійской монархіи и предполагалъ, что этотъ господствующій въ нашей имперіи языкъ всѣмъ понятнѣе, нежели чешское нарѣчіе. Мою книжку должны читать всѣ славянскіе *молодые* литераторы, не только Чехославяне, но и Далматинцы, Хорваты, Словинцы, Сербы, Поляки. Въ то же время я не опускалъ изъ виду и этихъ закоренѣлыхъ иноземцевъ — нѣмцевъ, которые бы захотѣли заглянуть въ это сочиненіе и убѣдиться, что и въ славянскомъ мірѣ уже разсвѣтаетъ. Теперь, познакомившись съ Раковецкимъ, Потоцкимъ, Гречемъ, раскаиваюсь въ этой суетности, но уже поздно. Одна переписка моей работы возьметъ полгода“ [1]). Изъ этихъ разъясненій можно видѣть, что первая причина была вовсе не случайная. Стоитъ бѣгло перелистовать книгу Шафарика, чтобы убѣдиться, что нѣмецкая литература помимо трудовъ общаго характера, которые должны быть исключены, всего болѣе падаетъ на долю чеховъ, хорватовъ, лужичанъ и др., иначе говоря — тѣхъ славянъ, которыхъ глубже коснулось онѣмеченіе, настолько глубоко, что литература на родномъ языкѣ почти совсѣмъ прекратилась. Совершенно иначе обстояло дѣло у русскихъ, поляковъ, сербовъ, и въ главахъ, посвященныхъ обзору литературы этихъ народовъ, рѣже можно встрѣтить ссылки на нѣмецкія книги. Грѣхъ Шафарика не былъ первымъ и послѣднимъ, какъ

[1]) Č. Č. M. 1873, стр. 383.

онъ надѣялся. Въ письмѣ къ Коллару 1 марта 1827 г. онъ пишетъ: „Мои географическія изслѣдованія еще не написаны ни на какомъ языкѣ. До сихъ поръ они еще только въ извлеченіяхъ, которыхъ набралось уже пять связокъ. Тамъ столько же греческаго, латинскаго, славянскаго, сколько и нѣмецкаго. На какомъ языкѣ они выйдутъ въ печати — если только когда-нибудь выйдутъ — это зависитъ отъ издателя, потому что едва ли я когда-нибудь буду что-нибудь издавать на свой счетъ". А изъ письма 11 сентября 1828 г. мы узнаемъ, что его новое изслѣдованіе — „О происхожденіи Славянъ" печаталось на нѣмецкомъ языкѣ: „Какъ ни больно мнѣ самому — быть можетъ не менѣе Вашего — что мое разсужденіе выходитъ въ свѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ, съ одной стороны я нахожу многое до нѣкоторой степени въ извиненіе себѣ и даже утѣшеніе. Повѣрьте мнѣ, мой другъ, что намъ ложный взглядъ и ученіе нѣмцевъ во многихъ отношеніяхъ сильно вредитъ. Горсть Мадьяръ можетъ мучить часть нашего народа, но враждебная и злобная германщина бросаетъ тѣнь на всю нашу народность и ослѣпляетъ умы нашихъ лучшихъ людей. Большая часть нашихъ литераторовъ вѣритъ только тому, что говорятъ о насъ нѣмцы, напр. Нарушевичъ, Карамзинъ и др." [1]).

Какъ бы то ни было національное направленіе развивалось. Противъ онѣмеченія стали высказываться лучшіе чешскіе писатели. Юнгманъ писалъ Коллару: „Я печатаю въ Музейникѣ небольшое разсужденіе о классичности, въ которомъ Палацкій позволилъ себѣ сдѣлать большія урѣзки; я особенно недоволенъ тѣмъ, что онъ опустилъ конецъ, въ которомъ я говорилъ, что кто пишетъ по-нѣмецки, въ эту минуту перестаетъ быть чехомъ. Быть можетъ, онъ отнесъ это къ самому себѣ?!" Въ объясненіе этого направленнаго противъ Палацкаго обвиненія, слѣдуетъ имѣть въ виду, что онъ дольше, чѣмъ другіе чешскіе писатели, продолжалъ писать по-нѣмецки. Привѣтствуя его историческіе труды, Шафарикъ писалъ ему 11 октября 1830 г.: „Сохрани Васъ Богъ вѣрнымъ чешской исторіи и притомъ писанной на чешскомъ языкѣ, тогда чехи имѣли бы въ лицѣ Вашемъ своего новѣйшаго классическаго прозаика". Желаніе Шафарика осуществилось однако не скоро. Исторія чехіи на чешскомъ языкѣ стала выходить только съ 1848 г. Не удивительно поэтому, что когда Копитару стало извѣстно условіе, поставленное Шафарику его друзьями, Копитаръ смѣялся, что Палацкій для того убѣдилъ его писать по-чешски, чтобы послѣ того одному блистать, какъ нѣмецкому автору. Колларъ и самъ Шафарикъ выражали большое неудовольствіе по этому поводу на Палацкаго. „Пріятель Палацкій будетъ писать по-чешски безъ сомнѣнія только за гробомъ", замѣтилъ Шафарикъ въ письмѣ отъ 23 іюня 1843 г. въ отвѣтъ на жалобы Коллара. Нужно замѣтить, что было еще одно обстоятельство, которое заставляло ученыхъ въ особенности прибѣгать къ нѣмецкому языку.

Когда Шафарикъ получилъ изъ Праги письмо отъ одного студента медицинскаго факультета съ многими подписями (не менѣе 50), въ которомъ молодые чешскіе патріоты горячо заклинали далекаго словака, профессора въ Новомъ Садѣ, чтобы

---

[1]) Č. Č. M. 1874, стр. 282.

[2]) Č. Č. 1875, стр. 145.

онъ не писалъ по-нѣмецки, а только по-чешски, какъ того требуетъ слава нашего славнаго народа, онъ горько жаловался Коллару: „Мнѣ кажется, это сатира на наше несчастіе. Въ чемъ тутъ слава, при которой мы, ея сыновья, гибнемъ съ голоду... Я, мой другъ, могу подтвердить присягой, что каждая, написанная мною на слав. языкѣ строчка, приносила мнѣ убытокъ, а, когда я писалъ по-нѣмецки, имѣлъ значительную выгоду“. (Иреч. 11, 989). Въ письмѣ къ Палацкому относительно того же предмета Шафарикъ прибавилъ: „Развѣ только мы имѣемъ обязанности по отношенію къ народу? Развѣ не долженъ ихъ имѣть народъ по отношенію къ намъ“ (ib. 990). Зная, съ какими затрудненіями боролся Шафарикъ въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Новомъ Садѣ, тѣмъ легче понять, какъ онъ долженъ былъ себя чувствовать, получивъ такой вызовъ. Но, разумѣется, это было минутное выраженіе понятнаго неудовольствія. Въ глубинѣ души Шафарикъ не переставалъ тяготиться тѣмъ, что ему приходилось писать по-нѣмецки. Задумывая о переселеніи въ Прагу, онъ жаловался, что отвыкъ отъ чешскаго языка, находилъ нужнымъ повторить чешскую грамматику, сталъ изучать языкъ и стиль кралицкой Библіи. „Дай Богъ, чтобы съ 1832 г. окончилась первая половина моей литературной жизни и съ 1833 г. началась новая лучшая, лучшая и въ томъ отношеніи, что я твердо рѣшилъ на будущее время ничего не писать болѣе на нѣмецкомъ языкѣ, а только на чешскомъ. Если попаду подъ Вышеградъ, это само собою случится. Только тамъ, а не здѣсь и не въ Петербургѣ, я могу всецѣло вернуться къ литературному труду въ народномъ духѣ, отъ котораго я (признаюсь въ томъ съ печалью) неохотно уклонился“. Поэтому когда тотъ же призывъ послѣдовалъ со стороны друзей, Шафарикъ отнесся иначе. Съ тѣхъ поръ изъ подъ его пера начинаетъ выходить цѣлый рядъ крупныхъ трудовъ и мелкихъ статей, писанныхъ по чешски и составляющихъ украшеніе чешской ученой литературы.

Выходъ „Славянскихъ Древностей“ на чешскомъ языкѣ былъ въ этомъ отношеніи эпохой. Очевидно, не посвященный въ тѣ условія, на которыхъ состоялся переѣздъ Шафарика въ Прагу, Хмѣленскій (чешскій поэтъ) писалъ Челяковскому 15 сент. 1837 г.: „Прочелъ я пятый выпускъ „Древностей“ Шафарика и поистинѣ удивляюсь любви его къ нашему языку, заставившей его безкорыстно рѣшиться издать подобное сочиненіе по-чешски. Какъ мало у насъ такихъ людей, которые могутъ оцѣнить эту геніальную работу. Изо всего этого можно видѣть, что Шафарикъ, съ какой стороны ни взгляни на него, великій человѣкъ“. Такъ, какъ Хмѣленскій, безъ сомнѣнія думали многіе чехи, и это не оставалось безъ вліянія на развитіе уваженія къ родному языку. Позволять себѣ писать на чужомъ языкѣ простительно только тамъ, гдѣ литература настолько сильна, что отъ того не можетъ быть никакого вреда. Но не въ такомъ положеніи находилась чешская литература. Краснорѣчивымъ подтвержденіемъ этого могутъ служить слѣдующія строки Челяковскаго въ письмѣ къ Винаржицкому отъ 1838 г.: „съ нѣкотораго времени я не могу освободиться отъ той печальной мысли, что съ языкомъ и литературой нашей мы идемъ день ото дня къ худшему, такъ что близкій къ своему концу словарь Юнгмана того и гляди сдѣлается не основнымъ, а надгробнымъ его камнемъ. Я чувствовалъ бы себя го-

раздо бодрѣе, если бы убѣдился, что я обманываюсь, и мои заключенія неосновательны“ [1]).

Винаржицкій счелъ своимъ долгомъ поддержать своего друга: „Я огорченъ, писалъ онъ ему, что Вы такъ опечалены положеніемъ нашего языка и литературы. Но развѣ его судьба 30 лѣтъ тому назадъ была отраднѣе и развѣ тогда такіе люди, какъ Крамеріусъ, Юнгманъ, Пухмайеръ, дали устрашить себя невзгодамъ и овладѣть собой печали? Въ затрудненіи узнается мужъ. Нужно дѣйствовать, а не плакаться. До сихъ поръ еще ничего не потеряно, а во времени и мѣстѣ выигрышъ великъ. Наша литература обнаружила жизнь во всѣхъ областяхъ и нашъ языкъ выдержалъ это великое испытаніе; что онъ годится для высшей поэзіи, годится быть органомъ науки, это доказано. Если мы еще не во всемъ достигли высшаго совершенства, нельзя этому удивляться. Природа не терпитъ скачковъ. А что выродившаяся шляхта до сихъ поръ пренебрегаетъ роднымъ языкомъ, въ томъ нѣтъ никакого вреда, какой могъ бы произойти, если бы только она его воздѣлывала. Мы сильнѣе Поляковъ и Мадьяръ. Шляхетскіе роды вымираютъ скорѣе, нежели какой либо народъ. И, я надѣюсь, народъ чешскій, а вмѣстѣ съ нимъ и его языкъ скоро не умретъ.

„60 лѣтъ рѣжетъ намъ языки нормальная школа, и все-таки мы еще не онѣмѣли. Прага больше не нѣмечится; правда, чешская рѣчь въ ней еще не господствуетъ, но уже всюду слышится и ею не пренебрегаютъ, какъ 20 лѣтъ тому назадъ. „Чешскій языкъ подымается“ — съ этимъ соглашаются полунѣмцы и получехи, и этотъ ставшій почти обычнымъ приговоръ справедливѣе, нежели тихая жалоба на то, что „чешскій языкъ падаетъ“. Такая жалоба, вышедши изъ устъ нѣсколькихъ литераторовъ, принесла бы больше вреда, нежели всѣ нормальныя школы вмѣстѣ. „Что намъ до такого чешскаго языка, въ которомъ отчаиваются даже тѣ, которые на немъ пишутъ?“ — раздался бы въ народѣ голосъ въ отвѣтъ на эти лишенныя основанія опасенія. Нашимъ литераторамъ нужны только благородное настроеніе, просвѣщенный разумъ, спокойствіе духа, чистое сердце и добрая воля служить не столько себѣ самому, сколько своей родинѣ. А потому, дорогой другъ, будемъ постоянны: падаетъ только тотъ человѣкъ и народъ, который самъ себя роняетъ“ [2]).

Переѣхавъ въ Прагу, Шафарикъ такъ и остался въ ней до конца своей жизни. Какъ ни скромны были средства, предоставленныя ему его друзьями, онъ дорожилъ уже однимъ тѣмъ, что весь свой досугъ могъ посвящать ученымъ занятіямъ. Зная, что трудъ, которымъ въ это время былъ занятъ Шафарикъ, были знаменитыя „Славянскія Древности“, легко понять, что имъ овладѣлъ энтузіазмъ, свойственный только избраннымъ натурамъ, который заглушалъ въ немъ всѣ иныя заботы и помышленія. И дѣйствительно, это былъ такой трудъ, къ которому вполнѣ примѣнимы слова Гоголя: „Избери одинъ трудъ, влюбись въ него душою и тѣломъ, и жизнь твоя потечетъ полнѣе и прекраснѣе, а самый трудъ будетъ проникнутъ тѣмъ одушевленіемъ,

---

[1]) Vzájemné dopisy L. F. Čelakovského a K. Vinařického 1831—1850 въ книгѣ F. L. Čelakovského Sebrané listy. V Praze. 1869, стр. 423.

[2]) Тамъ же стр. 425, въ отвѣтномъ письмѣ Винаржицкаго 9 декабря 1838 г.

которое недоступно для истрачивающаго талантъ свой на повседневное“ [1]). Только при такомъ отношеніи къ дѣлу онъ и былъ такъ скоро оконченъ. Въ 1835 г. уже былъ готовъ въ рукописи первый томъ „Древностей“, какъ видно изъ оповѣщенія Палацкаго въ Č. Č. M., а въ 1837 г. было окончено его печатаніе: въ немъ было 1005 стр. мелкаго, убористаго чешскаго шрифта.

Призвавъ Шафарика въ Прагу, друзья его всячески старались облегчить его существованіе. Главный виновникъ его переселенія Палацкій, выхлопоталъ ему 60 гульденовъ изъ музейнаго фонда за сотрудничество въ Č. Č. M. — первый примѣръ подобнаго гонорара изъ средствъ Чешской Матицы. Позднѣе, въ 1838 г., онъ передалъ ему редактированіе Č., за что платили 120 гульд. Въ 1834—35 гг. Шафарикъ редактировалъ Свѣтозоръ, первый иллюстрированный чешскій журналъ, издававшійся фирмою братьевъ Гаазе.

Какъ разъ въ это время, въ 1835 г., посѣтилъ Шафарика въ Прагѣ и завязалъ съ нимъ тѣсное знакомство М. П. Погодинъ. Несоотвѣтствіе громадныхъ заслугъ, которыя имѣлъ за собой Шафарикъ своей предшествующей ученой дѣятельностію и послѣдними капитальными трудами, съ тѣми условіями, среди которыхъ онъ жилъ, поразила Погодина. Вполнѣ естественно, у него явилась мысль склонить Шафарика къ переселенію въ Москву. Погодинъ обѣщалъ ему, что русское правительство назначитъ его профессоромъ Московскаго университета, и предлагалъ употребить все свое вліяніе, чтобы какъ можно скорѣе послѣдовало приглашеніе его въ Москву. Это предложеніе не встрѣтило однако сочувствія въ Шафарикѣ, и онъ просилъ своего новаго друга не спѣшить съ этимъ дѣломъ, находя необходимымъ остаться въ Прагѣ для своихъ занятій. Вмѣсто того онъ предлагалъ Погодину оказать ему помощь присылкой русскихъ книгъ, которыя были ему нужны для окончанія начатыхъ работъ. Чтобы не обременять Погодина покупкой книгъ, Шафарикъ просилъ съ его стороны только одного посредничества по собиранію и пересылкѣ, надѣясь, что русскіе писатели въ Москвѣ не откажутъ доставлять ему для этой цѣли по экземпляру своихъ сочиненій. Тѣмъ неожиданнѣе было для него получить формальное предложеніе каѳедры славяновѣдѣнія въ Московскомъ университетѣ въ февралѣ 1836 года отъ самого попечителя Московскаго округа графа Строганова. Извѣщая Погодина о томъ, что онъ посылаетъ Строганову рѣшительный отказъ, Шафарикъ выражалъ сожалѣніе, что, не получая никакихъ вѣстей о его возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, онъ не успѣлъ предупредить самое предложеніе попечителя. Двѣ главныя причины удерживали Шафарика въ Прагѣ. Зная славянскія нарѣчія, въ томъ числѣ и русское, лишь теоретически, онъ находилъ затрудненіе въ томъ, что не могъ владѣть русскимъ языкомъ, а явиться въ Россію нѣмцемъ не желалъ. Съ другой стороны, Шафарикъ не находилъ возможнымъ покинуть своихъ соотечественниковъ, которые еще такъ недавно отнеслись къ нему съ такой любовію и довѣріемъ, что онъ чувствовалъ себя тѣсно связаннымъ съ Прагой, Чехіей и Австріей прочными узами благодарности. Съ рѣдкой скромностію ставилъ онъ Погодину на видъ, что

[1]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, книга IV, стр. 343.

онъ преувеличиваетъ его знанія и возлагаетъ слишкомъ большія надежды на его пріѣздъ въ Россію, напоминая, что у насъ быстро увеличивается число людей, которые болѣе его достойны занять предлагаемую ему каѳедру. Но, разумѣется, въ выборѣ Погодина не было ошибки. Шафарикъ на каѳедрѣ славяновѣдѣнія въ Московскомъ университетѣ оставилъ бы далеко за собой всѣхъ остальныхъ профессоровъ той же каѳедры въ нашихъ университетахъ. Его чрезвычайныя знанія, его чистонаучное направленіе, наконецъ, его высокій и благородный характеръ оставили бы глубокіе слѣды въ университетскихъ слушателяхъ; можно думать, ему болѣе, чѣмъ кому-либо другому, удалось бы побѣдить нѣкоторое предубѣжденіе къ самому предмету славяновѣдѣнія, которое иные имѣли какъ въ самомъ университетѣ, такъ и въ обществѣ. Остается только сожалѣть, что этому плану помѣшали осуществиться вышеуказанныя причины отказа, имѣвшія безусловную вѣскость. Какъ бы забывая безповоротное и серіозно мотивированное рѣшеніе Шафарика, Погодинъ и позднѣе не переставалъ звать его въ Москву, но отвѣтъ былъ одинъ и тотъ же. Послѣ этого Погодину оставалось только оказывать своему пражскому другу тѣ услуги, о которыхъ онъ просилъ, т.-е. собирать для него и пересылать книги, что и дѣлалъ онъ, пока впослѣдствіи не смѣнилъ его въ этомъ Бодянскій[1]). Но участіе Погодина выразилось и иначе. Еще при первомъ знакомствѣ съ Шафарикомъ, пораженный той скромной обстановкой, въ которой жилъ великій славянскій ученый, Погодинъ думалъ, „и неужели въ славянскихъ земляхъ, неужели на святой Руси не найдется такихъ богачей, которые удѣлили бы хоть по крохотной частицѣ отъ своихъ сокровищъ для содѣйствія ученымъ трудамъ Шафарика, не для его пользы, но для пользы всѣхъ славянскихъ племенъ нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ“[2]). Вернувшись изъ путешествія, онъ принялся за осуществленіе этой мысли. Въ Москвѣ онъ дѣйствовалъ лично, въ Петербургъ писалъ друзьямъ. Интересно, что Жуковскій, къ которому онъ обратился съ этой просьбой, отвѣчалъ, что онъ ничего не можетъ собрать для Шафарика и Вука Стефановича между своими знакомыми: „Тѣ изъ нихъ, кои богаты, не дадутъ ничего, ибо не вѣдаютъ, что такое Шафарикъ и Вукъ Стефановичъ; бѣдные же, хотя и вѣдаютъ, да съ нихъ нечего взять“[3]). За то же дѣло принялся по порученію Погодина Краевскій; но и онъ также находилъ нужнымъ „толково и ясно объяснить нашимъ боярамъ, кто сіи Шафарикъ и Вукъ, чѣмъ они занимаются, что сдѣлали, въ чемъ нуждаются. Пришлите все это ко мнѣ; а я черезъ Одоевскаго,

[1]) Перечисляя въ 1838 г. посланныя Шафарику книги Погодинъ просилъ издателей доставлять въ особенности историческіе и филологическіе труды. Онъ думалъ открыть въ славянскихъ земляхъ русскую книжную лавку, въ которой славяне могли бы покупать русскія книги, и наоборотъ, черезъ ту же лавку получать въ Россіи славянскія книги. Н. А. Поповъ замѣтилъ по этому поводу, что несмотря на потребность въ такомъ обмѣнѣ и до сихъ поръ (въ 1880) обмѣнъ идетъ или частными путями, или чрезъ иностранныхъ книгопродавцевъ въ Лейпцигѣ, Петербургѣ, Москвѣ. По нашему мнѣнію послѣднее посредничество совершенно невыгодно и излишне, гораздо лучше прямое обращеніе въ случаѣ нужды въ книжные магазины славянскихъ земель непосредственно.

[2]) Барсуковъ, ib. стр. 314.

[3]) Ib. стр. 417.

Пушкина, Віельгорскаго пущу въ ходъ по разнымъ угламъ“ [1]). Погодину слѣдуетъ поставить въ заслугу иниціативу этой помощи и настойчивость усилій. Къ сожалѣнію, только онъ не былъ всегда достаточно остороженъ въ этомъ дѣлѣ. Въ то время какъ Грановскій писалъ Станкевичу о Шафарикѣ между прочимъ: „А знаешь ли чѣмъ онъ живетъ теперь? Тайными пособіями М. П. Погодина. Это должно остаться между нами, потому что П. такъ благороденъ, что не хочетъ, чтобы это было извѣстно. Бодянскій знаетъ все, потому что деньги идутъ черезъ его руки“ и при этомъ отозвался съ похвалой о П—нѣ: „Вотъ вамъ лучшее доказательство, что П. благородный человѣкъ“ [2]), Погодинъ позволилъ себѣ въ Журналѣ М. Н. Пр. привести выдержки изъ письма Бодянскаго о матеріальномъ положеніи Шафарика и сообщилъ о своихъ хлопотахъ съ поименованіемъ лицъ [3]). Все это очень огорчило Шафарика, который опасался нападокъ и насмѣшекъ заграничной печати въ особенности.

Къ счастію эта неловкость Погодина не повела къ разрыву и добрыя отношенія между обоими учеными скоро возстановились. Погодинъ продолжалъ оказывать помощь своему другу, обращаясь не къ однимъ лишь частнымъ лицамъ) [4].

Весьма вѣроятно, что ему главнымъ образомъ слѣдуетъ приписать вниманіе къ Шафарику со стороны министра Народнаго Просвѣщенія графа Уварова, который обратился къ Государю со всеподданнѣйшей запиской объ оказаніи пособія Шафарику и Ганкѣ въ декабрѣ 1838 г. Согласно этой запискѣ Академіей Наукъ назначено было пособіе по 3.000 руб. ассигн. каждому, при чемъ по желанію Государя эта сумма увеличена была на 2.000 р. каждому. Деньги эти было поручено передать по назначенію собиравшемуся въ Прагу Погодину, что и было имъ исполнено въ 1839 г. При этомъ уже были соблюдены всѣ предосторожности, чтобы не навлечь подозрѣніе австрійскаго правительства на тѣхъ, кого эта помощь касалась. Позднѣе въ 1842 г. Уваровъ выхлопоталъ для Шафарика пособіе въ 500 р. сер. на изданіе Narodopisa, доставить которое въ Прагу опять таки выпало на долю Погодина.

---

[1]) Ib. стр. 418.

[2]) Переписка Т. Н. Грановскаго, стр. 332. Письмо 27 апр. 1838 г.

[3]) Погодинъ привелъ слѣдующія мѣста изъ писемъ Шафарика: «Если можно, вы меня весьма обрадуете, прославъ какъ можно скорѣе пятьсотъ рублей, о коихъ вы ко мнѣ писали, взаемъ, а я вамъ заплачу, когда мое положеніе улучшится. Мнѣ очень нужны деньги на шестую тетрадь «Древностей», которая никакъ не можетъ быть отложена: это заключеніе первой части: титулъ, заглавіе, послѣднее отдѣленіе, приложеніе, реестръ» и «письмо ваше отъ 9 іюня, вмѣстѣ съ векселемъ, получилъ я только 7 іюля и приношу вамъ благодарность самую горячую» и присоединилъ къ нимъ такое примѣчаніе: «Эти 500 руб. получены были мною отъ г-жъ Апраксиной, Бахметевой, княжны Грузинской, гг. Голохвастова, Гусятникова, Любимова, Самарина, графа Толстого, Царскаго.—Кому угодно еще принять участіе въ этомъ святомъ дѣлѣ науки, тотъ можетъ доставлять свои пожертвованія ко мнѣ по адресу, въ университетъ. Отъ русскихъ ученыхъ и авторовъ, увы! я не получилъ еще ничего въ пособіе знаменитому собрату. *М. П.* Ж. М. Н. Пр. ч. 19, стр. 192.

[4]) Смотри у П. А. Кулаковскаго П. І. Шафарикъ, стр. 45.

Другое предложеніе профессорскаго мѣста Шафарику шло изъ Берлина. Это было въ 1841 г., когда въ Германіи было рѣшено открыть каѳедры славяновѣдѣнія въ Берлинскомъ и Вратиславскомъ университетахъ. Отыскивая профессоровъ для предполагаемыхъ каѳедръ, министерство прежде всего обратилось къ Шафарику, предлагая ему мѣсто въ Берлинѣ. Шафарикъ отказался отъ этого предложенія столь же рѣшительно, какъ и отъ русскаго, ссылаясь на нежеланіе оставить Чехію и начинающійся упадокъ силъ. Онъ рекомендовалъ вмѣсто себя нѣсколькихъ заграничныхъ и пражскихъ ученыхъ, между послѣдними въ особенности Челяковскаго. Тогда онъ былъ вызванъ въ Берлинъ министромъ народнаго просвѣщенія Эйгорномъ по крайней мѣрѣ для того, чтобы дать совѣтъ, какъ слѣдуетъ поставить вновь открывающіяся каѳедры. Шафарикъ согласился на это, пріѣхалъ въ Берлинъ и подалъ министру извѣстную записку, въ которой былъ начертанъ строго обдуманный планъ университетскаго преподаванія славяновѣдѣнія. Личное знакомство съ знаменитымъ ученымъ еще болѣе расположило въ его пользу какъ министра, такъ и профессоровъ университета. Когда на новыя просьбы занять берлинскую каѳедру послѣдовалъ рѣшительный отказъ, явилось предположеніе, не были ли причиной отказа матеріальныя условія, и во избѣжаніе подобнаго недоразумѣнія предлагали просить, сколько онъ желаетъ самъ. Что несмотря на отказъ въ Берлинѣ остались довольны Шафарикомъ, доказательствомъ этого служитъ посланный ему орденъ pour la merite[1]).

Предложенія, обращаемыя къ Шафарику изъ-за границы, изъ Россіи и Пруссіи, не могли остаться неизвѣстны въ Вѣнѣ и обратили вниманіе высшихъ властей. 22 мая 1841 г. Шафарикъ былъ назначенъ сверхштатнымъ хранителемъ Пражской библіотеки съ жалованьемъ въ 800 гульденовъ. Желая обезпечить себѣ возможно большій досугъ, Шафарикъ оставилъ тогда редактированіе Č., которое перешло послѣ него къ Воцелю. Но еще болѣе отнимала у него времени цензорская должность, которую онъ получилъ въ 1837 г. съ платой 400 гульденовъ и которая доставляла ему много хлопотъ, особенно послѣ того, какъ газетнымъ дѣятелемъ явился Гавличекъ. Шафарикъ пробовалъ отказаться и отъ нея, но на этотъ разъ безъ успѣха. Относившійся къ своей обязанности съ должной умѣренностію, Шафарикъ въ скоромъ времени навлекъ на себя недовѣріе свыше. Это было въ 1844 г., когда 3-й выпускъ извѣстнаго сочиненія Карла Владислава Запа Zrcadlo života na wýchodní Ewropě, заключавшій Cesty a procházky po Halické zemi, пропущенный цензоромъ, вызвалъ чье-то неудовольствіе въ Галиціи, результатомъ котораго была жалоба. Приглашенный представить объясненіе, Шафарикъ сдѣлалъ это въ обширной запискѣ, которая, по словамъ І. Иречка представляла бо́льшую цѣнность, нежели самая книга Запа. Оправданіе Шафарика было принято, но послѣ этого случая онъ уже настойчиво сталъ просить объ увольненіи отъ этой должности. Его отставка была принята впрочемъ, только въ 1847 г.

Лишаясь съ оставленіемъ цензорства 400 гул., Шафарикъ надѣялся получить взамѣнъ этого иное удовлетвореніе. Давно мечтавшій объ открытіи славянской ка-

---

[1]) Сравни относящееся къ этому вопросу въ нашей статьѣ: „Шафарикъ и Бодянскій".

ѳедры въ австрійскихъ университетахъ, онъ особенно желалъ видѣть ее въ Прагѣ, гдѣ и надѣялся стать профессоромъ. Еще въ 1846 г. при посредничествѣ Палацкаго онъ подалъ докладную записку по этому вопросу управлявшему Чехіей эрцгерцогу Стефану. Палацкій съ своей стороны убѣждалъ эрцгерцога въ томъ, что эта каѳедра въ Прагѣ можетъ преуспѣвать только тогда, если на нее будетъ назначенъ Шафарикъ. Палацкій считалъ невознаградимой потерей, если бы упущено было время воспользоваться неисчерпаемыми знаніями Шафарика. Напоминая о блестящихъ предложеніяхъ, которыя Шафарикъ получилъ изъ-за границы, Палацкій указывалъ, что занимаемыя имъ должности чиновника библіотеки и цензора только утомляютъ его духовныя силы, служа помѣхой его ученымъ занятіямъ. Палацкій старался внушить эрцгерцогу, что съ австрійской точки зрѣнія для правительства было бы выгодно вниманіе къ Шафарику, къ судьбѣ котораго такъ неравнодушны всѣ просвѣщенные славяне.

Нельзя при этомъ не замѣтить, что успѣхъ этихъ стараній имѣлъ бы большое значеніе и съ славянской точки зрѣнія въ самомъ широкомъ смыслѣ. Славянская каѳедра въ Прагѣ съ Шафарикомъ во главѣ придала бы Пражскому университету первенствующую роль въ преподаваніи славяновѣдѣнія, которая позднѣе выпала на долю Вѣнскаго университета. А для торжества славянскаго дѣла, для успѣховъ славянской науки, безъ сомнѣнія, всего важнѣе, чтобы въ славянскомъ университетѣ были сосредоточены лучшія славянскія силы[1]).

Замѣчая, что въ Прагѣ дѣло не подвигается, Шафарикъ обратился въ февралѣ 1847 г. къ самому императору съ просьбой разрѣшить ему преподаваніе славянскаго языковѣдѣнія въ Пражскомъ университетѣ съ сохраненіемъ того жалованія, которое онъ получалъ, какъ цензоръ. Ученая комиссія въ Вѣнѣ предложила Шафарику ограни-

---

[1]) Теперь, когда въ Прагѣ есть чешскій университетъ, вполнѣ понятно, привлекающій большее количество слушателей сравнительно съ нѣмецкимъ (въ 1882/83 г. на немъ было 1055 слушателей, на нѣмецкомъ 1695, въ 1890/91 г. на немъ уже 2507, а на нѣмецкомъ только 1601), нельзя не сожалѣть, что изъ него уходятъ въ Вѣну такія ученыя силы, какъ напр. К. Иречекъ или недавно Ант. Резекъ, одинъ изъ редакторовъ чешскаго историческаго журнала. Господствующее между нѣмцами нерасположеніе къ славянству отражается и на отношеніи слушателей къ преподавателямъ каѳедръ по слав. филологіи, слав. исторіи и др., у профессоровъ которыхъ, несмотря на всю ихъ извѣстность, количество слушателей невелико. А такимъ образомъ сводится къ минимуму и ихъ воздѣйствіе. Мы всегда думали, если бы Копитаръ, Миклошичъ, Облакъ, три выдающіеся словенца, писали на родномъ яз. и дѣйствовали у себя на родинѣ, какъ бы это подняло значеніе словенцевъ. Всякій бы поѣхалъ въ Любляны, какъ въ свое время ѣздили изъ-за Шафарика въ Прагу. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что изъ трехъ упомянутыхъ ученыхъ послѣдній уже многія статьи писалъ на родномъ яз. Славянская идея несмотря на всѣ препятствія, на всѣ затрудненія пробиваетъ себѣ путь. Торжества слав. науки можно ожидать только тогда, разумѣется, когда восторжествуетъ политическая равноправность славянъ въ Австріи. Мы не можемъ отъ всей души не желать успѣховъ чехамъ, переживающимъ въ настоящее время одинъ изъ важныхъ моментовъ на пути впередъ. Отъ чеховъ, какъ самыхъ сильныхъ успѣхами духовной и матеріальной культуры среди австрійскихъ славянъ, остается ожидать той настойчивости и непреклонности въ борьбѣ, которыя служатъ лучшимъ ручательствомъ за торжество праваго дѣла.

читься однимъ гонораромъ со студентовъ, и когда онъ отвѣтилъ на это отказомъ, въ свою очередь не нашла возможнымъ удовлетворить его просьбу.

Въ скоромъ времени, именно въ слѣдующемъ 1848 г., дѣло о профессурѣ приняло было благопріятный оборотъ. 2 февраля вновь основанная Академія Наукъ открыла свои засѣданія. Шафарикъ, назначенный императоромъ членомъ Академіи, отправился въ Вѣну и присутствовалъ на торжествѣ открытія. При этомъ на его долю выпала честь вступиться за авторитетъ знаменитаго нѣмецкаго ученаго Якова Гримма. А именно, въ одномъ изъ засѣданій историко-филологическаго отдѣленія Академіи обсуждался вопросъ о преміяхъ. Двумя членами предложено было назначить премію въ тысячу гульденовъ за сравнительно-историческую грамматику славянскихъ языковъ по образцу нѣмецкой грамматики Гримма[1]). Противъ этого предложенія возсталъ президентъ Академіи Гаммеръ, предлагая эту премію за простонародную табелярную грамматику нѣмецкихъ нарѣчій. Поддерживая президента, министерскій совѣтникъ Ауэръ заявилъ по этому поводу, что грамматика Гримма во многихъ пунктахъ неясна, что она уже потому не можетъ быть образцомъ славянской, что не окончена, такъ какъ въ каждомъ новомъ изданіи текстъ ея подвергается перемѣнамъ. Когда со стороны нѣмецкихъ академиковъ не нашлось никого, кто бы взялъ на себя защиту труда Гримма, не мало удивленный этимъ, Шафарикъ поднялся самъ и въ исполненной энтузіазма рѣчи выставилъ на видъ заслуги Гримма, доказалъ несправедливость доводовъ Ауэра и былъ виновникомъ того, что предложеніе Гаммера было отвергнуто 8-ю голосами противъ 4.

Этотъ случай снискалъ Шафарику расположеніе даже въ той средѣ, въ которой онъ до сихъ поръ не пользовался довѣріемъ. Предсѣдатель ученой комиссіи, баронъ Пиллесдорфъ выхлопоталъ ему разрѣшеніе преподаванія славяновѣдѣнія въ Пражскомъ университетѣ съ платой 600 гульд. въ годъ. Въ мартѣ послѣдовалъ на это императорскій указъ, но вспыхнувшее въ Вѣнѣ революціонное движеніе остановило ходъ дѣла.

Въ свою очередь пражскія волненія въ 1848 г. были неблагопріятны для начала преподавательскихъ занятій, и Шафарикъ былъ вполнѣ правъ, когда писалъ Бодянскому 9 сент. 1848 г.: „въ настоящее время еще не могу вамъ сообщить, когда и что начну читать въ здѣшнемъ университетѣ, такъ какъ хотя у меня и есть на это разрѣшеніе, тѣмъ не менѣе остальныя условія теперь еще не удобны“.

Профессорская дѣятельность Шафарика такъ и не осуществилась.

Позднѣе на каѳедру въ Прагу былъ приглашенъ желавшій возвращенія на родину Челяковскій. Шафарикъ получилъ мѣсто библіотекаря въ университетѣ, отказавшись отъ должности совѣтника въ министерствѣ, которую ему предлагали въ Вѣнѣ, куда онъ былъ вызванъ для участія въ совѣщаніяхъ о томъ, какъ бы поднять въ Австріи школьное образованіе. Послѣ того Шафарикъ уже не думалъ о какихъ-либо перемѣнахъ своего служебнаго положенія, и на этомъ была закончена его служебная карьера.

По временамъ онъ еще исполнялъ возлагавшіяся на него порученія. Такъ напр.,

---

[1]) Сочиненіемъ, написаннымъ на эту премію, была грамматика славянск. языковъ Миклошича, которому и была присуждена премія.

въ 1849 г. онъ былъ вызванъ въ вѣнскую комиссію, которая должна была установить славянскую юридическую терминологію, въ 1851 г. — въ комиссію, которая вырабатывала ученую чешскую терминологію. Труды этихъ комиссій вышли въ 1850 и 1853 гг. и Шафарикъ, понятное дѣло, былъ душей той и другой коммиссіи.

Въ 1852 г. его вызывали въ Вѣну въ члены комиссіи, которая должна была произвести перемѣны въ управленіи императорской библіотекой, на которую было такъ много жалобъ. Въ 1856 г. онъ былъ посланъ министромъ Туномъ въ Гёттингенъ для покупки въ Пражскую библіотеку книгъ послѣ умершаго филолога К. Ф. Германа.

Бурный 1848 г. вовлекъ и Шафарика въ водоворотъ событій политической жизни. Когда въ Прагѣ состоялся съѣздъ представителей всѣхъ славянскихъ народовъ Австріи, онъ былъ избранъ предсѣдателемъ этого славянскаго съѣзда, и только послѣ его отказа его замѣнилъ Палацкій, предоставляя, впрочемъ, на дѣлѣ руководство съѣздомъ своему другу[1]); формально Шафарикъ принялъ предсѣдательство въ чешско-словенскомъ отдѣлѣ. При открытіи засѣданій съѣзда 3 іюня онъ произнесъ знаменитую рѣчь, въ которой обличалъ лживость приговора о славянахъ ихъ сосѣдей — нѣмцевъ, мадьяръ, итальянцевъ, суть котораго заключалась въ томъ, что славяне неспособны къ полной свободѣ, неспособны къ высшей политической жизни только потому, что они славяне. Находя, что насталъ моментъ доказать противное, Шафарикъ заканчивалъ свою рѣчь словами: „Хочетъ ли и можетъ ли нашъ славянскій народъ стать всей силой за свои права, добыть ихъ себѣ, на основаніи справедливости къ себѣ и другимъ народамъ, — вотъ что составляетъ великую, святую задачу нашихъ совѣщаній! Изъ рабства нѣтъ дороги къ свободѣ безъ борьбы: либо побѣда и свободная національность, либо почетная смерть и по смерти слава!“[2]).

Къ сожалѣнію, славянскій съѣздъ былъ нарушенъ кровопролитіемъ, намѣренно вызваннымъ врагами чешскаго и славянскаго дѣла. Стоявшіе во главѣ съѣзда Шафарикъ и Палацкій считали виновниками этихъ крайностей лицъ постороннихъ. По словамъ перваго „движеніе было не народное, а чисто политическаго характера: это было возмущеніе, въ которомъ принимали участіе нѣмцы и чехи. Славянскій съѣздъ не имѣлъ къ нему никакого отношенія. Только послѣ катастрофы вся вина была искусственно взвалена на чеховъ. То, что нѣмецкія газеты измышляли и измышляютъ противъ чеховъ, — безстыдная ложь. Раньше или позже все разъяснится, какъ происходили событія въ Прагѣ“[3]).

---

[1]) Vlastní život. Fr. P., стр. 35.

[2]) Переводъ принадлежитъ Первольфу. П. І. Шафарикъ, П. А. Кулаковскаго (стр. 29—30, гдѣ выписка гораздо длиннѣе.

[3]) Письма къ Погодину тамъ же, стр. 30. Сравни также письмо къ Бодянскому 9-го сент. 1848 г., стр. 203 рус. перевода. Въ этихъ волненіяхъ, какъ руководитель, участвовалъ Бакунинъ. Писемъ его отъ этого времени не сохранилось, и прямого свидѣтельства о его революціонной дѣятельности въ Прагѣ недостаетъ. Но о его дѣятельномъ участіи въ пражскихъ событіяхъ передавали вернувшіеся изъ Праги въ Франкфуртъ поляки Арнольду Руге. „Пониманія славянскихъ интересовъ и знакомства съ дѣлами славянъ,

Точно такъ же думалъ и Палацкій: „Задачей нашего съѣзда было достигнуть общаго соглашенія, какъ защищаться славянамъ противъ усиливающихся съ каждымъ днемъ захватовъ нѣмцевъ и мадьяръ. Мы всѣ сознавали, что намъ нужно было сохраненіе австрійской имперіи и ея устройство на началахъ равноправности всѣхъ народовъ. Поэтому, когда этотъ съѣздъ противился направленію и стремленіямъ тогдашнихъ венгерскихъ министровъ, эти послѣдніе съ помощію вѣнскихъ демагоговъ употребили всѣ усилія къ тому, чтобы его разстроить, разогнать и подавить“[1]). Шафарикъ признавалъ, что дѣятельность съѣзда была вполнѣ лояльная и онъ заслуживалъ лучшей участи, и Палацкій считалъ роковыми пражскія волненія, которыя помѣшали сейму чешскаго королевства, назначенному на іюнь 1848 г. „Я вполнѣ убѣжденъ — говоритъ онъ — что если бы мои просьбы, обращенныя къ народнымъ представителямъ 12 мая и послѣ того неоднократно повторяемыя, о томъ, чтобы не оставлять занятаго нами положенія и избѣгать всякаго насилія, были исполнены, чешскій народъ въ 1848 г. достигъ бы тѣхъ народныхъ и помѣстныхъ правъ, которыхъ и по сіе время напрасно добивается; тогда бы и вся исторія Чешской земли и Австрійской имперіи получила иной, болѣе благопріятный оборотъ. Самое великое зло, послужившее источникомъ всѣхъ дальнѣйшихъ бѣдствій, была отмѣна сейма чешскаго королевства, назначеннаго на іюнь 1848 г., къ которому дѣлались приготовленія. Если бы этотъ сеймъ состоялся и въ законномъ порядкѣ формулировалъ требованія всей страны, то несомнѣнно въ самыхъ высшихъ сферахъ къ нему отнеслись бы еще съ большей благосклонностію, нежели къ венгерскому сейму“[2]).

Въ это же время Шафарикъ былъ выбранъ въ Бероунѣ депутатомъ на имперскій сеймъ въ Вѣнѣ, но отказался отъ участія въ немъ, наоборотъ онъ принялъ выборъ въ чешскій сеймъ, разсчитывая дѣйствовать на немъ въ пользу народнаго обученія, но этотъ сеймъ не состоялся. По словамъ Брандля, Шафарикъ отказался также и отъ предсѣдательства въ обществѣ Славянская Липа, основанномъ въ концѣ мая 1848 г. Въ этомъ случаѣ почтенный біографъ, по нашему мнѣнію, не вполнѣ правъ. Помѣ-

---

какъ справедливо замѣчаетъ Резекъ, у него не было. Въ воззваніи къ славянамъ онъ доказывалъ, что Австрію должно уничтожить и что долгъ славянъ соединиться съ мадьярами противъ Виндишгреца! Что на этотъ совѣтъ могли сказать вѣрные друзья Бакунина (во время его пребыванія въ Прагѣ): Гурбанъ, Закъ, Штуръ, легко понять. То же обнаружилось позднѣе въ Дрезденѣ. За что ратовалъ Бакунинъ, русскій патріотъ, ревнитель за свободу славянъ? За Франкфуртскій парламентъ и его постановленія, которыя были направлены къ объединенію Германіи противъ славянъ, за Франкфуртскій парламентъ, противъ котораго собирался славянскій съѣздъ въ Прагѣ, въ которомъ Бакунинъ принималъ дѣятельное участіе. Какое противорѣчіе въ идеяхъ: за что бились въ Прагѣ въ 1848 г. въ Духовъ день, и за что въ маѣ 1849 г. въ Дрезденѣ! Въ этомъ была бы непонятная политическая безхарактерность, если бы мы не знали, что Бакунинъ хотѣлъ поднять революцію во всей Европѣ и не спрашивалъ о цѣляхъ, ему просто было достаточно производить революцію“. Michail Bakunin. Český časopis historický Ročn., II, seš. 3, статья Резка.

[1]) Vlast. Život. F. P. стр. 35.

[2]) Vács. Rěznička Frant. Palacký. V Praze 1896, стр. 195—196.

щенныя въ журналѣ Pozor[1]) правила этого общества за подписью Шафарика заставляютъ предполагать, что его отказъ послѣдовалъ позднѣе. Въ виду рѣдкости изданія (мы пользуемся экземпляромъ, пріобрѣтеннымъ при распродажѣ библіотеки Бодянскаго) и интереса этого документа приводимъ его вполнѣ.

Уставъ Славянской Липы.

I. Что такое Славянская Липа и какія ея задачи?

Славянская Липа есть союзъ членовъ, созданный для пробужденія и упроченія политическаго самосознанія съ точки зрѣнія славянской и къ достиженію духовныхъ и матеріальныхъ успѣховъ и прочной связи всѣхъ славянскихъ народовъ Австрійской монархіи.

Цѣли Славянской Липы выражены въ 5 слѣдующихъ параграфахъ.

1) Сохраненіе конституціоннаго принципа въ самомъ широкомъ его развитіи.

2) Наблюденіе надъ осуществленіемъ равноправности обѣихъ народностей въ учрежденіяхъ и школахъ.

3) Отстаиваніе самостоятельности Чехіи, Моравіи и Силезіи, особенно противъ нападеній Нѣмецкаго союза.

4) Поддержаніе взаимности между всѣми славянскими племенами.

5) Изысканіе новыхъ путей для домашнихъ промысловъ и торговли въ славянскихъ краяхъ, въ особенности на югѣ.

II. Какими средствами союзъ стремится достигнуть поставленной имъ цѣли?

Онъ установляетъ:

1) Главный центръ въ Прагѣ, съ особымъ мѣстомъ собранія, которое будетъ располагать канцеляріей, читальней и аудиторіей.

2) Основаніе филіальныхъ обществъ въ славянскихъ краяхъ.

3) Основаніе и распространеніе библіотекъ и обществъ читателей.

4) Единеніе съ другими обществами и учрежденіями подобнаго направленія.

5) Основаніе особаго журнала подъ именемъ „Славянская Липа“, какъ посредника между союзомъ и обществомъ.

6) Веденіе переписки какъ можно въ обширнѣйшихъ размѣрахъ и съ наибольшею аккуратностію.

7) Организація путешествій.

8) Сходки, совѣщанія и т. д.

Въ читальнѣ будутъ находиться главные журналы на всѣхъ славянскихъ язы-

---

[1]) №№ 5 и 6 этой газеты, стр. 18 и 19, 19 и 20 августа 1848 г. Первый номеръ вышелъ во вторникъ 15 августа съ такимъ заглавіемъ: *Pozor!* Večerní list pro město a wenek. Nakladem: Jana Spurného.—Odpowedný redaktor. Pavel Švanda. Hlawní spolupracownik: I. Rezníček. Послѣдній № 47. Въ немъ была замѣтка, что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ газета прерывается на неопредѣленное время и быть можетъ выйдетъ въ иной формѣ, о чемъ будетъ своевременно опубликовано.

кахъ, равно какъ и всѣ наиболѣе извѣстныя ежегодныя и ежедневныя изданія иныхъ народовъ, а также всѣ замѣчательнѣйшіе новые литературные труды, которые касаются славянскихъ дѣлъ.

Постепенно будетъ организуема въ извѣстномъ духѣ и направленіи библіотека.

III. Кто можетъ быть членомъ союза и въ чемъ заключаются его обязанности?

Членомъ Славянской Липы можетъ быть каждый ничѣмъ незапятнанный гражданинъ независимо отъ его положенія, если только раздѣляетъ направленіе союза, запишется и благоволитъ уплачивать опредѣленный взносъ.

Каждый членъ обязуется всѣми достойными средствами содѣйствовать союзу въ достиженіи его цѣлей.

Каждый членъ платитъ ежемѣсячно 20 крейцеровъ серебромъ; только общее собраніе союза можетъ повысить или понизить этотъ взносъ.

Членомъ союза перестанетъ быть

a) кто самъ выйдетъ изъ него добровольно;

b) кто три мѣсяца не внесетъ своего взноса.

Если бы союзъ разошелся, его литературное имущество и корреспонденція перейдетъ въ народный музей, а денежное въ Чешскую Матицу.

IV. Что предлагаетъ союзъ своимъ членамъ?

Каждый членъ имѣетъ право по желанію входить въ помѣщеніе союза, каждый можетъ дѣлать предложенія въ дѣлахъ союза, получить свѣдѣнія о всемъ, что предприметъ союзъ, и будетъ имѣть голосъ въ публичныхъ преніяхъ или голосованіи.

Каждый членъ можетъ по своей волѣ предложить себя сотрудникомъ какой-либо секціи, но безъ права подачи голоса.

Каждый членъ получитъ входный билетъ въ помѣщеніе союза.

Безъ билета входъ никому не позволяется.

V. Союзъ выбираетъ изъ дѣйствительныхъ членовъ комитетъ въ 50 человѣкъ, который выбираетъ въ свою очередь изъ своей среды предсѣдателя, двухъ депутатовъ, одного дѣлопроизводителя, двухъ секретарей и казначея, а равнымъ образомъ и членовъ въ каждую секцію.

Секцій или отдѣленій, установленныхъ примѣнительно къ параграфамъ, которыми опредѣляются цѣли союза, всего пять.

Комитетъ вѣдаетъ всѣмъ внутреннимъ управленіемъ союза.

Комитетъ будетъ принимать новыхъ членовъ, докладывать предложенія свои и членовъ, будетъ ихъ обсуждать и постановлять рѣшенія.

Комитетъ отвѣчаетъ за всякое публичное объявленіе, которое выходитъ отъ имени союза и безъ предсѣдателя (или его замѣстителей) и безъ дѣлопроизводителя никогда не можетъ быть сдѣлано.

Внутреннее управленіе и все дѣлопроизводство ведется на чешскомъ языкѣ.

VI. Откуда союзъ покрываетъ свои расходы?

1) Изъ мѣсячнаго взноса своихъ членовъ.

2) Изъ добровольныхъ пожертвованій ихъ же.

3) Изъ пособій какого-либо благороднаго патріота.

4) Изъ доходовъ отъ своего журнала и всѣхъ другихъ предпріятій.

Эти правила не должны измѣняться и нарушаться иначе какъ во всеобщемъ собраніи союза, на которомъ для рѣшенія должно быть $^2/_3$ голосовъ.

Въ Прагѣ, 24 мая 1848 г. І. П. Шафарикъ, предсѣдатель Славянской Липы[1]). Вил. Гаучъ дѣлопроизводитель.

Пражскій періодъ въ жизни Шафарика, несмотря на всю скромность его положенія съ официальной точки зрѣнія, былъ особенно благотворенъ, — не говоря о его чисто ученыхъ занятіяхъ, чего мы коснемся ниже въ слѣдующей главѣ, — по тому вліянію, какое ему суждено было здѣсь оказывать не столько на мѣстныхъ ученыхъ и писателей, сколько, пожалуй, на пріѣзжавшихъ въ Прагу ученыхъ путешественниковъ, между которыми не послѣднее мѣсто занимали русскіе. Центральное положеніе Праги и само по себѣ способно привлекать путешественника, но съ тѣхъ поръ, какъ въ ней поселился Шафарикъ, котораго ученый авторитетъ съ каждымъ годомъ увеличивался, въ нее манило всякаго славянина непреодолимое желаніе видѣть этого великаго ученаго и патріота. Мы уже не говоримъ о профессорахъ славяновѣдѣнія, для которыхъ Шафарикъ являлся лучшимъ руководителемъ въ занятіяхъ[2]): и многіе другіе ученые историки и юристы и др. писатели считали своимъ долгомъ познакомиться съ нимъ и выносили изъ такого знакомства лишь одно глубокое къ нему уваженіе. Таковы были: Бодянскій, Срезневскій, Григоровичъ, Прейсъ, Надеждинъ, Кирѣевскій, Грановскій, Соловьевъ, Иванишевъ, Максимовичъ и др.

Не говоря о другихъ, мы не можемъ удержаться отъ того, чтобы не привести впечатлѣній, которыя произвели Прага и Шафарикъ на Грановскаго. „Я не знаю, чему удивляться болѣе въ Шафарикѣ — пишетъ онъ Станкевичу — его великой учености или истинно великому характеру. Онъ не просто бѣдный человѣкъ, а буквально не знаетъ сегодня, что завтра будетъ ѣсть. Мы удивляемся самоотверженію, съ какимъ нѣмцы отдаются наукѣ, но у Шафарика это еще удивительнѣе, потому что его кромѣ бѣдности давятъ тысячи другихъ обстоятельствъ, которыхъ въ Германіи нѣтъ“[3]). Въ слѣдующемъ письмѣ Грановскій пишетъ о вечерѣ, проведенномъ у Шафарика, въ такихъ словахъ: „Говорили о разныхъ вещахъ, о политикѣ, литературѣ, теперешнемъ раздробленіи мнѣній въ Германіи, и во всемъ онъ показалъ и знаніе дѣла и глубокое участіе ко всему человѣческому“[4]). Послѣ этого вполнѣ понятны тѣ живые упреки, направленные въ этихъ письмахъ по адресу Станкевича, который „въ быт-

---

[1]) Такъ ошибочно стоятъ литеры вмѣсто П. І. въ № 6 газеты, стр. 21.

[2]) Отношеніямъ Шафарика къ Бодянскому мы посвятили особую статью: П. І. Шафарикъ и О. М. Бодянскій, помѣщенную въ Чтеніяхъ за 1896 г.

[3]) Переписка, стр. 332.

[4]) Тамъ же, стр. 334.

ность свою въ Прагѣ смотрѣлъ духовными очами совсѣмъ не туда, куда надобно“: „Да, Н. В.,... Вы прошли мимо Шафарика, какъ мимо дюжиннаго человѣка, и нашли его одностороннимъ; вы назвали книгу Коллара Litt. Wechseltigkeit пустою, не прочтя десяти страницъ въ ней, и убѣдили въ этомъ меня; наконецъ, вы, находясь въ обществѣ чешскихъ ученыхъ, сдѣлали пренелѣпую выходку противъ мѣстнаго патріотизма и, какъ мнѣ разсказывалъ Челяковскій, которому, впрочемъ, вы не по заслугамъ понравились, заставили ихъ молчать при васъ о томъ, о чемъ они собирались говорить“. „Можно не соглашаться съ ними, находить ихъ идеи неисполнимыми и преувеличенными... но вмѣнять имъ убѣжденія въ недостатокъ, въ односторонность несправедливо. Меня заставили прочесть книгу Коллара, и мнѣ кажется, что несмотря на болтовню, которой въ ней много, она содержитъ много истиннаго и важнаго для насъ“. Но особенно сожалѣлъ Грановскій, что С. не оцѣнилъ по достоинству Шафарика: „отъ другого это могло статься и не огорчило бы меня, но ты, именно ты, долженъ былъ понять этотъ святой характеръ“ [1]).

Матеріальныя затрудненія Шафарика вызвали въ Грановскомъ самое живое участіе. Въ первомъ же письмѣ, въ которомъ находимъ упоминаніе о Ш., читаемъ: „Главное чуть было не забылъ: мнѣ пришла въ голову мысль составить между нами небольшую подписку въ пользу Шафарика. Деньги не разомъ, и каждый обяжется давать ежегодно по силамъ своимъ что-нибудь. Это составитъ небольшой пенсіонъ. Разумѣется, мы не можемъ сдѣлать большого пожертвованія, но если мы соберемъ 20 человѣкъ, изъ которыхъ каждый дастъ по 25 руб. въ годъ, то и эта малость будетъ весьма значительна для него. Какъ вы объ этомъ думаете, я напишу такъ къ Григорьеву“.

Неустанныя ученыя занятія, добросовѣстное исполненіе служебныхъ обязанностей, борьба съ тяжелыми условіями существованія и болѣзненность въ послѣдніе годы жизни потрясли въ концѣ концовъ организмъ Шафарика. Въ послѣднихъ его письмахъ друзьямъ мы постоянно видимъ трогательныя заботы о состояніи нѣжно любимой семьи. Особенно безпокоила его судьба дѣтей, которыхъ ожидала борьба съ тѣми же препятствіями, какія мѣшали ему протестанту въ католическомъ краѣ. Преслѣдованія полиціи, которымъ онъ по временамъ подвергался, возбуждали въ немъ подозрительность, доходившую до того, что онъ сжегъ значительную часть заграничныхъ писемъ [2]).

Болѣзненное состояніе Шафарика въ концѣ концовъ перешло въ душевное разстройство, и одинъ разъ, 11 мая 1860 г., незамѣтно отъ семьи вышедши изъ дому, въ волнахъ Влетавы онъ искалъ успокоенія отъ тягостей жизни. Его спасли на этотъ разъ, онъ поправился, но не надолго. 14 іюня 1861 года онъ умеръ. Какъ протестантъ, Шафарикъ былъ похороненъ подъ Жижковой горой, по близости отъ могилъ русскихъ воиновъ, павшихъ нѣкогда подъ Кульмомъ. На памятникѣ у его могилы высѣчена надпись: „Въ красныхъ міра сего воспитался еси отъ юности своея“.

---

[1]) Ib. стр. 333.

[2]) Письма къ Погодину II, стр. 433.

II

Перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ ученой и литературной дѣятельности Шафарика. Мы уже видѣли, что первые труды, съ которыми онъ явился публикѣ, были съ одной стороны, стихотворенія, съ другой — изслѣдованіе, посвященное вопросамъ стихосложенія. Поселившись въ Новомъ Садѣ, Шафарикъ сосредоточилъ свой интересъ на исторіи литературы и языка всѣхъ славянъ. Результатомъ этой работы его и была Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Ofen 1826, сразу обратившая общее вниманіе на молодого ученаго.

До появленія въ свѣтъ этой книги существовали только опыты изложенія исторіи литературы у отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, напр. у чеховъ — Добровскаго Geschichte der Böhmischen Sprache und Literatur, Prag 1792 и 1818 (второе изданіе) и Юнгмана Historie Literatury české, v Praze 1825, вышедшая, впрочемъ, уже тогда, когда Шафарикъ печаталъ свое сочиненіе, у поляковъ — Бентковскаго Historya literatury polskiey, Warszawa 1814, и глава, посвященная исторіи литературы, въ сочиненіи Потоцкаго Pochwały, mowy i rozprawy, Warszawa 1816, у русскихъ — Опытъ краткой исторіи русской литературы Греча при IV ч. его учебной книги Россійской словесности, С.-Пб. 1822 г. Поэтому за Шафарикомъ остается несомнѣнная заслуга дать сжатый очеркъ исторіи литературы и языка всѣхъ славянскихъ народовъ.

Письма къ Коллару знакомятъ насъ съ интересными подробностями о ходѣ этого перваго ученаго труда Шафарика съ характеромъ общеславянскимъ. Впервые упоминаетъ онъ объ этомъ въ письмѣ 6 янв. 1823 г.: „Я опять начинаю понемногу работать по исторіи литературы всѣхъ славянскихъ нарѣчій[1]). О сербахъ черпаю изъ источниковъ. Кое-что пущу въ свѣтъ отчасти въ словенскихъ журналахъ (Крокѣ), отчасти въ нѣмецкихъ для пробы. Не могли ли бы и вы чѣмъ-нибудь помочь мнѣ? Славяне вѣдь всѣмъ, что имѣютъ, охотно дѣлятся“. Эти строки сразу вводятъ насъ въ тѣ условія, среди которыхъ приходилось работать Шафарику. Въ Новомъ Садѣ, разумѣется, всего благопріятнѣе онъ былъ поставленъ въ отношеніи къ сербской литературѣ, источники которой были у него подъ руками. Совершенно иначе было дѣло съ другими литературами, а потому не удивительно, что онъ обращается за помощію къ Коллару. Изъ слѣдующаго письма отъ 2 февраля видно, чего именно онъ ожидалъ отъ Коллара: „Удается только то, къ чему есть влеченіе сердца. Меня интересуетъ филологія и исторія. Надѣюсь еще въ текущемъ году предложить вамъ кое-что.

Въ словенщинѣ я лишенъ всякихъ пособій. Если вы можете что-нибудь собрать, или по крайней мѣрѣ указать, гдѣ что можно найти, много меня этимъ обяжете. Въ чешской, русской, сербской словесности я снабженъ хорошими источниками: для польской и словинской у меня нѣтъ ничего. Исторіи польской литературы Бентковскаго нельзя достать черезъ книжные магазины. Говорятъ, приготовляется новое

---

[1]) Какъ уже было выше упомянуто, занятія исторіей слав. литературъ интересовали Шафарика еще въ Іенѣ, гдѣ онъ и набросалъ планъ будущаго сочиненія. Смотри статью Поливки стр. 31 (въ юбилейномъ сборникѣ).

изданіе. Грамматики Копитара еще не видалъ". Итакъ, Шафарикъ проситъ помочь ему прежде всего въ своей родной, словенской литературѣ. Имѣя возможность получать русскія изданія у сербовъ, онъ поставленъ въ затрудненіе въ польской литературѣ, которою за отсутствіемъ связей съ поляками и по незнакомству съ польскимъ языкомъ не интересовались и просвѣщенные люди между сербами. При такихъ обстоятельствахъ Шафарикъ не придавалъ особеннаго значенія своему сочиненію, думая имъ принести пользу развѣ одной молодежи. Ожидая пособій по другимъ литературамъ, онъ, какъ словакъ, особенно заботился объ отдѣлѣ словенскомъ, желая въ немъ дать обстоятельный обзоръ своей родной литературы, и въ этомъ отношеніи прямо предлагалъ Коллару, не возьметъ ли онъ обработку этого отдѣла на себя. Обо всемъ этомъ мы узнаемъ изъ письма отъ 4 марта 1823 г.: „Всякій и самый малый досугъ, остающійся отъ исполненія служебныхъ обязанностей, я посвящаю обзору исторіи литературы всѣхъ слав. нарѣчій. Не имѣю намѣренія этой работой принести пользу ученымъ славянамъ; мое вниманіе обращено только на недозрѣлую молодежь. Что мнѣ кое-гдѣ недостаетъ, Богъ дастъ, постепенно пополню: жду исторіи рус. литературы Греча, заказанной у Шаумбурга. — Книги Бентковскаго нельзя больше достать, попробовалъ достать превосходное сочиненіе Потоцкаго „Похвалы, мовы" и т. д. Варшава 1816, гдѣ въ концѣ приложена исторія польской литературы. Тѣмъ легче могу работать въ сербской литературѣ. Не можете ли, мой другъ, чѣмъ-нибудь помочь, — не сомнѣваюсь въ томъ, что можете, но позволятъ ли вамъ это другія занятія — напр. взять на себя обработку словенской литературы въ Венгріи у словаковъ. Наша литература есть вѣтвь литературы чешской; должно быть нашимъ общимъ горячимъ желаніемъ и предметомъ усиленныхъ заботъ, чтобы она навсегда ею осталась: тѣмъ не менѣе достойно было бы меня, какъ словака, чтобы этотъ отдѣлъ моего труда заключалъ обстоятельныя свѣдѣнія о литературной дѣятельности нашихъ словаковъ, начиная отъ Залана до нашихъ дней и далъ бы кое-что и новое на свѣтъ и книжный рынокъ. Если бы вмѣсто меня вы захотѣли это сдѣлать, я былъ бы вамъ за это очень благодаренъ. Вы могли бы воспользоваться этимъ разсужденіемъ и какъ предисловіемъ къ пѣснямъ: я, сознаюсь вамъ откровенно, того мнѣнія, чтобы это разсужденіе заключало не столько похвалу нашимъ народнымъ пѣснямъ (кто ихъ силу не чувствуетъ, тому похвала не поможетъ), а скорѣе систематическій историческій обзоръ словенской жизни нашихъ словаковъ отъ давнихъ временъ донынѣ. Тутъ бы можно было удобно оговорить, гдѣ чего недостаетъ. Если вы не захотите взяться за это, то по крайней мѣрѣ постарайтесь собрать для меня матеріалы, хотя я все-таки очень бы желалъ, чтобы мы подѣлили этотъ трудъ между собою — такимъ образомъ намъ бы удалось дать нѣчто такое, чему бы не безъ основанія могли дивиться и свои и чужіе. Prolegomena я приготовилъ начисто: изъ литературъ только еще чешскую и сербскую".

Шафарикъ, какъ видно изъ послѣднихъ строкъ, былъ того мнѣнія, что Колларъ могъ бы воспользоваться историко-литературнымъ обзоромъ словенской литературы какъ предисловіемъ къ изданію словенскихъ пѣсенъ. Сообщая, что̀ есть подъ руками у него самого, онъ просилъ дополненій изъ другихъ источниковъ. Онъ желалъ о

каждомъ писателѣ краткихъ біографическихъ свѣдѣній, а что касается ихъ литературныхъ трудовъ, то выражалъ желаніе, чтобы указанія дѣлались точныя и полныя, чтобы исторія литературы могла служить пособіемъ, имѣющимъ библіографическій интересъ: „Я понемногу занимаюсь всеславянской литературой. Но этотъ трудъ подвигается медленно. Если будетъ у васъ времени, охоты и силъ, помогите въ отдѣлѣ о Словакахъ. Я здѣсь могу черпать только изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) Таблицовы поезіи 4 д.; есть тутъ много біографій словенскихъ стихотворцевъ и писателей. 2) Annales ecclesiastici edente Ambrosio. Тамъ разсѣяны отрывки и кое-какая мелочь. 4) Сочиненіе Валашскаго и Бартоломаиди.

Если у васъ есть что-нибудь сверхъ этого, воспользуйтесь, или по крайней мѣрѣ сообщите, гдѣ чего искать. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы кромѣ именъ писателей и года рожденія и смерти было сообщено кое-что и изъ его жизни, положенія и т. д.; сочиненія чтобы были приведены сполна такъ, чтобы исторія литературы была вмѣстѣ и краткой библіографіей. Какая самая старшая на словенскомъ языкѣ въ Венгріи напечатанная книжка? Писали ли венгерскіе словаки что-нибудь до реформаціи?“

По мѣрѣ того какъ работа подвигалась, Шафарикъ обращался къ своему другу за справками относительно типографіи и шрифтовъ. Зная, что изданіе подобной книги не возьметъ на себя ни одинъ книгопродавецъ, онъ имѣлъ намѣреніе печатать на свой счетъ и выражалъ надежду, что трудъ оплатится, но чтобы не поднимать преждевременно шума, просилъ Коллара не разглашать о предполагавшемся изданіи: „Ну же, постарайтесь разузнать относительно моего будущаго сочиненія, можетъ ли оно быть напечатано у Тратнера на мой счетъ. Для этого нужно разнообразіе литеръ. Кирилловскія мы бы легко измѣнили въ латинскія, но чешская, польская, хорватская, далматско-словенская и пр. орѳографія должна быть сохранена. Въ Вѣну и Прагу не хочу ничего больше посылать — тамъ все погибнетъ — здѣсь пройдетъ легче. Издержекъ на это изданіе не приметъ на себя ни одинъ книготорговецъ или типографъ, но объ этомъ не стоитъ хлопотать, мы сами примемъ ихъ на себя; во всякомъ случаѣ, Богъ дастъ, трудъ оплатится. Впрочемъ, дорогой другъ, не разглашайте объ этомъ предпріятіи, чтобы не надѣлать шуму, какъ это со многими случалось — которые потомъ остались на бобахъ. Пусть дѣльце, когда будетъ готово, само себя оповѣститъ“. Письмо 13 іюня 1823 г. И дѣйствительно работа еще была далеко не окончена. Занятый новой сербской литературой, Шафарикъ собиралъ свѣдѣнія о новыхъ сербскихъ писателяхъ, что въ Новомъ Садѣ, гнѣздѣ сербства, было не трудно, но при школьныхъ занятіяхъ требовало много времени, поэтому онъ не переставалъ просить Коллара взять на себя словенскую библіографію. Предполагая печатать на свой счетъ, Шафарикъ заботился о краткости изложенія и указалъ по этому поводу на учебникъ Вахлера: Handbuch der Geschichte der Literatur, какъ на образецъ. А тѣмъ временемъ хотѣлъ помѣстить въ Крокѣ обзоръ сербской литературы и, получивъ сочиненіе Суровецкаго, передѣлывалъ отдѣлъ древнеславянскій. Обо всемъ этомъ онъ писалъ Коллару 28 іюня 1823 г.: „Снова прошу васъ усердно, чтобы со мной вступили въ союзъ и помогли при обработкѣ „словенской библіографіи

въ Венгріи". Я здѣсь еще ничего не сдѣлалъ. Въ настоящее время я окончилъ обзоръ исторіи языка и литературы русской. Библіографію еще не окончилъ, не имѣя Греча, котораго жду изъ Вѣны съ каждымъ днемъ; зато „Словарь историческій русскихъ писателей" Евгенія (изъ библіотеки архіепископской) мнѣ много помогъ. Теперь занимаюсь сербск. яз. и лит. У Мушицкаго есть все, но отъ него ничего нельзя достать. Иначе добрый человѣкъ и мой пріятель: но монахъ. Я заглянулъ у него въ его собраніе (вѣроятно, извѣстное библіографическое собраніе) и увидѣлъ, что Сербы съ 1741 г. (когда начали писать кое-что сверхъ церковныхъ книгъ) имѣли до сихъ поръ по крайней мѣрѣ 90 писателей (которыхъ имена имѣю) и по крайней мѣрѣ 362 книги, писанныя на половину по-сербски, на половину по-славянски. Эти книги я здѣсь, въ Н. С. легко спишу потому что здѣсь гнѣздо сербства — и многіе изъ горожанъ имѣютъ по экз. каждой сербской книги. Между тѣмъ эта работа требуетъ времени, котораго у меня при школьныхъ занятіяхъ мало. Поэтому весьма бы меня обязали, составивъ собраніе для библіографіи словенской. Вамъ извѣстно, чѣмъ я могу пользоваться здѣсь; вѣроятно и вы также все это имѣете, а въ такомъ случаѣ могли бы взять на себя всю работу. Г-нъ Янковичъ Вамъ бы легко открыть доступъ къ своему собранію. Мы могли бы эту въ большемъ объемѣ и съ бо́льшими подробностями напечатать на свой счетъ въ Пештѣ у Тратнера — у меня все будетъ сокращено — приблизительно такъ, какъ у Вахлера Handb. der liter. Cultur и моя работа такъ скоро въ печать не пойдетъ. Обзоръ серб. лит., обработанный, насколько можно обширно и полно, я пошлю въ Чехію быть можетъ, ему найдется мѣсто въ Крокѣ: обѣщалъ давно, но не могъ исполнить обѣщанія. Разсужденіе о древне-славянской литературѣ, получивъ сочиненіе Раковецкаго, принужденъ былъ передѣлать"[1]).

11 августа Шафарикъ писалъ, что не можетъ и думать о какомъ-либо путешествіи. Посвящая все свободное время своему труду, разсчитываетъ на участіе Коллара, которое высоко цѣнитъ: „постоянно собираю матеріалъ по исторіи славянскихъ литературъ. На Васъ, что касается нашего нарѣчія и чешско-словенскихъ писателей въ Венгріи, всецѣло полагаюсь. Помогите мнѣ. Написанное Вами приму съ благодарностію какъ свѣжій прекрасный цвѣтокъ въ увядшій вѣнокъ". Далѣе слѣдуютъ заботы, относящіяся къ печатанію: „Слѣдовало бы понемногу подумать о томъ, гдѣ и какъ печатать? Сочиненіе возросло до 24—30 печатныхъ листовъ въ большую осьмушку текста крупнымъ шрифтомъ и примѣчаній мелкаго шрифта. Кто возьметъ на себя расходъ? Разумно ли взять его на себя и опубликовать подписку? Если не иначе, то половину можно выпустить, но что отъ этого выиграемъ? Желалъ бы, чтобы книга печаталась въ Пештѣ: подъ Вашимъ наблюденіемъ она вышла бы совершеннѣе. Видите сколько затрудненій"[2]).

Интересно, что, какъ видно изъ оставшихся связокъ подготовительныхъ работъ, Шафарикъ хотѣлъ присоединить къ своей книгѣ и небольшую хрестоматію съ образ-

---

[1]) Č. Č. M. 1873 г., стр. 143—144.
[2]) Č. Č. M. 1873 г., стр. 145.

цами разныхъ славянскихъ нарѣчій, выбравъ для этой цѣли молитву „Отче нашъ“. Повидимому, у него была мысль дать образчики народнаго языка, если можно такъ заключать изъ словъ: „быть можетъ, помѣщу кое-что и изъ пѣсенъ, по крайней мѣрѣ на пробу“ [3]).

Вскорѣ однако болѣзнь заставила Шафарика прервать на половину готовую работу. Цѣлыя десять недѣль лежалъ онъ безъ движенія и только въ концѣ октября сталъ оправляться. Въ ноябрѣ болѣзнь повторилась, и только съ декабря онъ сталъ чувствовать себя здоровымъ, но нуждался въ отдыхѣ. Этотъ отдыхъ однако былъ непродолжителенъ. 21 января 1824 г. Шафарикъ уже выражалъ надежду, что если его здоровье окрѣпнетъ, его книга черезъ полгода, если не ранѣе, можетъ быть окончена, вновь пересмотрѣна и начисто переписана. Смущаясь тѣмъ, что она написана на нѣмецкомъ яз., Шафарикъ уже затруднялся помочь этому горю: „Одна переписка моей работы потребуетъ полгода, сколько же времени отниметъ переводъ“. Притомъ въ томъ видѣ, какъ она есть, ее переводить нельзя: „для чехословянъ (т.-е. для чеховъ и словаковъ) нужна была бы переработка. Поэтому я твердо рѣшилъ, если Богъ дастъ жизни, здоровья и силъ, со временемъ написать подобное сочиненіе для чехославянъ, которое по выслушаніи отзыва знающихъ друзей и послѣ новыхъ изслѣдованій можетъ быть только совершеннѣе“.

Отдѣлывая окончательно свою книгу, Шафарикъ даетъ интересную оцѣнку своимъ предшественникамъ. Стремясь къ полнотѣ, онъ все болѣе и болѣе убѣждался въ необходимости библіографическихъ пособій, которыя, исключая польское сочиненіе Бентковскаго, были неудовлетворительны. А только послѣ такихъ подготовительныхъ работъ можно было осуществить планъ всеславянской литературы Линде, пока приходилось ограничиваться общими очерками: „Опытъ Греча получилъ (Линде его поревелъ на пол. яз. и съ дополненіями издалъ въ Варшавѣ 1823). Исключая нѣкоторыя ошибки въ подробностяхъ, которыхъ трудно избѣгнуть въ подобныхъ книгахъ, это прекрасный трудъ. Жуковскій и Батюшковъ первенствуютъ на русскомъ Парнасѣ... Русскія газеты получаю отъ митрополита; онѣ для меня очень полезны. Изъ Польши получилъ бѣдный каталогъ, ничего не стоитъ. Потоцкій доходитъ до 1816 г. На этихъ дняхъ собираюсь писать Бандтке. О сербской литературѣ черпаю изъ источниковъ. Какъ видите, мое положеніе скорѣе благопріятно: въ томъ, что далеко отъ меня, имѣю руководителей, а здѣсь вижу самъ, въ какомъ положеніи дѣло. О сербской литературѣ могу сказать болѣе, чѣмъ иностранные литераторы. Я съ большимъ трудомъ приготовилъ каталогъ сербскихъ книгъ, бродя изъ дома въ домъ и все обшаривая. Со временемъ мы должны приготовить совершенную словенскую библіографію, какую полякамъ далъ Бентковскій. Въ этомъ и вы можете и должны помочь. Только когда будетъ полная библіографія на всѣхъ нарѣчіяхъ (пока есть только польская) — Гречъ и Евгеній не полны, Гречъ исключилъ научныя сочиненія, оставивъ искусство

---

[3]) Ib. стр. 146, въ томъ же письмѣ. Никакой христоматіи къ этой книгѣ присоединено не было. Только позднѣе въ Narodopis'ѣ были помѣщены народныя пѣсни, какъ образцы языка.

(поэзію и краснорѣчіе), но удержалъ исторію и филологію: это, говоритъ, есть словесность или литература, а тамъ все принадлежитъ къ исторіи культуры, а не литературы! какъ будто искусство также не принадлежитъ къ исторіи культуры? Добровскій полонъ до 1526, а потомъ? — только тогда Линде будетъ въ состояніи осуществить свою идею всеславянской литературы въ 10—12 томахъ. До тѣхъ поръ мы должны приходить на помощь краткими обзорами и, по возможности, приготовлять матеріалъ для этой великой цѣли".

Въ концѣ письма онъ предлагалъ Коллару цѣлый рядъ отдѣльныхъ вопросовъ: 1) Какъ слѣдуетъ передавать латинскимъ письмомъ русско-сербскія имена на ič? Польскія должно писать съ cz, чешскія съ č и т. д., но если мы перемѣнимъ кириллицу на латиницу, что тогда? Я думаю или польскимъ cz, или далматинскимъ ch. Сербскія правильнѣе передавать черезъ ch (нѣмецкое tsch нельзя оставить).

2. Какъ передать на письмѣ русское ж или чешское ž? Полякъ, словенецъ, хорватъ и т. д. не даютъ намъ права писать русскія и сербскія имена чрезъ ž. Шлёцерово sh мнѣ не нравится.

3. Сколько считается словаковъ въ Венгріи? Сколько евангеликовъ и сколько католиковъ? Сочиненій Чапловича у меня нѣтъ. Въ Сборникѣ свѣд. (мад. изд.) говорятъ все это есть. Словаковъ больше 1.758.000, и между ними евангеликовъ 466.000?

4. Сколько въ Венгріи русняковъ? Болѣе или менѣе 323.000?

5. Есть ли какая-нибудь разница между словинцами и хорватами за Дунаемъ? Румы пишетъ, что хорваты — потомки русскихъ, пришедшихъ съ Венграми, но что онъ знаетъ? Чапловичъ отдѣляетъ хорватовъ отъ словинцевъ.

6. Сколько этихъ словинцевъ въ Венгріи и сколько хорватовъ, если послѣдніе отличны отъ первыхъ? Сколько между ними евангеликовъ?

7. Вышла ли книжка Чапловича Miniaturgemählde von Ungern у Гартлебена? Мнѣ Г. писалъ въ прошломъ году, что въ сентябрѣ она выйдетъ.

8. Какая самая старая напечатанная въ Венгріи на словенскомъ языкѣ книга? Гдѣ была первая словенская типографія въ Венгріи?

9. Можемъ ли мы что-нибудь узнать о словенскомъ Новомъ Завѣтѣ въ Пресбургѣ? Стоитъ ли о томъ писать Палковичу? Думаю, не стоитъ, скорѣе кому-нибудь другому, быть можетъ Бильничу".

Въ письмѣ 2 марта 1824 года Шафарикъ выражалъ удовольствіе по поводу того, что типографія Буда-Пештскаго университета снабжена чешскимъ шрифтомъ: „это будетъ мнѣ весьма кстати, если моя книга будетъ напечатана въ этой типографіи". 18 августа 1824 года была переписана еще только третья часть книги. Разсчитывая окончить переписку во время школьныхъ вакацій, Шафарикъ утѣшалъ себя тѣмъ, что отъ этого замедленія дѣло не страдаетъ: „Я получилъ „Кирилла и Меѳодія" и воспользовался этой книгой; можетъ быть, придутъ и другія, которыми я буду въ состояніи воспользоваться". Намѣренія его однако не оправдались: вакація ушла на отдыхъ, исторія литературы была на время отложена: „Переписалъ только одну треть — письмо 18 октября — остающіяся двѣ трети слѣдуетъ, насколько можно, переработать. Работы хватитъ еще на зиму, если только не останется лежать на-

вѣки! Какъ сонъ, улетучиваются наши надежды". Окончаніе книги замедлялось тѣмъ, что Шафарикъ не ограничивался простой перепиской приготовленнаго матеріала, но подвергалъ его переработкѣ. „Сочиненіе Прохазки, продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ, верну вамъ, только послѣ того какъ его прочту и изъ него выпишу все, что важно для моей задачи. Добровскаго наконецъ досталъ, не отдалъ бы его и за 300.000 венгерскихъ конюховъ (čikoš). Въ началѣ 1825 г. трудъ былъ доведенъ до конца: „Три дня тому назадъ — писалъ Шафарикъ 27 февраля — я наконецъ приготовилъ рукопись и переписалъ начисто. Многіе части передѣлалъ вновь. Теперь дышу свободнѣе! О если бы этотъ плодъ — зрѣлый или незрѣлый, не знаю — могъ быть напечатанъ". По полученіи этого письма Шафарикъ просилъ Коллара тотчасъ сообщить ему, въ Пештѣ ли онъ, чтобы тотчасъ же можно было переслать рукопись, иначе хотѣлъ обратиться къ Гамуляку; а когда рукопись будетъ дозволена цензурой, самъ думалъ пріѣхать въ Пештъ для того, чтобы дать нужный порядокъ печатанію и корректурѣ". Рукопись была послана черезъ Янковича. Шафарикъ чувствовалъ удовольствіе, что рѣшилъ удовлетвориться написаннымъ сочиненіемъ и просилъ своего друга позаботиться только о томъ, чтобы оно не попало въ руки какого-нибудь завзятаго мадьяра.

„Пользуясь удобнымъ случаемъ чрезъ посредство г. Янковича, писалъ онъ 3 марта 1825 года, я не хотѣлъ и не могъ откладывать долѣе съ отправленіемъ рукописи. Только бы съ нею раздѣлаться! Повѣрьте, если бы я еще разъ сталъ читать ее, у меня легко могло бы явиться желаніе вновь ее передѣлать — и такъ бы мы никогда не дождались конца. Что не договорилъ я, пусть скажутъ другіе.

„Постарайтесь пожалуйста о цензурѣ и сообщите мнѣ о всемъ какъ можно скорѣе. Не думаю, чтобы въ книгѣ находилось что-либо противное цензурѣ. Берегитесь только, чтобы рукопись не попала въ руки какого-нибудь отъявленнаго мадьяра. Тогда дѣйствительно ей было бы суждено погибнуть.

„Что я писалъ, писалъ хорошо обдумавши. Въ именахъ ошибокъ не будетъ. Но и другія мѣста я сравнивалъ съ оригиналами". Далѣе слѣдуетъ рядъ наставленій, какъ должны вести дѣло наборщикъ и корректоръ.

Къ печатанію однако тотчасъ приступить не пришлось, благодаря тому, что братъ Шафарика, на помощь котораго онъ разсчитывалъ, пострадалъ отъ поджога принадлежавшей ему мельницы, купленной за 1500 флор., и только послѣ продажи шерсти въ Пештѣ могъ ему помочь. А безъ залога нельзя было ни приступить къ печатанію, ни объявить предварительную подписку[1]). Только 12 мая 1825 г. Шафарикъ могъ послать Гамуляку 300 фл. и просилъ своихъ друзей поспѣшить началомъ печатанія. „Ну теперь постарайтесь вмѣстѣ о томъ, чтобы типографія начала печатаніе. Очень жалѣю, что дѣло до сихъ поръ не могло подвинуться, иначе не могло и быть. — Какъ только будетъ готовъ первый листъ, пошлите его, пожалуйста, мнѣ по почтѣ. Объявленіе о подпискѣ, равнымъ образомъ предисловіе и заглавный листъ пошлю

---

[1]) Письмо 21 апр. 1825 г. Č. Č. M. 1873, стр. 499. Ср. письмо 19 мая ib. стр. 401.

въ скоромъ времени, какъ только узнаю, что сочиненіе дѣйствительно печатается". Въ письмѣ 25 мая Шафарикъ безпокоился, отчего не получаетъ никакихъ извѣстій о печатаніи книги и ни одного листа набора, просилъ, чтобы особенно не хлопотали о глаголическомъ алфавитѣ: „относительно глаголитики не нужно лишнихъ приготовленій. Пусть вырѣжутъ буквы. 40 знаковъ вѣроятно не будутъ стоить дорого".

Печатаніе не могло однако подвигаться особенно быстро, вѣроятно, потому, что Шафарикъ продолжалъ въ корректурѣ дѣлать исправленія. „Печатаніе моего сочиненія идетъ впередъ слишкомъ медленно. Можетъ ли и быть иначе, я по правдѣ сказать не знаю. Очень бы желалъ, чтобы и далѣе корректура посылалась мнѣ сюда для пересмотра: по многимъ причинамъ. Во всякомъ случаѣ отъ замедленія печатанія большой потери не будетъ". (18 авг. 1825 г.) Что у Шафарика была мысль кое-гдѣ дѣлать исправленіе рукописи при печатаніи, объ этомъ онъ писалъ Коллару въ письмѣ отъ 19 мая того же года. „Не знаю, по какой причинѣ Юнгманъ ничего не пишетъ... Его исторія литературы уже должна бы быть готова. Если бы мы ее во-время получили, можно было бы еще тамъ и сямъ въ корректурѣ что-нибудь сравнить, а можетъ быть и исправить". Вскорѣ Шафарикъ получилъ сочиненіе Юнгмана: „Два мѣсяца тому назадъ, пишетъ онъ 11-го октября, я получилъ отъ Юнгмана 20 листовъ его исторіи чешской литературы, гдѣ изложеніе доведено до 1620 г. Будетъ у насъ полный реестръ чешскихъ книгъ — жаль только, что нѣтъ никакихъ біографическихъ данныхъ о писателяхъ — ни дня рожденія, ни дня смерти. Я писалъ объ этомъ самому Юнгману и очень жаловался. Онъ долженъ былъ и могъ это сдѣлать — а то мы опять должны рыться въ старыхъ многотомныхъ неславянскихъ сочиненіяхъ, чтобы узнать, кто былъ Велеславинъ, когда и гдѣ жилъ — у Юнгмана въ его сочиненіи ничего такого не найдете. Жаль, что онъ не послѣдовалъ примѣру Бентковскаго и другихъ, которые образцово соединили библіографію съ исторіей литературы. До сихъ поръ только одни поляки имѣютъ и будутъ имѣть исторію своей литературы, какъ слѣдуетъ".

По мѣрѣ того какъ печатаніе, подвигалось Шафарика озабочивала мысль о расплатѣ съ типографіей: „Я хлопочу не о распродажѣ, а о томъ лишь, чтобы вернуть затраченныя деньги. Когда печатаніе окупится, пусть продается хоть въ 50 лѣтъ. Теперь нужны деньги, безъ денегъ ничего не подѣлаешь, безъ нихъ, какъ знаете, типографія не выдастъ ни экземпляра. Если бы подписка шла, какъ слѣдуетъ, были бы деньги; но я долженъ пожаловаться, со многихъ сторонъ меня обманываютъ". Одни были неаккуратны въ уплатѣ подписныхъ денегъ, какъ напр. Вукъ Караджичъ и Магаращевичъ, другіе ссылались на трудность собирать подписку, напр. Бенедикти[1]).

Предисловіе было готово, оставалось только его процензуровать, и Шафарикъ составлялъ реестръ подписчиковъ. Нѣкоторые изъ книгопродавцевъ, предлагая взять печатавшуюся книгу на комиссію, требовали большой скидки, напр. Гартлебенъ 40%. Интересно, что подписка усердно шла въ Хорватіи, гдѣ уже было 100 подписчи-

[1]) Письмо 9 янв. 1826 г. Č. Č. M. 1874 г., стр. 55.

ковъ, сверхъ которыхъ Мушицкій обѣщалъ собрать еще 50, между тѣмъ какъ въ Пресбургѣ проф. Шулекъ собралъ всего только 7 [1]). Въ слѣдующемъ письмѣ 2 февраля 1826 г. Шафарикъ могъ сообщить еще болѣе точныя свѣдѣнія: Мушицкій собралъ 137 подписчиковъ, въ Карловцахъ (верхнихъ) было ихъ 35. Въ Чехіи подписка шла туго: „Изъ письма пріятеля Гамуляка вижу, что изъ Чехіи подписныя деньги до сихъ поръ не получены. Юнгманъ еще въ ноябрѣ писалъ мнѣ, что у Крауса и Ендерса есть нѣсколько подписчиковъ. У Крауса онъ самъ подписался на 5 экз. Не знаю, гдѣ все это застряло, нужда велика“ [2]). Такое отношеніе чеховъ огорчало Шафарика. „Въ Чехіи, писалъ онъ 20 февр. 1826 г., у меня такъ мало подписчиковъ! Въ двухъ отношеніяхъ мнѣ это тяжело: съ одной стороны — потому, что я не могу разсчитывать на ту помощь, которой отъ нихъ ожидалъ, съ другой — потому, что это признакъ слабой славянской отзывчивости чеховъ“. Далѣе слѣдуютъ жалобы на большіе расходы по печатанію книги. Опасаясь убытка даже въ томъ случаѣ, если бы разошлись всѣ экземпляры изданія, Шафарикъ просилъ напомнить Гамуляку, чтобы онъ старался печатать какъ можно экономнѣе. Посылая корректуру предисловія и списка подписчиковъ, Шафарикъ боялся, чтобы Гамулякъ не напечаталъ того и другого, не дожидаясь корректуры: ему хотѣлось кое-что исправить и въ текстѣ предисловія, и въ спискѣ подписчиковъ, гдѣ были ошибки въ именахъ и нѣкоторые пропуски, особенно при именахъ офицеровъ хорватовъ, или по собственной винѣ или по винѣ наборщика [3]).

Книга наконецъ вышла и была встрѣчена съ сочувствіемъ: „Копитаръ мнѣ писалъ и хвалилъ книгу до небесъ, такъ что я опасаюсь, какъ бы эта похвала скоро не испарилась. Совѣтуетъ послать нѣсколько экземпляровъ въ Лейпцигъ, отъ 200 до 300, не дешевле 2 талеровъ за экз.[4]“). Чтобы не имѣть дѣла съ большимъ числомъ книгопродавцевъ и не обременять своихъ друзей, у которыхъ были сложены книги, Шафарикъ предпочиталъ сдать ихъ всѣ въ одно мѣсто — Ландесу въ Пресбургѣ. Но узнавъ отъ этой фирмы, что вѣнскіе книгопродавцы требовали 50% скидки, онъ считалъ это несправедливымъ и предпочиталъ держать книги у себя.

Между тѣмъ книга Шафарика встрѣчала сочувственное отношеніе и въ широкой публикѣ. Одинъ полякъ Огончикъ писалъ Шафарику отъ имени сорока двухъ земляковъ. „Не могу вамъ выразить, пишетъ Шафарикъ Коллару, какъ былъ я радъ этому письму. Между прочимъ меня тронуло извѣстіе о томъ, какъ двѣ сотни поляковъ въ Вѣнѣ похоронили своими руками Оссолинскаго и омочили его гробъ слезами“. Кеппенъ просилъ прислать въ Петербургъ 40 экз. книги въ письмѣ отъ

---

[1]) Письмо 27 января 1826 г. Č. Č. M. 1874 г., стр. 58.

[2]) И дѣйствительно, изъ напечатаннаго списка видно, что подписчиковъ въ Прагѣ было всего только 10 человѣкъ, между которыми Добровскій подписался на 2 экземпл., Юнгманъ на 5 экз. и Краусъ (книгопродавецъ) на 3 экз. Притомъ между ними, если исключить старѣйшаго Добровскаго, всѣ остальные были пріятели Шафарика.

[3]) Письмо 9 марта 1826 г. Č. Č. M. 1874 г., стр. 71.

[4]) Письмо 21 апр. 1826 г. Č. Č. M. 1874 г., стр. 75.

13 апр. 1826 г.[1]). Сообщая Шафарику о готовящихся въ Россіи новыхъ планахъ обученія и связанномъ съ ними усиленіи славянщины, онъ считалъ появленіе сочиненія Шафарика какъ нельзя болѣе своевременнымъ[2]). Англичанинъ Боурингъ, извѣстный переводчикъ съ славянскихъ языковъ на англійскій, писалъ Шафарику изъ Лондона, что Исторія слав. литературъ доставила ему большое удовольствіе[3]). Съ книгой знакомились и мадьяры: „Баронъ Foggau, зять покойнаго Брунцвика, пригласивъ меня на этихъ дняхъ въ Футтакъ, выражался съ большой похвалой о моей „Исторіи слав. литературъ", которую-де онъ высоко цѣнитъ. Ему-де понравилось, что я осмѣлился сказать правду. Ему противна мадьяроманія. Изъ мадьярской академіи, по его мнѣнію, ничего не выйдетъ[4]). Если такъ смотрѣлъ на книгу мадьяръ, то еще болѣе долженъ былъ дорожить ею омадьяренный словакъ, въ которомъ чтеніе „Исторіи слав. лит." пробудило славянское чувство: „Macskasi, преподаватель въ Винковцахъ, сынъ слав. родителей, но омадьяренный Кишемъ, бывъ у меня, сто разъ благодарилъ меня за то, что я исцѣлилъ его отъ мадьяроманіи. Трудится всячески вознаградить то, въ чемъ такъ замедлилъ. О своей литературной дѣятельности на мадьярскомъ языкѣ не хочетъ слышать ни слова"[5]). И такой случай не былъ единичнымъ: similes fructus — possem enim plura commemorare — mei laboris mihi summo sunt solatio. Утѣшеніе было вполнѣ заслуженное.

Въ сочиненіи, которое касалось всѣхъ славянъ, могли оказаться мѣста и пункты, вызывавшіе несогласіе съ авторомъ. „Юнгманъ — пишетъ Шафарикъ Коллару 6-го августа 1826 г. — жалуется на меня въ письмѣ за то, что я въ исторіи литературы отдѣлилъ словаковъ отъ чеховъ". Этотъ вопросъ былъ тѣсно связанъ съ другимъ вопросомъ объ относительномъ благозвучіи славянскихъ нарѣчій. Какъ часто бываетъ, ревнивыя чувства возникли въ средѣ ближайшихъ родственныхъ семей. Такъ напр., чехи считали свой языкъ гораздо болѣе благозвучнымъ въ сравненіи съ словенскимъ. Помимо Юнгмана еще двое вѣнскихъ чеховъ, Дртина и Долежалекъ, писали Шафарику приблизительно въ такихъ словахъ: „Эти словакизмы въ Читанкѣ намъ невыносимы, гораздо невыносимѣе нашихъ германизмовъ". Вообще они того мнѣнія, что нѣтъ ничего выше благозвучія чешскаго языка". Ни той ни другой жалобы Шафарикъ не считалъ удовлетворительной. Въ письмѣ 18 мая 1827 года онъ съ горяч-

---

[1]) Письмо 21 мая 1826 г. Č. Č. M. 1874 г., стр. 76.

[2]) Нужно замѣтить, что подписчиками на книгу изъ русскихъ были только 2: Гречъ и Кеппенъ.

[3]) Письмо 13 дек. 1826 г. Č. Č. M. 1874 г., стр. 89. Въ томъ же письмѣ, стр. 89. Боурингъ успѣлъ къ этому времени выпустить русскую и польскую антологіи, а затѣмъ началъ переводить приводившія англичанъ въ восторгъ сербскія пѣсни. Шафарикъ совѣтовалъ ему перевести что-нибудь изъ чешскаго, напр. Краледворскую рукопись, изъ далматинскихъ поэтовъ — Минчетича, Гундулича и др. Вступивъ въ литературныя сношенія съ Шафарикомъ, онъ обѣщалъ ему свои услуги въ Англіи и Шафарикъ надѣялся отъ него получить нѣкоторыя англійскія книги. Между англичанами былъ только одинъ подписчикъ на книгу изъ Ярмута — Mr. M. Mayers.

[4]) Письмо 11 сент. 1828 г. Č. Č. M. 1875 г., стр. 147.

[5]) Въ томъ же письмѣ. Между подписчиками изъ этого города не было этого имени

ностію опровергалъ на его взглядъ несправедливыя притязанія чеховъ. „Если будетъ когда-нибудь новое изданіе моей исторіи литературы, сдѣлаю, что могу, чтобы успокоить всѣ стороны, но сомнѣваюсь, чтобы всѣхъ могъ удовлетворить. Чехи недовольны, что я не присудилъ ихъ нарѣчію первенства въ благозвучіи. Но скажите ради Бога, возможно ли это? Я долженъ былъ бы сойти съ ума, если бы это сдѣлалъ. Пока живъ, я во всякомъ случаѣ всегда останусь вѣрнымъ своему убѣжденію, со временемъ выскажусь еще смѣлѣе. Что за удовольствіе намъ самимъ себя обманывать? Чехъ, какъ я вижу, совершенно неспособенъ судить о звукахъ своего нарѣчія — ему сербское нарѣчіе кажется лѣнивымъ и какимъ-то грубымъ, изъ-за частаго употребленія *а* и *о*. Это, господа, не такъ. Обманываетъ васъ грамматика, этимологія и т. д. извращаетъ эстетическое чувство. Возьмите итальянца, или кого-нибудь, кто не понимаетъ ни слова въ нашихъ нарѣчіяхъ, и пусть каждый читаетъ ему на своемъ языкѣ. Каждый на своемъ, а не чехъ по-сербски или полякъ по-словенски. Чувство красоты однихъ лишь звуковъ не должно быть смѣшиваемо съ сужденіемъ о грамматическомъ, этимологическомъ и иномъ какомъ-либо совершенствѣ. Это вещи различныя. Нельзя всѣмъ имѣть все. Чехи ссылаются на свою народную рѣчь и оперу, считая ихъ благозвучными: можетъ быть, но мнѣ по крайней мѣрѣ непонятно, какимъ образомъ напр. dští mstem и др. слова, какія встрѣчаются въ чешскихъ операхъ, могутъ пріятно звучать въустахъ чешской пѣвицы. Такъ какъ чехи просто не желаютъ признать господствующую въ ихъ сочиненіяхъ шероховатость ихъ рѣчи, то нельзя надѣяться на улучшеніе. Имъ нравится ихъ благозвучіе“ [1].

Переходя къ другому обвиненію, онъ продолжалъ: „Жалоба на отдѣленіе словенскаго нарѣчія отъ чешскаго неосновательна! Въ этомъ я не могу уступить“. Слогъ чешскихъ литературыхъ произведеній далеко не удовлетворялъ его: „Нынѣшній слогъ чешскихъ писателей никогда не можетъ стать народнымъ слогомъ нашихъ словаковъ. Насколько я понимаю, это какое-то безобразіе, въ концѣ концовъ ни чешское, ни словенское. Пока наши словаки не создадутъ согласный духу своего нарѣчія литературный слогъ, допустимъ, хотя бы на основѣ чешской грамматики, до тѣхъ поръ у насъ не будетъ народной литературы, а у народа не будетъ охоты къ чтенію. Мы, писатели, будемъ только брамины между нашимъ народомъ, какими мы были до сихъ поръ, а нашъ слогъ и книжный языкъ будутъ ему такъ же понятны, какъ санскритъ или древлеславянскій“ [2]). Такой живой обмѣнъ мыслей всюду вызывала книга Шафарика.

Она не могла остаться незамѣченной и ученой критикой. Еще въ письмѣ 11 октября 1826 г. Шафарикъ сообщилъ Коллару, что въ Вѣнскомъ Ежегодникѣ за 1827 г. появится, по словамъ Копитара, рецензія на исторію славянскихъ литературъ Добровскаго: „пишетъ, что будетъ снисходительная и благосклонная“ [3]). Когда она дѣйствительно появилась, Копитаръ извѣщалъ Шафарика латинской фра-

---

[1]) Č. Č. M. 1874, стр. 285—286.

[2]) Все тамъ же.

[3]) Č. Č. M. 1874 г., стр. 88.

зой: recensuit te et Jungmannum cum severa benevolentia patriarcha[1]). Интересно поэтому, какъ отнесся къ автору самъ рецензентъ, не подписавшій подъ своей статьей своего имени. Ссылаясь на то, что авторъ выражалъ въ предисловіи къ книгѣ желаніе, чтобы авторитетный знатокъ дѣла явился и критикомъ его книги и одушевленный любовію къ своей народности не поставилъ себѣ въ трудъ пересмотрѣть ее листъ за листомъ и исправить допущенныя въ ней фактическія ошибки въ журнальной статьѣ, Добровскій далъ такой отзывъ о сочиненіи Шафарика: „Исполняя это желаніе, рецензентъ предпринялъ не очень пріятное занятіе, но долженъ напередъ признаться, что, несмотря на нѣкоторые замѣченные имъ недостатки и ошибки, предлагаемое авторомъ сочиненіе для начинающаго интересоваться славянской литературой всѣхъ нарѣчій составлено вполнѣ цѣлесообразно и можетъ быть очень полезно“[2]).

Едва ли поэтому справедливо мнѣніе, высказанное Собѣстіанскимъ, что „исторія слав. литературъ вскорѣ послѣ опубликованія подверглась сильному порицанію со стороны Добровскаго. Прочитавъ трудъ Шафарика, патріархъ слав. науки такъ выразился объ авторѣ: „Шафарикъ — жалкій компиляторъ и фразеръ“[3]). Не слѣдуетъ забывать, что въ дружеской перепискѣ всегда могутъ быть допущены болѣе рѣзкія выраженія, чѣмъ въ печатной статьѣ. Въ послѣдней Добровскій отмѣтилъ компилятивный характеръ книги мягко: „Источники, которыми пользуется авторъ, всюду, гдѣ это слѣдовало, точно отмѣчены, онъ даже признается, что подходившее къ его плану заимствовано имъ дословно“[4]). Патріархъ славянской филологіи не забывалъ, что онъ имѣетъ дѣло съ начинающимъ авторомъ, который и самъ смотритъ на свою книгу, какъ на недостаточный опытъ. Долго трудившійся почти во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ славяновѣдѣнія, онъ имѣлъ установившійся взглядъ на многіе изъ нихъ и уже потому спокойно и авторитетно отмѣчалъ всѣ сомнительныя и недоказанныя положенія Шафарика, по мѣстамъ патріотическія преувеличенія и фактическія ошибки его труда — однимъ словомъ явился несомнѣнно самымъ компетентнымъ цѣнителемъ его труда. Поэтому однимъ предубѣжденіемъ, навѣяннымъ слухами о статьѣ Добровскаго, можно объяснять вырвавшіяся въ раздраженіи и опять-таки въ частномъ письмѣ слова Шафарика: „вздора Добровскаго еще не читалъ и не спѣшу читать. Достаточно времени, пока приготовлю новое изданіе. Я впрочемъ ни съ кѣмъ на этомъ свѣтѣ ни въ какой споръ и распрю не пущусь. Исправленіе

---

[1]) Č. Č. M. 1874, стр. 281. Письмо 8 февр. 1827 г.

[2]) Jahrb. der Literatur 37 B. 1827, S. 2.

[3]) Ученія о націон. особенностяхъ характера и юридич. быта древнихъ славянъ. Харьковъ, 1892 стр. 45.

[4]) Jahrb. 37 B. S. 1. Поэтому можно сомнѣваться, чтобы строгій приговоръ Добровскаго вызванъ былъ главнымъ образомъ V главой книги, если только думать, что Добровскій сличилъ эту главу съ проповѣдями Коллара. Мы скорѣе думаемъ, что онъ этого не сдѣлалъ, иначе онъ не выражался бы на стр. 6: *Seine* Schilderung der Slawen (т.-е. Шафарика).

ошибокъ приму съ благодарностію — моя книга не евангеліе и не можетъ въ ней быть все непреложной истиной“[1]).

Рецензія Добровскаго и заключала въ себѣ цѣлый рядъ подобныхъ поправокъ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Добровскій не считалъ возможнымъ подъ сарматами у писателей VI и VII вв. разумѣть славянъ. Шафарикъ только много позднѣе въ Слав. Древностяхъ сталъ на точку зрѣнія Добровскаго, съ особенною обстоятельностію подтвердивъ мнѣніе о неславянскомъ, а именно иранскомъ происхожденіи этого народа. Точно такъ же Добровскій съ полнымъ основаніемъ сомнѣвался въ славянскомъ происхожденіи Юстиніана[2]). Въ отдѣлѣ, посвященномъ исторіи Польши, Добровскій отмѣтилъ одну крупную ошибку: „Г-нъ Ш. не могъ бы поставить во главѣ древнѣйшихъ польскихъ лѣтописей хронику Прокоша, явную поддѣлку, если бы онъ бросилъ лишь бѣглый взоръ на перечень польскихъ государей до Р. Хр., которые тамъ перечислены. Должно быть рецензія на эту книгу въ 32 т. Jahrb. попала ему въ руки слишкомъ поздно“. Многія поправки имѣли характеръ дополненій, напр. „непростительно, что библіотека національнаго музея въ Пештѣ, которую принесъ въ даръ государству великій меценатъ графъ Сечени, совсѣмъ не упомянута“ (стр. 7), библейское общество въ Петербургѣ дѣйствительно не издавало болгарскаго перевода Новаго Завѣта, указанія на Abagar болгарскаго епископа Филиппа Станиславова нѣтъ у Шафарика (стр. 13), „литература хорватовъ не была бы такъ бѣдна, если бы авторъ воспользовался сочиненіемъ Ѳомы Миклушича Izbor dugovanych (Agram 1821): въ ней во второй части есть указатель древнихъ и новыхъ хорватскихъ писателей, а въ IV небольшое собраніе хорватскихъ пословицъ“.

Съ рѣшительностію выступилъ Добровскій противъ древне-чешскихъ стихотвореній „То, что о чешской народной поэзіи, которая нигдѣ не была столь распространена какъ у славянъ, читаемъ на стр. 303, можетъ быть принято какъ истина только съ извѣстными ограниченіями. Напрасно указываютъ на измышленное описаніе языческихъ герцоговъ у Гайка, напрасно указываютъ на четыре грязные пергаменные листка, которые неизвѣстный въ Прагѣ бросилъ въ ящикъ для писемъ и присоединилъ нѣ-

---

[1]) Č. Č. M. 1874 г. стр. 289—290, письмо 30-го мая 1827 г.

[2]) «Теорія о славянахъ на Балканскомъ полуостровѣ, говоритъ К. Иречекъ, нынѣ въ ученомъ мірѣ совершенно оставлена, благодаря основательному изученію римской эпохи, єракійцевъ и иллировъ и многочисленнымъ находкамъ надписей. Вторженія славянъ черезъ Дунай упоминаются только съ 526 г., а поселеніе ихъ послѣ 602 г. Главной опорой этой теоріи была догадка, что имп. Юстиніанъ I былъ славянинъ и назывался Управда. Взглядъ этотъ основывался не только на фантастической хроникѣ дубровчанина Лукарича (1605), но главнымъ образомъ на какой-то рукописи, которую въ 1624 г. читалъ Алемани и которая съ тѣхъ поръ изчезла. Имя Управды упоминалось у Гиббона, Гопфа, Ранка, я въ исторіи болгаръ привелъ это имя, но въ 1877 г. въ сочиненіи Heerstrasse von Belgrad nach Konstantinopel оставилъ его. Рукопись Алемани въ Барберинской библіотекѣ въ Римѣ нашелъ Брайсъ; оказалось, что Vita Justiniani далматинская фантазія изъ эпохи около 1600 г.» Иреч. 10, 883. При этомъ онъ отдаетъ честь критичности Добровскаго.

римскій основной законъ количества согласуется съ духомъ славянскаго языка, этого сколько глупыхъ строкъ, пока въ ихъ подлинности съ основаніемъ можно сомнѣваться. Г-нъ Ш. указываетъ на архивъ Гормайера, въ которомъ сдѣланы возраженія противъ объясненія Добровскаго В. С. Но почему онъ не отослалъ читателя къ рецензіи на сочиненіе Раковецкаго въ 27 т. Вѣнскаго Ежегодника? Если бы г-нъ Ш. съ нѣкоторымъ размышленіемъ прочелъ стр. 99—114, то можно надѣяться, онъ, не видѣвшій отрывка, не отвергалъ бы такъ презрительно сужденіе знающаго человѣка, который имѣлъ случай подвергнуть поддѣлку подробному обслѣдованію, какъ это съ нимъ случилось на стр. 304. Горестная пѣснь влюбленнаго на берегу Молдавы также найдена была подложной послѣ болѣе внимательнаго изслѣдованія. Противъ епически-лирическихъ пѣсенъ краледворской рукописи нельзя ничего возразить, хотя невѣроятно, что двѣ изъ нихъ, названныя на стр. 304, относятся къ IX столѣтію. До нѣмецкихъ миннезенгеровъ, по подражанію которымъ явились и чешскіе, ни о какомъ подобномъ стихотвореніи нельзя и думать. Что въ пѣсняхъ краледворской рукописи часто упоминается другой пѣвецъ, референтъ по необходимости въ этомъ сомнѣвается, если не считать частымъ двукратное упоминаніе. Король Вячеславъ I (1230—1250) прославляется какъ поэтъ. Его любовныя пѣсни находятся въ сборникѣ Манессевомъ[1]). Чешскій переводъ одной изъ нихъ найденъ въ современномъ отрывкѣ. Изъ сравненія перевода съ нѣмецкимъ оригиналомъ ясно, что переводчикъ не достигъ тонкости въ оборотахъ, которыми отличается оригиналъ, не умѣлъ перевести нѣкоторыя мѣста, не нашелъ никакого выраженія для слова lose, а потому исказилъ его въ luzne. Несмотря на это авторъ считаетъ чешскій переводъ оригиналомъ и думаетъ, что чешское стихотвореніе кѣмъ-нибудь изъ странствующихъ миннезенгеровъ переведено было на нѣмецкій яз. изъ любви къ королю Вячеславу. Какъ это невѣроятно! Такъ точно и Завиша Розенбергъ, какъ съ основаніемъ можно думать, сочинялъ нѣмецкія пѣсни, но и эти пѣсни безспорно должны были стать чешскими".

Въ этомъ вопросѣ, нужно замѣтить, столкнулись два противоположныя направленія, представителями которыхъ были съ одной стороны Добровскій и съ другой Шафарикъ. Возраженія Добровскаго не убѣдили Шафарика, и онъ такъ и остался до конца жизни вѣренъ своему взгляду на древне-чешскую народную поэзію. Послѣ того выросла громадная литература по этому предмету. И должно признаться, что только успѣхи въ изученіи древне-чешскаго языка дали перевѣсъ и быть можетъ окончательное торжество скептическому направленію Добровскаго.

Другой вопросъ, въ которомъ расходились Шафарикъ и Добровскій, былъ вопросъ о просодіи въ славянскихъ языкахъ. Стоявшій за тоническое стихосложеніе въ чешскомъ яз. Добровскій отмѣтилъ вездѣ свое несогласіе съ авторомъ исторіи литературъ, находившимъ, что слав. языкамъ свойственно метрическое стихосложеніе древнихъ грековъ и римлянъ: „вновь повторяемыя мнѣнія автора о принципѣ ударенія стр. 359 заслуживали бы обстоятельнаго возраженія въ особомъ сочиненіи. Что греко-

[1]) Manessische Sammlung, Zürich 1748 ср. Gedichte aus Böhmens Vorzeit. Prag. 1845.

совершенно нельзя признать. Коменскій и Роза, которые согласно латинской просодіи скандировали, не обращая вниманія на удареніе, скорѣе отталкиваютъ отъ подражанія имъ, а новыя попытки подражать классическому размѣру слишкомъ незначительны, чтобы въ будущемъ могли привлечь на свою сторону многихъ послѣдователей". Точно такъ же и въ отдѣлѣ польскаго яз. и литературы: „На отсутствіе просодіи, основанной на количествѣ слоговъ и примѣнимости въ поэзіи классическихъ размѣровъ, авторъ опять жалуется. Онъ думаетъ, что въ томъ виноватъ не польскій яз., а въ теченіе цѣлаго столѣтія чуждое вліяніе, идущее главнымъ образомъ изъ непросодическихъ Германіи и Франціи, и невосприимчивость народныхъ поэтовъ къ полнотѣ, силѣ и гармоніи греческаго полета стиха. На это референтъ ограничится только тѣмъ возраженіемъ, что польскіе поэты цѣлыя столѣтія задолго до всякаго чуждаго вліянія могли чувствовать, что удареніе ихъ языка противорѣчитъ греческому метру". Такъ же точно и выше въ главѣ о русскомъ яз.: „по незнакомству съ духомъ славянскихъ языковъ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Востоковъ, Смотрицкій пытался перенести въ церк.-слав. яз. греческую просодію. Его неудачные опыты не нашли и не могли найти подражателей. Даже тѣ, кто писалъ на рус. яз. гексаметромъ, принимали удареніе за основаніе количества, при чемъ ударяемый слогъ считался долгимъ, неударяемый краткимъ. На стр. 178 г-нъ Ш. насмѣшливо называетъ это грубой нѣмецкой Tonkürass. Онъ думаетъ, что Смотрицкій стоялъ на правильномъ пути, когда въ основу стихосложенія клалъ естественную долготу слога, а не чуждое ему удареніе. Какъ удареніе должно быть чуждо слав. яз., а не должно быть такъ же естественно, какъ естественна долгота гласной? Развѣ одни нѣмцы основываютъ свою просодію на удареніи, а не также ли напр. итальянцы, и всѣ націи въ свѣтѣ? Если бы авторъ глубже проникъ въ существо греческой и латинской просодіи, то онъ нашелъ бы, что и она главнымъ образомъ основана на удареніи. Только нельзя думать, чтобы теперешнее удареніе въ греч. яз. было таково же и во времена Гомера. Но нашъ авторъ такъ увлеченъ своей излюбленной идеей или капризомъ о примѣнимости древне-классическаго размѣра слав. языку, что могъ написать такъ заносчиво и рѣшительно: „если русскіе грамматики и поэты въ ученіи о русскомъ стихосложеніи не пришли къ болѣе яснымъ понятіямъ, чѣмъ гг. Добровскій, Пухмайеръ и Неѣдлый въ ученіи о чешскомъ, то плохо нашимъ стихамъ и ушамъ. Да, конечно плохо, если только вздумали бы насильственно навязывать греческій и латинскій метръ слав. языку, не обращая вниманіе на природное удареніе, какъ это предписываетъ предложенная какимъ-то безыменнымъ словакомъ чешская просодія (Presburg 1818). Чехи однако не нуждаются въ ясныхъ понятіяхъ изъ Пресбурга или Новаго Сада, чтобы ввести для своего языка просодію, которая соотвѣтствовала бы индійской.

Но ни разногласіе въ нѣкоторыхъ вопросахъ, ни ошибки фактическаго характера, допущенныя авторомъ, какъ уже мы видѣли, не помѣшали Добровскому признать, что книга удовлетворяетъ цѣлямъ, для которыхъ она предназначена.

Что касается ошибокъ, то иногда ихъ возможность допускалъ и самъ авторъ, которому въ Новомъ Садѣ далеко не всегда можно было получить нужныя свѣдѣнія.

Такъ напр. если мы встрѣчаемъ у Добровскаго поправку къ тому, что у Шафарика сказано о лѣтописной хроникѣ пресвитера Діоклейскаго: „Пресвитеръ Діоклейскій написалъ свою исторію не на слав. яз., какъ сказано на стр. 229, но на латинскомъ. Далматинская хроника, которую 1510 г. перевелъ Marcus Marulus, была только позднѣе сдѣланное извлеченіе изъ Діоклейца. И латинскій переводъ Марулича не слѣдуетъ смѣшивать съ латинскимъ текстомъ Діоклейца“, — то нельзя упускать изъ виду, что Шафарикъ просилъ у Копитара свѣдѣній объ этой хроникѣ, но, очевидно, ихъ не получилъ. 10 окт. 1825 г. онъ писалъ Коллару: „Что вы пишете о слов. Эпосѣ Сиренѣ, для меня совершенно ново; не смѣю Вамъ обѣщать, что буду о немъ писать. Я такъ разсерженъ на корреспонденцію подобнаго раза, что если только не случится великая перемѣна — едва ли буду въ подобныхъ случаяхъ писать. Куда я до сихъ поръ ни толкнулся, никто не отозвался. Писалъ въ Россію, Польшу, Чехію, писалъ два три раза Мушицкому — чтобы прислалъ мнѣ по крайней мѣрѣ нѣсколько именъ Scriptorum Croaticorum и до сихъ поръ ни слова въ отвѣтъ. Не исключаю и Копитара (котораго я вообще не могу понять); годъ тому назадъ и съ той поры по крайней мѣрѣ три раза просилъ я его въ письмѣ дать краткія свѣдѣнія о Пресвитерѣ Діоклейскомъ (гдѣ оригиналъ? церковно-славянскій или сербскій народный, писанъ кириллицей или латиницей? Сколько списковъ рукописи, не подложное ли это сочиненіе?) но до сихъ поръ отвѣта не получилъ, да должно быть и не получу. По неволѣ долженъ былъ извлечь свѣдѣнія о немъ для своей исторіи литературы изъ Гебгарди и Энгеля“.

Намъ остается сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній о Исторіи слав. литературъ. Обыкновенно говорятъ, что этотъ трудъ Шафарика представляетъ компиляцію. Въ значительной части это справедливо и само собою понятно. Первый трудъ общаго характера неизбѣжно долженъ имѣть характеръ компиляціи. Писатель прежде всего долженъ познакомиться съ литературой предмета въ избранной имъ области — съ трудами своихъ предшественниковъ, чтобы затѣмъ итти далѣе. Можно только поблагодарить Шафарика, что онъ продѣлалъ эту работу не для себя одного, но подѣлился ею и съ публикой. Изложить результаты сдѣланнаго предшественниками — несомнѣнная заслуга. Но, по нашему мнѣнію, далеко не всѣ части этого труда могутъ быть названы компиляціей. Таковъ напр. прежде всего отдѣлъ сербскій, который, несмотря на свой краткій объемъ, одинъ изъ самыхъ интересныхъ. Шафарикъ, какъ уже мы видѣли, приводя выдержки изъ писемъ о ходѣ его работы, излагалъ не только готовые результаты, но и плоды своихъ самостоятельныхъ занятій надъ источниками.

Въ §, посвященномъ исторіи древней сербской литературы, мы уже находимъ частыя указанія не на печатные только источники, но и на рукописи мѣстныхъ библіотекъ. Такъ, напр., Шафарикъ упоминаетъ, что Родословъ архіепископа Даніила хранится не только на Аѳонѣ, но и въ Карловацкой библіотекѣ въ копіи, сдѣланной чрезъ посредство Раича (стр. 208), что списокъ Законника Душана имѣется и въ библіотекѣ Новосадской гимназіи. Ссылаясь на Раича, который, на основаніи разсказовъ путешественниковъ по Сербіи, указывалъ, что сербскія рукописи находятся преимущественно въ сербскихъ монастыряхъ, въ сербской лаврѣ Студеницѣ, въ Дечанахъ

и въ сербской Печской патріархіи, Шафарикъ обратилъ вниманіе на важность въ томъ же отношеніи Аѳона: „въ многочисленныхъ аѳонскихъ монастыряхъ, должно быть, находятся еще остатки сербской литературы. Какая обильная почва для дѣятельности будущаго сербскаго филолога и палеографа“ (стр. 210) [1]). Насколько были справедливы эти слова, можно судить уже по тому, какія сокровища нашли на Аѳонѣ его счастливые посѣтители, явившіеся туда первыми разслѣдователями богатаго литературнаго наслѣдія, собраннаго къ теченіе вѣковъ усиліями трудолюбивыхъ иноковъ. Не мало рѣдкостей оттуда увезено, и все еще тамъ остается такъ много интереснаго, что надолго еще хватитъ работы ученымъ путешественникамъ, кратковременныя посѣщенія которыхъ не даютъ возможности исчерпать предметъ своихъ занятій.

Интересно, что болгаре въ классификаціи Шафарика стоятъ не отдѣльно, а присоединены къ сербамъ. Ю. И. Поливка по этому поводу замѣчаетъ: „болгарскій языкъ Шафарикъ считалъ еще за нарѣчіе сербскаго: болгарскій яз. былъ еще слишкомъ мало извѣстенъ“ [2]). По нашему мнѣнію такой взглядъ не вполнѣ правиленъ: Шафарикъ и въ Исторіи слав. литературъ не смѣшивалъ нарѣчій сербскаго и болгарскаго. Правда, въ главѣ „Славянство въ 30 гг. XIX стол.“ въ описаніи юго-восточной вѣтви Шафарикъ ставитъ на второе мѣсто Serbischer Stamm и говоритъ о немъ слѣдующее: „сюда мы причисляемъ болгаръ, сербовъ, босняковъ, черногорцевъ, славонцевъ и далматинцевъ“, а въ примѣчаніи къ этимъ строкамъ: „Эти славяне, *исключая болгаръ*, обыкновенно называются иллирійцами. Однако имена: иллирійцы, Иллирія, благодаря привычкѣ и непониманію, стали употребляться въ столь различномъ смыслѣ, что невозможно соединять съ ними одно опредѣленное понятіе, поэтому я гораздо лучше предпочитаю совсѣмъ ихъ не употреблять. Древніе иллирійцы, народъ родственный ѳракійцамъ, потомки которыхъ нынѣшніе албанцы, не были славянами. Иначе такъ называютъ то далматинцевъ и славонцевъ, то ихъ и сербовъ, то, со времени образованія новаго королевства Иллиріи, всѣхъ южныхъ славянъ, не исключая хорватовъ и словинцевъ“.

Но уже то самое, что болгаре стоятъ на первомъ мѣстѣ, указываетъ, что они присоединены къ сербамъ лишь механически. Далѣе Шафарикъ опредѣляетъ занимаемыя ими границы, касается ихъ происхожденія и численности: „Болгаре, въ бывшемъ королевствѣ Болгаріи, теперь въ турецкой провинціи — Софійскомъ вилаетѣ, между Дунаемъ, Чернымъ Моремъ, Балканскимъ хребтомъ и Сербіей. Поселившіяся

---

[1]) Слѣдуетъ сравнить также то мѣсто въ которомъ Шафарикъ говоритъ о славянскихъ рукописяхъ юго-славянскихъ монастырей и Аѳона: „литературныя сокровища этого яз., которыя погребены въ монастыряхъ Сербіи, Болгаріи и на Аѳонѣ, еще никто не изслѣдовалъ“, стр. 189. Нужно впрочемъ замѣтить, что и Добровскій хорошо понималъ значеніе Аѳона: utinam montem Atho sine periculo adire liceret! Inde profecto tot Patrum et Historicorum opera, olim in bibliothecam Segnerianam illata, accepta sunt, стр. 23 предисловія, но при этомъ выразилъ сомнѣніе, чтобы можно было найти тамъ кодексы древнѣе Остромирова Евангелія.

[2]) Сравни также Шишманова: Личнитѣ сношенія на Павла Іосифа Шафарика съ българитѣ. Български Прѣгледъ Окт. XII. 1895, стр. 74.

здѣсь славянскія племена въ языкѣ и нравахъ слились съ выселившимися изъ-за Волги болгарами. Ихъ число достигаетъ 600.000, изъ которыхъ большая часть православнаго вѣроисповѣданія и только небольшая часть католики". Въ этомъ мѣстѣ бросается въ глаза ошибочность въ цифрѣ болгарскаго населенія, но оно не смѣшивается съ сербскимъ. Это ясно также и изъ § 21, въ которомъ Шафарикъ говоритъ о характерѣ сербскаго языка: „такъ какъ болгаре, по крайней мѣрѣ, согласно доселѣ господствовавшему взгляду какъ по своему происхожденію, такъ и по языку считаются отличными отъ сербовъ, то языкъ и литературу сербовъ мы отдѣляемъ отъ языка и литературы болгаръ и разсматриваемъ ихъ отдѣльно. И дѣйствительно въ § 24 „языкъ и письменность болгаръ" разсматриваются совершенно самостоятельно. Характеристику болгарскаго нарѣчія Шафарикъ дѣлаетъ согласно Копитару: „болгарское нарѣчіе, которымъ говорятъ въ Болгаріи и Македоніи приблизительно полмилліона славянъ, по замѣчанію г-на Копитара, въ сравненіи со всѣми другими слав. нарѣчіями и въ грамматическомъ строѣ и въ самомъ своемъ существѣ потерпѣло наибольшее измѣненіе и преобразованіе. Такъ напр., въ немъ есть членъ, который какъ у румынъ и албанцевъ приставляется въ концѣ слова; изъ семи падежей оно утратило всѣ, исключая имен. и зват., и замѣнило ихъ, подобно языкамъ франц., итальянск. и др., предлогами. Слав. матеріалъ въ албанской формѣ! Такое разславяненіе болг. яз. объясняется обычнымъ предположеніемъ, что нынѣшніе болгаре представляютъ смѣсь славянъ, румынъ и татаръ, и что языкъ первыхъ подвергся порчѣ и принялъ въ себя чуждые элементы", стр. 223.

Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что и въ Исторіи слав. литературъ Шафарикъ имѣлъ вполнѣ ясное представленіе объ отличіи болгарскаго языка отъ сербскаго и одно механическое присоединеніе болгаръ къ сербамъ не мѣшало ему говорить о нихъ, въ существѣ дѣла не смѣшивая ихъ съ сербами. Это вполнѣ подтверждается и его извѣстными словами въ письмѣ Коллару: „въ будущемъ изданіи пойду далѣе, и болгаре должны быть совершенно отдѣлены отъ сербовъ"[1]).

За то по нашему мнѣнію, едва ли справедливо нѣкоторые приписываютъ Шафарику указаніе на остатки носового произношенія въ болг. яз. Такъ, напр., Шишмановъ въ указанной уже статьѣ выражается объ этомъ пунктѣ въ слѣдующихъ словахъ: „ему было извѣстно такое важное явленіе какъ остатки носового произношенія въ нѣкоторыхъ болгарскихъ нарѣчіяхъ, указаніе на которое, по моему мнѣнію, ошибочно приписываютъ Григоровичу"[2]). При этомъ дѣлается ссылка на стр. 406. Здѣсь въ главѣ, посвященной характеристикѣ польскаго языка, указавъ на шепелеватое rz и носовые ą и ę въ польскомъ, Шафарикъ дѣйствительно замѣтилъ: „также и слѣды носового произношенія можно указать и въ другихъ слав. нарѣчіяхъ, напр. въ болгарскомъ". По нашему мнѣнію, это мѣсто не достаточно ясно уже потому, что не приведено ни одного примѣра, а этого слѣдовало бы ожидать уже по одному тому, что носовые

---

[1]) Č. Č. M. 1874, стр. 286, письмо отъ 18 мая 1827 г.

[2]) Прѣгледъ ib., стр. 79. Ср. также статью Ю. И. Поливки, стр. 35.

звуки въ ново-болгарскомъ встрѣчаются лишь въ немногихъ говорахъ: между тѣмъ въ главѣ, посвященной болгарскому языку, гдѣ Шафарикъ коснулся вопроса о различныхъ его говорахъ, объ этой особенности ни слова. Далѣе въ написанномъ въ 1842 г. Народописѣ Шафарикъ представилъ для того времени весьма полный и даже теперь, по нашему мнѣнію, не лишенный интереса перечень признаковъ болгарскаго нарѣчія (стр. 42—43 второго изданія) и однако ни слова о носовомъ произношеніи въ болгарскомъ языкѣ и опять ни одного примѣра, между тѣмъ такое опущеніе было бы особенно странно уже потому, что, поставивъ болг. яз. рядомъ съ церковно-слав. (ср. стр. 34), ему особенно кстати было указать на эту общую съ нимъ черту въ ново-болгарскомъ, и однако на стр. 35 сказано только: 2) носовые звуки ѧ (ѫ) и ѩ (ѧ), какъ въ польскомъ (слѣдуетъ нѣсколько примѣровъ). Отсюда мы заключаемъ, что глухое указаніе на слѣды носового произношенія въ болгарскомъ яз. всего скорѣе можно объяснить предположеніемъ, что Шафарику уже въ то время приходили на умъ заимствованныя румынами и мадьярами слова съ носовыми звуками, которыя онъ и привелъ въ большомъ количествѣ въ Слав. древностяхъ. О первыхъ онъ говоритъ: „слова, находящіяся въ валашскомъ яз., который, какъ извѣстно сильно проникнутъ славянщиной, прямо указываютъ на славянъ задунайскихъ. Все составляющее особенность болгарскаго нарѣчія, встрѣчаете вы также и въ словахъ валашскихъ: носовые звуки ѫ и ѧ, *шт* и *жд*“ и т. д., стр. 331 рус. перевода; также и о вторыхъ: „слова, находящіяся въ мадьярскомъ яз. указываютъ собой на нарѣчіе съ одной стороны славянъ южно-дунайскихъ, а съ другой сѣверо-восточныхъ или великорусскихъ, напр. gerenda (грѧда), rend (рѧдъ), donga (дѫга)“ и др., стр. 390. Совершенно иное дѣло заслуга Григоровича, который въ своемъ путешествіи первый указалъ остатки носовыхъ въ живомъ болгарскомъ говорѣ.

Представивъ въ своей Исторіи слав. литературъ сводъ писаннаго предшественниками, Шафарикъ оказывалъ услугу наукѣ еще и тѣмъ, что въ такой работѣ очевидными становились пробѣлы, почти повсюду оказавшіеся въ обширной области славяновѣдѣнія, разработка котораго только еще начиналась. Мы очень часто встрѣчаемъ въ его книгѣ указанія на такіе пробѣлы.

„Полнаго историко-критическаго изображенія судьбы слав. яз. и литературы по всѣмъ нарѣчіямъ еще не существуетъ въ настоящее время. Такое исполинское предпріятіе требуетъ времени, подготовительныхъ работъ и содѣйствія многихъ свѣдущихъ людей. Нѣчто подобное имѣетъ въ виду Линде изданіемъ спеціальныхъ исторій литературы отдѣльныхъ нарѣчій“ (стр. 70). То же самое приходилось сказать и объ отдѣльныхъ литературахъ и между ними прежде всего о древнеславянской: „Особой, полной исторіи литературы церковно-славянской еще нѣтъ до сихъ поръ (стр. 133). Въ новой сербской литературѣ отсутствовали какія бы то ни было библіографическія пособія: „печатной исторіи литературы нельзя ожидать, гдѣ еще нѣтъ никакого печатнаго книжнаго каталога“ (стр. 222).

Говоря о богатствѣ малорусскаго нарѣчія народными пѣснями Шафарикъ желалъ лучшаго ихъ изданія и указывалъ важное значеніе и интересъ народной поэзіи вообще, ожидалъ отъ будущихъ изслѣдователей сравнительнаго изученія того богатаго мате-

ріала, который началъ появляться въ изданіяхъ по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ слав. народовъ: „Оно особенно богато, быть можетъ богаче всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій всякаго рода народными пѣснями, которыя имѣютъ элегическій характеръ. Было бы желательно, чтобы эти пѣсни были собраны съ гораздо большимъ вниманіемъ, чѣмъ это было до сихъ поръ. Сборники народныхъ пѣсенъ, сказокъ и пословицъ весьма важны для уясненія древняго и характеристики новаго славянства. Въ народныхъ пѣсняхъ особенно древнихъ, которыми славянское племя быть можетъ богаче, чѣмъ какой-нибудь другой народъ въ Европѣ, можно найти не только слѣды древности, имена славянскихъ боговъ и историческихъ лицъ, воспоминаніе о событіяхъ и фактахъ, хотя и перемѣшанныхъ съ сагами и сказками, благодаря чему они имѣютъ мало значенія для историковъ, но въ особенности то, что всего болѣе интересуетъ поэта, психолога и вообще друга народа, чистѣйшее выраженіе всѣхъ народныхъ правовъ, обычаевъ и чувствъ какъ прошлаго такъ и настоящаго. Всего болѣе онѣ пригодны для филологовъ, ибо онѣ суть истинные и подлинные образцы идіотизмовъ соотвѣтствующихъ нарѣчій. Изъ этой точки зрѣнія должны исходить собиратели и издатели народныхъ пѣсенъ. Драгоцѣнные вклады этого рода уже дали нѣкоторыя племена, но ихъ сравненіе и критическая разработа еще предстоятъ въ будущемъ“.

Испытавшій въ Новомъ Садѣ всѣ неудобства, проистекавшія отъ несовершенства книжныхъ сношеній, Шафарикъ и по этому вопросу не могъ не высказать своихъ соображеній и пожеланій. Въ заключеніи къ 3-му параграфу, представлявшему обзоръ вспомогательныхъ средствъ при изученіи слав. литературы, онъ не забылъ коснуться и постановки книжнаго дѣла: „здѣсь — говоритъ онъ — было бы всего болѣе кстати сказать что-нибудь о благодѣтельномъ вліяніи слав. книжной торговли на литературу, которое должно было бы обнаруживаться въ возможно болѣе быстромъ распространеніи книгъ и обмѣнѣ литературными идеями, въ возможно болѣе умѣренныхъ и установившихся цѣнахъ на книги и въ вознагражденіи таланта и ученаго прилежанія введенными въ Германіи, Франціи и Англіи гонорарами, если бы эта торговля и въ 1825 не была такъ же ничтожна, какъ въ 1806, такъ что о ней остается только повторить pium desiderium г-на Юнгмана: дай Боже, чтобы развилась славянская книжная торговля, ничтожнѣе которой нѣтъ ничего на свѣтѣ“ (стр. 80).

Однимъ словомъ первое сочиненіе Шафарика являлось своего рода пропедевтикой къ его дальнѣйшимъ работамъ. Ея историческая часть разрослась въ Славянскія Древности, языковѣдная въ славянскій Народописъ, данныя древней географіи въ тщательнѣйшей и подробной обработкѣ вошли въ первый трудъ, данныя новой географіи легли въ основаніе этнографической карты второго труда, наконецъ чисто историко-литературная часть для юго-славянскихъ литературъ явилась въ обширной ихъ исторіи — посмертномъ трудѣ, выпущенномъ І. Пречкомъ.

Друзья Шафарика желали видѣть въ скорѣйшемъ времени второе изданіе исторіи славянскихъ литературъ. Особенно настаивалъ на этомъ Копитаръ, обѣщая свои услуги въ славянскомъ отдѣлѣ [1]), но Шафарикъ полагалъ, что нужно повременить отъ 4 до

[1]) «Копитаръ не перестаетъ настаивать, чтобы я постепенно приготовлялъ второе

5 лѣтъ. Отсюда видно, что Шафарикъ дѣйствительно не оставлялъ мысли о переработкѣ своего труда. Понятное дѣло, что, живя въ Новомъ Садѣ, Шафарикъ всего скорѣе могъ пополнить и улучшить сербскій отдѣлъ. Нуждаясь при этомъ въ содѣйствіи самихъ сербовъ, онъ обратился съ вызовомъ къ сербскому обществу, интересовавшемуся успѣхами родной литературы, доставлять ему новые матеріалы и сообщать указанія о всякаго рода литературныхъ произведеніяхъ, остающихся въ рукописи[2]). Предполагавшееся изданіе однако не состоялось. Поэтому, когда сынъ Шафарика рѣшился выпустить второе изданіе, то онъ оставилъ его безъ всякихъ перемѣнъ, ограничившись лишь немногочисленными дополненіями, сдѣланными самимъ авторомъ, которыя и помѣстилъ въ концѣ книги съ указаніемъ тѣхъ страницъ, къ которымъ они относятся. Нельзя не пожалѣть только о томъ, что во второмъ изданіи опущенъ списокъ подписчиковъ, представляющій значительный интересъ.

Въ то время какъ друзья Шафарика склоняли его выпустить второе изданіе исторіи славянскихъ литературъ, онъ былъ усиленно занятъ работой надъ славянскими древностями. Еще среди занятій исторіей литературы Шафарикъ началъ интересоваться вопросами изъ этой области. Въ письмѣ Коллару 28 іюня 1823 г. онъ проситъ пріобрѣсти ему карты славянскихъ областей: „безъ нихъ я не могу обойтись въ начатыхъ мною трудахъ. Можетъ быть достанете ихъ въ Пештѣ. Если не окажутся, переговорите съ какимъ-нибудь книгопродавцемъ“. Карты эти должны были удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 1) карты спеціальныя, полныя — никоимъ образомъ не такія, какія помѣщаются при географическихъ книжкахъ. Онѣ должны быть въ большой листъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ было бы хорошо, напр. что касается русскихъ картъ, если бы онѣ состояли изъ нѣсколькихъ листовъ, потому что такая огромная страна не можетъ быть съ полнотой и въ такой пропорціи, какъ напр. Чехія, помѣщена на одномъ листѣ. Но разумѣется спеціальнѣйшихъ картъ (какія вышли о Россіи и состоятъ изъ 72 листовъ) мнѣ не нужно, такія карты не по моему карману. 2) Это главное условіе. Не столько важно для меня большое количество мѣстъ, сколько легкій обзоръ границъ страны,

---

изданіе Исторіи литературы и обѣщаетъ помощь in Carantanicis». Č. Č. M. 1874, стр. 283. Письмо 1 марта 1827 г., ср. статью Поливки.

[2]) «Приглашеніе. Намѣреваясь вновь передѣлать и издать въ свѣтъ свое сочиненіе Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten (Ofen 1826) и особенно желая увеличить объемъ и улучшить содержаніе главы о сербской литературѣ, но въ то же время не располагая достаточными пособіями, обращаюсь ко всѣмъ извѣстнымъ патріотизмомъ и ученостію сербамъ съ просьбой помочь мнѣ своимъ содѣйствіемъ въ этомъ предметѣ. Было бы особенно желательно, чтобы мнѣ благоволили сообщить какія-либо дополнительныя свѣдѣнія о сербскихъ писателяхъ живыхъ и покойныхъ и о ихъ сочиненіяхъ, т.-е. 1) имя и фамилію писателя и 2) гдѣ родился? 3) сколько лѣтъ, и гдѣ жилъ? 4) когда и гдѣ умеръ? 5) Какія сочиненія писалъ? Гдѣ и въ какомъ форматѣ что печаталъ? 6) Не осталось ли чего въ рукописи и гдѣ хранится оставшееся? При этомъ требуется вполнѣ и точно привести заглавія книгъ.

«Надѣюсь, что всякій, кто сознаетъ народную гордость, придетъ на помощь мнѣ и сербской литературѣ. Такія извѣстія прошу присылать или въ Новый Садъ на мое имя или въ Пештъ по адресу сербской Матицы. П. І. Шафарикъ, профес. въ Н. Садѣ». Лѣтописъ 1830 г., часть друга. Година VI, часть 21, стр. 150—151.

ея частей, областей, горъ рѣкъ и т. д. 3) Не нужно, чтобы онѣ были одной величины, одного мастера, изъ одного заведенія. Пусть всѣ будутъ различны, лишь бы только онѣ удовлѣтворяли вышеуказаннымъ условіямъ". „Безъ картъ Венгріи, Моравіи и Чехіи могу обойтись, хоть и не особенно хорошія онѣ у меня есть, главнымъ образомъ мнѣ нужны карты Россіи, Польши, Хорватіи, Далматіи, Сербіи и др."[1]).

Въ то же время Шафарикъ просилъ прислать ему географію чешскаго королевства Дундра 1823, Аппендини Notizie istorico-critiche Ragusa 1802[2]), а немного позднѣе также Палковича Географическое познаніе родины[3]). О первой изъ этихъ книгъ онъ писалъ 15 іюля 1825 г.: „въ географіи Дундра (хотя въ другихъ отношеніяхъ это прекрасное сочиненіе) не нахожу того, чего ищу и въ чемъ нуждаюсь"[4]). Получивъ одну изъ присланныхъ картъ, Шафарикъ не былъ ею доволенъ. „Ваша карта возбудила созрѣвающее во мнѣ желаніе приготовить совершенную карту Сербіи. Нѣкоторое знаніе математики и др. относящихся сюда наукъ пришло мнѣ какъ нельзя болѣе кстати. Я приготовилъ карту Сербіи и Босніи, протянувъ границу до половины Македоніи и Болгаріи, но зимой должѣнъ ее еще усовершенствовать. Потомъ дадимъ ее вырѣзать на мѣди. Вукъ мнѣ пишетъ, что даетъ теперь рѣзать новую карту Сербіи, но это не повредитъ моей картѣ. Изъ моей карты не только Вукъ, но и другіе составители картъ кое-чему научатся, если захотятъ. Сербскіе историки — даже Раичъ и Энгель — блуждали во тьмѣ такъ, что не могу представить слабость разума этихъ прославленныхъ историковъ. Гебгарди вздумалось изъ Браничева сдѣлать Панчево, и тотчасъ Раичъ и Энгель начали твердить за нимъ „Браничево или Панчево". Охъ! Я нашелъ и опредѣлилъ по крайней мѣрѣ сто старыхъ городовъ и мѣстъ въ сербской исторіи, о которыхъ Раичъ, хотя онъ и былъ на Аѳонѣ (но думаю съ завязанными глазами прошелъ черезъ Сербію), и за нимъ Энгель говорятъ, гдѣ они были, неизвѣстно. Такой отвѣтъ не труденъ. У меня маленькая деревушка не смѣетъ оставаться неизвѣстной, еслибы даже во время Аттилы сгорѣла"[5]). Изъ этихъ словъ видно, для чего нужны были Шафарику карты славянскихъ земель и какъ далеко углубился онъ въ историко-географическія разысканія. Чѣмъ далѣе шли занятія, тѣмъ болѣе становилась ясной Шафарику ихъ огромная важность: „Въ дебряхъ исторіи знакомыхъ вамъ племенъ постепенно иду впередъ и углубляюсь; съ каждой минутой передъ глазами открывается новое поле; есть надежда получить цѣнные результаты. О Раковецкій, какую неоспоримую истину повѣдалъ ты, что славянской исторіей долженъ заниматься славянинъ! Добрый Энгель онъ видѣлъ все и ничего. Stritteri memorabilia IV tomi есть въ Карловцахъ. Умолчу о иныхъ предметахъ (успѣшномъ объясненіи исторической географіи Болгаріи и Сербіи) — я напалъ на слѣды родины стараго церковно-славянскаго языка. Кажется я вамъ кое о чемъ упоминалъ. Прошу сохраните это про себя.

---

[1]) Č. Č. M. 1873, стр. 142—143. Сравни также письмо 11 авг. того же года ib. стр. 146.
[2]) ib. стр. 143.
[3]) ib. стр. 386.
[4]) ib. стр. 403.
[5]) Č. Č. M. 1873 г. стр.

Юпгманъ поступилъ неосторожно, что помѣстилъ въ Чехославъ то, что я ему писалъ въ частномъ письмѣ. Опасаюсь, чтобы Вукъ и Копитаръ на меня не напали. Со временемъ напишу подробнѣе“ [1]).

Въ письмѣ 27 января Шафарикъ просилъ Коллара справиться, не пришли ли заказанныя имъ книги Vialla de Sommieres Montenegro, Lindner Gemälde d. Türke и карты (между нимя карта древней Греціи Крузе и др.)[2]).

„Я, едва вытащивъ ноги изъ одного болота, вязну въ другомъ in serbobulgaricis historicis, geograficis, litterariis“. Въ письмѣ 2 февр. онъ просилъ своего друга справиться у книгопродавца Мюллера, что̀ за карту публиковалъ онъ годъ тому назадъ въ Будапештскихъ газетахъ: „если она еще у него есть, потрудитесь хорошенько взглянуть на нее; она писана по-гречески, но это васъ не затруднитъ. Я желалъ бы знать, какія турецкія области заключаетъ эта карта; есть ли на ней Македонія, Ѳракія, часть Болгаріи, Сербіи, Албаніи или нѣтъ? Спеціальная она, обозначены ли на ней одни города или села? Если это та карта, о которой есть извѣстіе у Энгеля и которая приготовлена Ригомъ и рѣзана Мюллеромъ, она должна быть превосходна“. Въ слѣдующемъ письмѣ 20 февраля опять находимъ справки о картахъ: „прошу васъ меня увѣдомить обѣщалъ ли Лихтель выписать карты до ярмарки. Я въ нихъ очень нуждаюсь. Карта австрійской монархіи, составленная штабомъ нужна мнѣ только для границъ какъ самая достовѣрная. Какъ только получу ее, начнемъ здѣсь большую историко-топографическую карту тѣхъ турецкихъ областей, въ которыхъ живутъ или жили славяне. Vandoncourt, котораго карта одна изъ лучшихъ, опредѣлилъ весьма дурно австрійскую границу. Здѣсь у меня будутъ помощники рисовальщики. Расходы на карту до нѣкоторой степени оплатитъ Стратимировичъ. Онъ пріобрѣталъ для меня и нѣкоторыя книги на свой счетъ“. Въ письмѣ 1 марта Шафарикъ перечисляетъ книги, которыя желалъ бы пріобрѣсти, если бы онѣ попались въ продажѣ. Это были все такія сочиненія, которыя могли служить пособіемъ въ настоящихъ его трудахъ. Ant. Banduri Imp. orientale, Paris 711. Vened. 729. 2 vol.; Car. du Fresne Hist. Byzantina Par. 680, Ven. 729, его же Illyricum vetus et novum, Presb. 746 (эту книгу онъ впрочемъ надѣялся найти въ монастырѣ Ковыльскомъ послѣ покойнаго Раича); Farlati, Illyricum Sacrum, Ven. 751; Lucii de regn. Dalm. et Croat. Amst. 606.

Получивъ заказанныя карты, Шафарикъ далъ о нихъ такой отзывъ: „никогда еще я такъ не радовался и не сердился какъ изъ-за картъ. Карта австр. штаба, правда, дорога, но если бы она даже и втрое была дороже, никогда бы не могли быть оплачены ея неслыханныя и невиданныя достоинства. Французская Ноэля и Вивье — это одинъ обманъ, никогда я не тратилъ 45 гульд. такъ по напрасну. Когда я читалъ ея описаніе думалъ, что 12 листовъ по крайней мѣрѣ составятъ 12 саженъ, а нашелъ въ ней едва 12 футовъ! Вся европейская Турція величиной съ кулакъ. А что на ней выставлено, то я мальчишкой зналъ лучше прославленныхъ королевскихъ географовъ Ноэля и Вивье. Къ сожалѣнію всѣ карты Турціи работаны словно во снѣ. Исключая гра-

---

[1]) Č. Č. M. 1874 г., стр. 54. Письмо 9 янв. 1826 г.

[2]) ib. стр. 58.

ницъ и пути изъ Бѣлграда въ Царьградъ, все остальное взято съ вѣтра. Рѣки, какъ Тиса, Лаба и почти Дунай величиной, вымышлены массами такія, какихъ въ Турціи совсѣмъ нѣтъ. Города нерѣдко поставлены на 50 миль далѣе въ области, которымъ они не принадлежатъ. Обезображенное имя одного города стоитъ 7 или 10 разъ. Таковы всѣ карты Турціи, которыя я видѣлъ, а видѣлъ я ихъ въ Карловцахъ и Петроварадинѣ по крайней мѣрѣ сотню, важнѣйшія изъ нихъ имѣю самъ“ [1]).

Географическія занятія были тѣсно связаны у Шафарика съ филологическими. Объясняя то или иное имя собственное въ источникахъ, онъ долженъ былъ прибѣгать къ указаніямъ языка. Въ свою очередь историко-географическія соображенія были важны для тѣхъ или иныхъ заключеній о родинѣ древне-слав. яз. Когда дѣло дошло до Македоніи, Шафарикомъ овладѣла мысль, что онъ нашелъ нарѣчіе, которое можно назвать правнукомъ Кирилловскаго: „Слѣды старо-слав. яз. не могу вамъ указать въ краткихъ чертахъ. Въ Турціи болѣе слав. племенъ, нежели думаютъ гг. Вукъ и Копитаръ. Одно изъ этихъ племенъ, обитающее въ Македоніи и Θессаліи, правнукъ Кирилловъ. Все это выяснимъ. Но нужно время, чтобы можно было очистить Авгіевы конюшни. Кто бы сталъ искать въ Дупинджи, Стробу, Батаку славянъ!! Лопинъ напр. у туземныхъ славянъ Лубинъ, Любинъ — даже и Видинъ испорчено изъ Будинъ, въ кодексахъ Бъдинъ, Бдинъ. Городовъ, носящихъ имя Будинъ, много въ Герцеговинѣ. Итакъ Буда имя славянское. Но въ Дубницѣ, Островѣ, Потокѣ, Разлогѣ (таковы настоящія имена этихъ слав. мѣстъ и поселеній въ Македоніи) ихъ тотчасъ найдете. Около Разлога 13 поселеній старославянскихъ, гдѣ еще говорятъ на нарѣчіи Кирилла. Меленикъ (собственно Хмѣльникъ) въ предмѣстіяхъ населенъ славянами; только въ городѣ купцы греки. Этого достаточно. Только пожалуйста не разглашайте этого, чтобы мнѣ не впутаться въ споръ съ г. Копитаромъ изъ-за его Карантаніи. Когда вооружусь, тогда выйду въ бой“ [2]).

Какъ нерѣдко бываетъ, новый взглядъ увлекалъ изслѣдователя нѣсколько дальше, чѣмъ можно было ожидать. Среди македонскихъ нарѣчій Шафарикъ находилъ такое большое различіе, какое отдѣляетъ два слав. языка, какъ напр. чешскій и русскій.

„Въ исторіи и хорографіи славянства въ нынѣшней Турціи продолжаю занятія. До сихъ поръ я нашелъ въ Македоніи два нарѣчія, которыя по крайней мѣрѣ такъ же далеки одно отъ другого, какъ чешское и русское. Одно изъ нихъ есть подлинное — священное и церковное. Въ Македоніи $^2/_3$ славянъ и $^1/_3$ турокъ и грековъ и македоновлаховъ. Настоящіе греки начинаются только въ Θессаліи“ [3]). Ему были ясны ошибки, допущенныя имъ при подсчетѣ славянъ въ исторіи слав. литературъ:

„Въ исторіи литературы число славянъ въ Турціи я сбавилъ по крайней мѣрѣ на 2 милліона. Мѣстныя названія всюду славянскія, турецкія на картахъ выдуманы главнымъ образомъ по способу Поля и т. д. Въ слав. провинціяхъ и турки говорятъ по-славянски. Въ Македоніи напр. Кюприли на картахъ носитъ имя Велесъ

---

[1]) Č. Č. M. 1874 г., стр. 74. Письмо 30 марта 1826 г.
[2]) Č. Č. M. 1874 г. стр. 62. Письмо 20 февр. 1826 г.
[3]) Č. Č. M. 1874 г. стр. 74. Письмо 30 марта 1825 г.

(purum slavicum!!), Истибъ, Астибо носитъ имя Штипъ, Шчипъ, Демирхисаръ (около Сереса) — Железнецъ и т. д. [1]).

Занимаясь юго-славянскими нарѣчіями Шафарикъ, склонялся въ Македоніи видѣть родину древне-славянскаго яз. Мнѣнія Копитара о Хорутаніи казались ему неосновательной мечтой. Въ увлеченіи своими соображеніями онъ собирался въ путешествіе, которое должно рѣшить вопросъ о языкѣ свв. первоучителей.

„Г. Копитаръ все еще мечтаетъ о Кирилло-Меѳодіе-Карантаніи! — Я напалъ на иныя мѣста! Дай Богъ, чтобы когда-нибудь могъ навѣстить Перунову гору въ Македо-Ѳракіи, между Струмой и Местой! Надѣюсь, что тамъ найдемъ памятники отъ времени Кирилла и Меѳодія, если не старше. У меня есть вѣрныя доказательства того, я напалъ на слѣдъ. О, если бы мнѣ св. Николай помогъ въ томъ, чего я напрасно ожидалъ отъ св. Стефана! Только прошу васъ усердно, чтобы вы еще не разглашали мои находки и изслѣдованія — пусть дѣло созрѣетъ... Въ Турціи по крайней мѣрѣ 5—6 милліоновъ самыхъ чистыхъ славянъ. Ничего такого, правда, не узнаешь ни отъ Пукевиля, ни отъ Шатобріана, ни изъ Австрійскаго Наблюдателя или иныхъ подобныхъ дурней, которые насъ тянутъ за носъ, словно онъ изъ воску. Какъ бы то ни было, я понемногу приготовляюсь въ тиши, чтобы, какъ только глянетъ солнышко, предпринять путешествіе въ монастырь св. Іоанна подъ Перуномъ и рѣшить навсегда споръ о языкѣ св. Кирилла“ [2]).

Чѣмъ далѣе онъ работалъ, тѣмъ болѣе росло его одушевленіе, тѣмъ сильнѣе приковывала его вниманіе работа, проливавшая такъ много свѣта въ славянскія древности.

„Я неустанно подвигаюсь въ исполинской своей работѣ. Всѣ мои мысли обращены сюда — гдѣ мнѣ открывается новый свѣтъ. Эта свѣжая вѣтвь нашего древа достойна жизни и свѣта — и она его получитъ“ [3]). Въ письмѣ 30 октября онъ писалъ Коллару: „я, насколько могу, весь погрузился въ византійцевъ, изъ которыхъ въ систематическомъ порядкѣ извлекаю географическій матеріалъ“ [4]).

Географическія разысканія приводили Шафарика къ цѣлому ряду новыхъ данныхъ, которыми точнѣе, чѣмъ то было ранѣе, опредѣлялось положеніе многихъ городовъ, нерѣдко исправлялось дурное чтеніе источниковъ и установлялось правильное, при чемъ иногда догадка, требуемая смысломъ, подтверждалась и самымъ чтеніемъ лучшихъ списковъ. „Мнѣ при продолженіи занятій географіей то тутъ, то тамъ представляется историческое зернышко. Не безпокойтесь: теперь Noviodunum (Novotýn) никто не будетъ болѣе принимать за Новогродъ, если только имѣетъ немного здраваго смысла. Помимо правильнаго чтенія: Danabrum (т.-е. Danaprum) вмѣсто неправильнаго: Danubium (это не одна лишь догадка, а чтеніе самаго достовѣрнаго кодекса), я дошелъ наконецъ до слѣдовъ этого испорченнаго названія: lacus musianus, nursianus, mursianus. Должно читать: jusianus, и это есть то самое озеро, что

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Č. Č. M. 1874 г., стр. 77. Письмо 21 мая 1826 г.
[3]) Č. Č. M. 1874 г. стр. 82. Письмо 6 августа 1826 г.
[4]) Č. Č. M. 1874 г., стр. 89.

у Анны Комненой Ὀζολίμνη, т.-е. Ozo lacus (λίμνη — lacus), о которомъ много говорятъ Анна Комнена и др. византійцы. Это то великое озеро, нынѣ Ramsin при устьѣ Дуная, какъ видно изъ Анны и другихъ. Доказательствомъ можетъ быть то, что согласно армянскимъ историкамъ IV—V вв. Дунай былъ называемъ славянами Juza (juz — соединеніе, союзъ, узелъ, узда)“ [1]).

При внимательномъ изученіи источниковъ отъ Шафарика не ускользали и такія мѣста, на которыя до него никто не обращалъ вниманія. Такъ, напр., дѣлясь съ своимъ другомъ относительно того, что̀ правильнѣе: словенинъ или славенинъ, т.-е. производить ли это имя отъ слово или слава, онъ указываетъ на одно мѣсто у Птоломея. Указанія лѣтописныя и данныя, почерпаемыя изъ географическихъ сочиненій, приводили Шафарика къ убѣжденію въ томъ, что въ глубокой древности славяне жили на Дунаѣ: „Вы сдѣлаете полезное дѣло, если ваше разсужденіе о имени Sloven выпустите въ свѣтъ. Не нужно впрочемъ преувеличивать. Развѣ не почетно намъ слыть народомъ словеснымъ!!! Утѣшительнѣе, нежели славнымъ, ибо славнымъ насъ уже и безъ того дѣлаетъ бѣда. Впрочемъ я того мнѣнія, что слова Sloven и Slav произошли изъ одного корня slui κλίω cluo, но въ употребленіи они различны. Sloven, Sloveny назывался народъ, Slav тотъ или другой мужъ въ народѣ. Чего же болѣе? Имена городовъ Slavkov и др. отъ мужей, основателей и т. д. Ихъ находимъ у восточныхъ историковъ, да и у самихъ грековъ имена Sloven, Sloveni старше, чѣмъ Σκλαβοι. И у самого Птоломея въ одномъ мѣстѣ Συοβενι, др. чт. Σλοβενι (υ вмѣсто ł обозначаетъ выговоръ, какъ hvava вмѣсто hlava); на это мѣсто еще никто не обратилъ вниманія. Слѣдуетъ отмѣтить, что уже передъ Рождествомъ Христовымъ было различіе между сербами и словенами. То были два племени одного великаго народа. Сербы есть у Плинія и Птоломея. Я убѣдился въ истинности положенія Нестора: что словене въ глубокой древности сидѣли на Дунаѣ. Такъ было на дѣлѣ. Мнѣ кажется, въ древности было еще и третье племя, у иноземцевъ Vend, Ant, котораго домашнее названіе быть можетъ утратилось. Но объ этомъ еще ничего не знаю. Впрочемъ это васъ не собьетъ съ толку — пишите, слѣдуя своему убѣжденію, съ возможно большей свободой — я этому всего болѣе буду радоваться. — Въ концѣ послѣ битвы будетъ побѣда и покой“ [2]).

Въ письмѣ 21 іюля 1827 г. Шафарикъ съ особеннымъ восторгомъ пишетъ Коллару объ одномъ своемъ крайне важномъ открытіи, послѣ котораго исторію славянъ придется начинать съ Геродота. Въ томъ же письмѣ онъ повторяетъ, что съ славянами въ Иллирикѣ онъ дѣло покончилъ, но не вполнѣ увѣренъ въ вопросѣ о сарматахъ, соображенія относительно которыхъ желаетъ знать отъ Коллара: „Возвѣщаю вамъ великую радость, читайте приложенную записочку и радуйтесь со мною всѣ вмѣстѣ.

---

[1]) Č. Č. M. 1874 г. стр., 287. Письмо 18 мая 1827 г. Смотри въ сочиненіи: Über die Abkunft der Slaven Ofen. 1828 г., стр. 114—121.

[2]) Č. Č. M. 1874 г., стр. 290. Письмо 30 мая 1827 г. Сравни въ упомянутомъ сочиненіи стр. 202—204. О производствѣ имени славянъ Шафарикъ высказался въ томъ же смыслѣ еще въ Исторіи слав. литературъ, ср. стр. 5, примѣчаніе.

„Я открылъ совершенно случайно — нисколько о томъ не думая — неслыханную важную истину, которая скоро составитъ эпоху въ нашей древней исторіи.

„Мое Danabrum въ сравненіи съ этимъ только солома и мякина.

„Не думайте, что Несторъ въ этомъ важномъ предметѣ будетъ моимъ единственнымъ свидѣтелемъ! У меня есть для того и другіе: между ними и такіе, противъ которыхъ не устоятъ и врата адовы.

„Теперь мы будемъ начинать вѣрную нашу исторію съ Геродота.

„Блуждая тамъ и сямъ по географическимъ источникамъ, я случайно открылъ такой свѣтъ, о которомъ мнѣ до сихъ поръ и не снилось.

„Посланная вамъ выписка потому писана по-нѣмецки, что приготовилъ подобныя и для Вѣны и Петербурга. Если соберусь, пошлю и въ Прагу — но можете это сдѣлать и вы, когда прочитаете. Я послалъ Юнгману. Повторяю, рукоплещите!

„Прошу васъ прежде всего, если у васъ есть какое-либо соображеніе относительно сарматовъ, напишите мнѣ свои доводы и пришлите. Вы должны мнѣ отплатить взаимностію за мою постоянную ревность и готовность. У друзей все должно быть общее. Но безъ отсрочки. Я только съ славянами въ Иллирикѣ покончилъ начисто, съ сарматами еще нѣтъ. Быть можетъ ваши соображенія вызовутъ искру, все еще скрывающуюся“ [1]).

Сомнѣнія Копитара, требовавшаго вѣскихъ доказательствъ въ пользу того, что славяне жили въ Иллирикѣ и Мизіи до VI в., кажутся Шафарику неосновательными. Отказываясь дать математическія доказательства своему утвержденію, Шафарикъ однако выражаетъ увѣренность, что ему удалось найти ключъ къ тайнамъ древней исторіи славянъ и тамъ, гдѣ молчатъ памятники. Его поражаетъ сходство названій мѣстъ на Балк. полуостровѣ и др. славянскихъ земляхъ.

„Копитаръ настоятельно требуетъ неотразимыхъ доказательствъ о славянахъ въ Иллирикѣ и Мизіи до VI в. и говоритъ vulgaria et scio et negligo. Ему въ этомъ дѣлѣ помочь нельзя. Такія доказательства можетъ дать одна только математика — я доволенъ, если только могу достигнуть наиболѣе вѣроятнаго. Добрый Боже, кто въ такомъ мракѣ древности покажетъ все очевидно и воочію? Гдѣ молчитъ исторія, тамъ есть иные равно достойные довѣрія свидѣтели древности. Я ручаюсь, нашелъ ключъ къ тайнамъ нашей древней исторіи и нахожусь на вѣрномъ пути. Но этотъ путь таковъ, что для его исполненія нужно посвятить всю свою жизнь.

„Удивительное дѣло, старѣйшія топографическія имена въ Иллирикѣ и Мизіи — славянскія, и притомъ тѣ самыя, которыя на всемъ славянскомъ свѣтѣ; напр.: Лабъ — рѣка и городъ въ нынѣшней Сербіи, и Лабъ = Elba, Albis — въ Германіи. Нишъ — рѣка и городъ въ Болгаріи, и Нишъ, Neisse — въ Германіи. Cetinja — рѣка въ Далматіи и въ Польшѣ. Serdica слыла всѣ вѣка у славянъ и слыветъ и понынѣ: Средецъ, только турки и греки зовутъ ее Софіей отъ церкви; лежитъ по срединѣ между 3-мя рѣками, величайшими горами во всей землѣ, среди прекрасной равнины, на границѣ 4-хъ давнихъ областей: Ѳракіи, Македоніи, Дарданіи и Дакіи; ср. Среда, Streda

---

[1]) Č. Č. M. 1874 г., стр. 293. Письмо 21 іюля 1827 г.

въ другихъ славянскихъ областяхъ. Tierna, нынѣ Crna, находимъ уже во II столѣтіи. Имена Črmen (т.-е. червенъ) и дебр (т.-е. долина) находимъ сотнями уже у Геродота. Kyrmiana, у Прокопія и т. д. Это послѣднее свидѣтельствуетъ, что родина церковнослав. яз. здѣсь, во Ѳракіи, Македоніи и Мизіи, а никоимъ образомъ не въ Карантаніи, какъ утверждаетъ Копитаръ. Ибо только въ церковнослав. яз. Črmen — красный, дебр — долина“ [1]).

Въ письмахъ къ Коллару находимъ цѣлый рядъ указаній, съ какими затрудненіями приходилось бороться Шафарику при своихъ занятіяхъ. Отсутствіе въ Новомъ Садѣ необходимыхъ пособій заставляло его обращаться къ библіотекамъ Пешта. Но тѣ лица, которыя брались за дѣло, не всегда отдавали себѣ отчетъ, какая точность требовалась въ подобной перепискѣ. 24 сент. 1827 г. Шафарикъ жалуется на Пантелина, который прислалъ ему дурно сдѣланную копію и отказывался отъ дальнѣйшей работы. На случай, если не найдется кого другого, Шафарикъ обѣщаетъ прислать въ Пештъ кого-нибудь изъ своихъ учениковъ, которыхъ, разумѣется, нужно было научить работѣ. „Пантелинъ сдѣлалъ для меня извлеченія изъ Верантія, но имена собственныя писалъ слишкомъ дурно, такъ что могу прочесть только тѣ, которыя я уже давно зналъ на память. Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ быть аккуратнымъ. Имена собственныя самыя нужныя въ топографіи. Каждое имя собственное должно быть списано дипломатически, вѣрно, чисто и ясно, нѣсколько крупнѣе, чѣмъ остальной текстъ. Мнѣ кажется, я вамъ уже писалъ объ этомъ, но хорошо не помню. Изъ Ѳеофилакта и Марсильи, говоритъ, ему нѣтъ времени дѣлать выписки. Найдется ли кто другой? Если вы сами никого не найдете, тогда я здѣсь приготовлю изъ нашихъ учениковъ такихъ, которые придутъ къ вамъ.

„Пантелинъ писалъ: opera omnia adsunt praeter Kostolac. Я этого не понимаю: я ему указывалъ только два сочиненія — Ѳеофилакта и Марсильи. Что въ такомъ случаѣ значитъ omnia, если только Ѳеофилактъ найденъ. Марсильи долженъ быть въ національной библіотекѣ! Если бы вы мнѣ по крайней мѣрѣ могли выписать мѣсто о развалинахъ Kostolac. Я очень нуждаюсь въ немъ: Копитаръ такъ настаивалъ, что я долженъ былъ написать комментарій къ Friderici Iter ed. Dobrovsk. Уже онъ готовъ и, быть можетъ, выйдетъ въ вѣнскихъ Jahrbücher, если Копитаръ его напечатаетъ.

„Что у Сисмонди нѣтъ Margoplano, не удивляйтесь этому. Онъ измѣнилъ то, чего не понималъ. Въ кодексахъ находимъ: Margoplano oppido, какъ свидѣтельствуютъ Парвинъ, Скалигеръ и многіе другіе. Margo-plano у древнихъ называлось: Oria, Orea (Horia, Horea у римлянъ), затѣмъ до XVI в. Раванъ, Равенъ на Моравѣ. Margus — Морава — и рѣка и городъ, которые не слѣдуетъ смѣшивать съ Margoplano“ [2]).

Иногда друзья сообщали Шафарику указанія по интересовавшимъ его вопросамъ, но за неимѣніемъ книгъ онъ не могъ ихъ повѣрить и получить болѣе точныя свѣдѣнія. „Юнгманъ мнѣ пишетъ, будто бы найдено, что въ Британіи до британцевъ

---

[1]) Č. Č. M. 1874 г., 415—416 стр. Письмо 24 сент. 1827 г.

[2]) Č. Č. M. 1874 г., стр. 415. Въ Über d. Abkunft der Sl., стр. 169.

(или англо-саксовъ?) жили Serfen, т.-е. сербы. Жаль, что не приводитъ автора; говоритъ только: такъ пишетъ въ предисловіи переводчикъ „Ивангое“ Скотта. Вѣроятно нѣмецкій переводчикъ. Это согласуется съ венедами Арморики и Белгіи, потому что они именно торговали въ Британіи. Litora invicem opposita a Slavis habitabantur. Можетъ быть, вы въ Пештѣ могли бы заглянуть въ это предисловіе и сдѣлать для меня выписку“ [1]).

Интересуясь работами самого Коллара, Шафарикъ выражалъ желаніе дѣлиться результатами занятій и до выхода своихъ статей или изслѣдованій въ печати.

„Какъ далеко подвинулись Вы съ Вашимъ трудомъ — я очень бы желалъ знать. Быть можетъ было бы не лишнее, если бы мы пользовались собранными матеріалами, прежде чѣмъ они будутъ напечатаны. Поэтому, прошу Васъ, напишите мнѣ яснѣе, какое будетъ содержаніе Вашей работы.

„Я нынѣ усердно составляю реестрикъ славянскихъ племенъ и поколѣній особенно старыхъ. Все изъ самыхъ первоисточниковъ. Гормайеръ мнѣ послалъ факсимиле изъ баварской рукописи, заключающей имена слав. племенъ. То же вышло и въ печати въ Архивѣ за этотъ годъ съ объясненіемъ Дубровскаго, и Карамзинъ уже объяснялъ это и Лелевель. Все довольно жалко! Очень жаль, что здѣсь нѣтъ Script. rerum hermanicarum, которыхъ издаетъ теперь Пертцъ. Вѣроятно уже вышли двѣ части. Если у васъ есть что-нибудь подходящее для моихъ цѣлей, пожалуйста сообщите мнѣ это.

„Вы хорошо бы сдѣлали, если бы составили такимъ же образомъ алфавитный реестрикъ миѳологическій.

„При этой работѣ нужно имѣть въ виду:

1) автора, который упоминаетъ имя племени и годъ, въ который о немъ упоминаетъ;

2) собственно слав. выраженіе и его корень. Здѣсь нужна осторожность и въ особенности слѣдуетъ избѣгать излишняго гипотетическаго этимологизованія. Такъ, напр., я нашелъ, что Redarii назывались по слав. Ратари. Сравните слав. слова: рат, ратай. Кто бы путемъ одной лишь этимологіи дошелъ, что Оботриты Prednecenti — суть Браничевцы?

---

[1]) Č. Č. M. 1874 г., стр. 292. Письмо 19 іюля 1827 г. Эти свѣдѣнія были сообщены Колларомъ, какъ можно видѣть изъ письма къ нему Шафарика 5 іюня 1828 г. (Č. Č. M. 1875, стр. 142): „Что касается Serfi Скотта, то на это имя обратили мое вниманіе Юнгманъ и Ширъ. И я придаю ему значеніе не больше вашего. Поэтому я и цитовалъ Скотта только такъ obiter. Быть можетъ оставить это совсѣмъ? Второй выпускъ уже готовъ, переписанъ. Здѣсь по правдѣ много этимологіи, и поэтому я брюсь аристарховъ. О если бы вы могли его прочесть и высказать свое мнѣніе. Извините меня, мой другъ, что я не согласенъ съ вами относительно написанія слова Slovene. Какъ протестантъ и славянинъ, я слѣдую своему убѣжденію, но никого не обвиняю въ ереси и охотно готовъ выслушать вразумленіе. Думаю, что въ этимологическомъ объясненіи этого слова я соблюлъ мѣру. Сохрани меня Богъ слѣпо настаивать на своемъ. Я съ нетерпѣніемъ жду вашей этимологіи и знаю, что научусь многому изъ вашего труда. Поэтому не ставьте мнѣ чего-либо въ вину“. Сравни въ Über d. Abkunft der Slaven, стр. 69.

„Сознаюсь, что относительно многихъ именъ я еще сомнѣваюсь и охотно бы готовъ былъ выслушать о нихъ ваше мнѣніе. Что Одра слав. имя это — вѣрно; но вѣрно ли также, что отъ нея назвались Obotriti — Obodrici?“ [1])

Шафарику часто приходилось обращаться къ находившемуся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ своему другу въ Пештѣ.

„Ваше положеніе во многомъ отношеніи болѣе благопріятно литературнымъ трудамъ. Можете по временамъ взглянуть на нѣкоторыя книги, о которыхъ намъ и во снѣ не снится.

„Въ каталогѣ Гартлебена и Виганда я нахожу: Voigt, Geschichte Preussens. 1. B. 1827. Ewers, Das älteste Recht der Russen. Dorpat 1826.

„Въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ читалъ я, что у Voigt'a есть кое-что и о старыхъ славянахъ — лучшее, что вышло по этому предмету изъ-подъ нѣмецкаго пера.

„Книга Эверса быть можетъ переводъ и комментарій Русской Правды? Прошу васъ, посмотрите (если вы до сихъ поръ этого не сдѣлали) эти двѣ книги по крайней мѣрѣ украдкой у какого-нибудь книгопродавца — и напишите намъ краткій отзывъ. Мы бы здѣсь ихъ купили, если въ нихъ что-нибудь есть для насъ.

„У Malte-Brun въ VI томѣ его Системы Географіи, говорятъ, много о старыхъ славянахъ, — видѣли это? Книга вышла недавно въ Парижѣ на франц. яз. Писалъ мнѣ о ней Копитаръ, но по своей привычкѣ лаконически.

„Если только возможно, постарайтесь скорѣе приготовить разсужденіе о славянахъ; я бы желалъ, чтобы вы его издали или ранѣе или вмѣстѣ съ разсужденіемъ о чехѣ.

„Пишите намъ, насколько можете, если вамъ въ новѣйшей литературѣ встрѣтится что-нибудь, что и намъ было бы полезно знать.

„Исторію Пруссіи Фойгта извѣщеніе весьма расхваливаетъ — это, говорятъ, лучшая книга во всей новѣйшей исторической литературѣ“ [2]).

Но въ свою очередь и Коллару приходилось иногда просить указаній Шафарика. Такъ, напр., когда онъ былъ занятъ этимологіей имени „чехъ“, Шафарикъ передавалъ ему свои соображенія: „Ваша находка объ имени чехъ мнѣ очень нравится. Это имя должно быть старое. Я думаю, что у Плинія l. VI c. IX „Serbi, Zingi“, у Птоломея l. V. c. IX „Zinchi... Serbi“, у другихъ: Zichi, Zechi славяне, и конечно племени чешскаго, жившіе выше Чернаго моря въ европейской Сарматіи. Находимъ одни и тѣ же племена на большомъ пространствѣ разсѣянными. Объясненіе Добровскаго чехъ — передній, slez — задній смѣшно. Такъ какъ вамъ удалось дать счастливое объясненіе, попробуйте идти далѣе. Что значатъ имена сербъ и хорватъ? Послѣднее я считаю за одно и то же съ хорутанами у Нестора. Гора Карпатъ испорченное слово: Хорватъ ,потому что они тамъ жили. Словаки не называли горы „Карпатъ“, а “Татры“; Птоломей огречилъ это слово, обозначающее названіе народа и перенесъ его на имя горъ“ [3]).

---

[1]) Č. Č. M. 1874 г., стр. 420—421. Письмо 25 окт. 1827 г.

[2]) Č. Č. M. 1875, стр. 138. Письмо 17-го марта 1828 г.

[3]) Č. Č. M. 1874 г. стр. 292—293. Письмо 19 іюля 1827 г.

Позднѣе тотъ же вопросъ далъ Шафарику поводъ объяснить встрѣчающіяся въ источникахъ имена Tjechomil, Tješa и др.

„При запутанности всѣхъ своихъ дѣлъ не могу удовлетворить ваше желаніе во всемъ его объемѣ и во всѣхъ отношеніяхъ. Вотъ кое-что: S. S. Bandtkie historya drukarń polskich, Krak. 1826. 8. Bd. III. S. 242. XIII (т.-е. тринадцатый типографъ въ Вратиславлѣ[1]). По смерти Барта пишется эта типографія Grassa, Bartha Dziedzice i kompania r. 1820. Ея завѣдующій или начальникъ г-нъ Tshechmar тесть покойнаго Барта.

„Ciasina у Пеячевича мнѣ извѣстна, но нигдѣ ни въ книгахъ, ни на картахъ, ни въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ я не нахожу извѣстій объ этомъ городѣ, а потому думаю, оно испорчено.

„У меня есть указатель ко всѣмъ картамъ этихъ странъ, но нигдѣ не нахожу названій мѣстъ отъ слова Těch = Čech.

Имя Tjechomil, уменшительное Tješa, носили князья сербскіе (старшій есть у Энгеля и др.)

„То-есть: Tjechomil, Tješa былъ отецъ Немани, былъ великимъ жупаномъ сербскимъ 1161—1165. Сынъ его былъ великій Неманя.

„Великій Неманя, владѣвшій отъ 1165—1197, имѣлъ опять сына, котораго звали Tjechomil, Tješa.

„Объ этомъ сынѣ историки даютъ очень сбивчивыя показанія. Но изъ Ансберта, изданнаго Добровскимъ, видно, что онъ былъ сынъ Немани.

„Эти имена въ латинскихъ и греческихъ хроникахъ испорчены: Tichomil, Dessa, у Ансберта Tohu вмѣсто Tješa. Но свои лѣтописцы употребляютъ Tjechomil, Tješa, а народъ и по сіе время говоритъ Tješa, Teša.

„Въ словарѣ Вука найдете Теша, Тешо = Ѳеодоръ. Можетъ быть народъ и употребляетъ такъ. Но это hysteron proteron и странно, что ни Вукъ, ни Копитаръ этого не отмѣтили.

„Именъ на славъ есть нѣсколько, но также и на словъ.

„Извѣстная въ Сербіи рѣка Лугоміра течетъ въ Мораву. Византійцы упоминаютъ ее около XI—XII в. передавая на письмѣ формой *λογγομηρη*. Она и до сихъ поръ называется: Лугоміра“[1]).

Такъ какъ центромъ занятій Шафарика, находившагося по близости къ Балканскому полуострову и имѣвшаго возможность пользоваться услугами не только ближайшихъ сербовъ, но также болгаръ и даже македонцевъ, былъ славянскій югъ, то очень понятно, что исторіи южныхъ славянъ онъ и думалъ посвятить свое первое историко-географическое изслѣдованіе: „Я собираю матеріалы къ своему новому сочиненію политической и литературной исторіи болгаръ и сербовъ. Въ Карловцахъ заказалъ снять копіи со всѣхъ древностей. Если бы былъ у меня кто-нибудь въ Дубровникѣ, гдѣ архивъ сербскихъ королей и масса славяно-сербскихъ древностей! Быть-можетъ

---

[1]) Č. Č. M. 1875 г. стр. 136—137. Письмо 10 марта 1828 г.

осенью отправлюсь въ Хорватію и оттуда въ Дубровникъ“ [1]). Въ письмѣ 20 февраля: „Мнѣ бы хотѣлось понемногу приготовить исторію славянъ въ Турціи въ политическомъ, церковномъ и литературномъ отношеніи. Къ этому сочиненію будетъ приложена и карта“.

Работа шла у Шафарика быстро, матеріалы росли. „Слава Богу, у меня ужъ столько матеріаловъ, что никто въ Европѣ со мною помѣряться не можетъ. Нужны только время и сила все это редактировать. Для топографико-географической части я извлекъ изъ византійцевъ и другихъ авторовъ среднихъ вѣковъ пять малыхъ фоліантовъ. Приготовивъ эту часть, приступлю къ исторической. Но все это еще въ лонѣ Божіемъ“ [2]).

Онъ думалъ дать имъ имя „Описанія юго-славянскихъ земель“:

„Собирая матеріалы къ Описанію юго-славянскихъ земель, я принужденъ снова безпокоить васъ. Изъ приложенной записки увидите, что мнѣ нужно“ [3]). Но подъ такимъ заглавіемъ задуманный трудъ не появился. Вмѣсто того вышло извѣстное сочиненіе: Über die Abkunft der Slaven nach Lorenz Surowiecki. Въ первый разъ встрѣчаемъ указаніе на это въ письмѣ Коллару 1-го октября 1827 г.

„Нѣкоторые плоды моихъ географическихъ изслѣдованій въ Иллирикѣ предложу вамъ въ печати еще въ эту зиму какъ бы въ дополненіе сочиненія Суровецкаго“ [4]). Сначала Шафарикъ предназначалъ свое изслѣдованіе для какого-либо журнала на чешскомъ яз. и въ виду настоящій Копитара также и на нѣмецкомъ въ Jahrbücher:

„Я пишу критику и дополненія къ Суровецкому: о старыхъ славянахъ. Меня побуждали къ тому различныя причины. Я собралъ матеріалы для географіи Ѳракіи и Иллирика, которыхъ разработки хватитъ на цѣлую жизнь человѣка.

„Въ этихъ изысканіяхъ я напалъ на такія вещи, о которыхъ смѣло могу сказать, было бы жаль, если бы онѣ со мною погибли. Бо́льшую ихъ часть ношу съ собою. Поэтому долженъ спѣшить, чтобы съ этимъ подѣлиться. Сдѣлаю это въ разсужденіи на чешскомъ яз.; но такъ какъ и Копитаръ настойчиво приступаетъ, то можетъ случиться, что одновременно дамъ извлеченія и въ Вѣнскій Ежегодникъ. Что касается критики, то она будетъ заключаться не въ опроверженіи, а въ подтвержденіи и расширеніи.

„Одинъ вопросъ разрѣшилъ навѣрное, о которомъ сомнѣвался Суровецкій: жили ли славяне до Прокопія (550) во Ѳракіи и Иллирикѣ? Надѣюсь, что сказанное мною будетъ ново и неожиданно“ [5]). Нѣсколько позднѣе Шафарикъ придавалъ своему новому труду большее значеніе въ сравненіи съ трудомъ своего предшественника, на-

---

[1]) Č. Č. M. 1874 г. стр. 60. Письмо 2 февр. 1826 г. Сравни также слѣдующее 9 февраля: In bulgaro-serbicis иду впередъ. Съ каждымъ годомъ открывается у меня новое поле ib.

[2]) ib. стр. 62.

[3]) Письмо 8 февр. 1824 г. Č. Č. M. 1874 г. стр. 280.

[4]) Тамъ же.

[5]) Č. Č. M. 1874 г. стр. 418.

[5]) Письмо 25 окт. 1827 г. Č. Č. M. 1874 г. стр. 420.

ходя, что ему удалось достигнуть болѣе прочныхъ результатовъ и представить неопровержимыя, почти математически точныя доказательства:

„Мои прибавленія, моя критика Суровецкаго опровергаетъ всѣ его собственныя историческія положенія. Я обнялъ народъ нашъ съ высшей точки зрѣнія — его древность, его многочисленность, его прадревность въ Европѣ для меня болѣе не загадки — никоимъ образомъ, я во всемъ этомъ убѣжденъ съ математическою точностію“[1]).

Когда изслѣдованіе печаталось, Шафарикъ, предчувствуя нападки критики, просилъ Коллара прочесть вторую его часть, касавшуюся этимологіи собственныхъ именъ въ особенности, и отмѣтить въ ней все, что на его взглядъ есть неславянскаго:

„Если время и обстоятельства допускаютъ, прочтите пожалуйста вторую часть моего изслѣдованія и если бы вы того или другого не одобрили, въ особенности что касается этимологіи именъ, отмѣтьте. Опасаюсь критики Добровскаго и другихъ и т. д. Хорошо знаю, что эта часть разсужденія подыметъ противъ меня цѣлую толпу противниковъ — нѣмцевъ и славянъ! У насъ всѣ, начиная отъ Агамемнона до самаго простого воина, завзятые этимологи. Каждый съ своей системой въ головѣ, напр. Skythae = z kýty или skytatise. Поэтому, если бы вамъ то или другое географическое имя показалось неславянскимъ, пожалуйста отмѣтьте и пошлите мнѣ: мы могли бы скорѣе совсѣмъ его выпустить. Во всякомъ случаѣ лучше выпустить, что не вѣрно и сомнительно, нежели помѣщеніемъ такихъ объясненій отнимать вѣру къ предметамъ вѣрнымъ и несомнѣннымъ — у недозрѣлыхъ“[2]).

Увѣренность въ справедливости своего взгляда была въ немъ велика, и онъ считалъ себя готовымъ встрѣтить ожесточенную полемику противниковъ:

„Будь что угодно, я готовъ выступить на поле битвы и встрѣтиться съ этими нѣмецкими великанами. Мой взглядъ на славянскія древности покоится на прочныхъ основаніяхъ. Все, все ихъ подтверждаетъ и каждый день даетъ мнѣ новые доводы. Только тогда, когда мы покончимъ съ этой нѣмецкой гидрой, и между нами, что касается этого пункта, засвѣтитъ болѣе ясный день. Перестанутъ и наши поддакивать нѣмцамъ. Пусть узнаютъ, кому что принадлежитъ. Мы должны одинъ разъ начать, какъ бы ни старались уклоняться. Я по крайней мѣрѣ вооружаюсь — и если будетъ нужно — встрѣчусь съ страшной и неожиданной полемикой“[3]).

Изъ письма 2 октября 1828 г. видно, что печатаніе его уже подвигалось къ концу: „на этой недѣлѣ, писалъ Шафарикъ къ Коллару, пріѣдетъ въ Пештъ Стратиміровичъ Кульпинскій и безъ сомнѣнія посѣтитъ и Васъ. Если онъ васъ спроситъ о моей книгѣ, скажите ему, что послѣдняя въ наборѣ и что за печатаніе я уже почти все заплатилъ (350 флор.), остается доплатить около 50“[4]).

Изслѣдованіе о происхожденіи славянъ по Суровецкому, какъ уже можно было видѣть, являлось только починомъ громаднаго труда Шафарика о Славянскихъ Древно-

---

[1]) Č. Č. M. 1875 г. стр. 137. Письмо 10 марта 1828 г.
[2]) Č. Č. M. 1875 г. стр. 142. Письмо 12 іюня 1828 г.
[3]) Č. Č. M. 1875 г. стр. 146. Письмо 11 сент. 1828 г.
[4]) Č. Č. M. 1875 г. стр. 147—148.

стяхъ. Едва успѣлъ онъ окончить его, какъ уже писалъ Коллару о своихъ занятіяхъ исторической картой Сербіи, которую съ нетерпѣніемъ ожидали сербы, обѣщая составителю матеріальную поддержку: „Я нынѣ, стряхнувъ съ плечъ долой разсужденіе о происхожденіи славянъ, употребляю всѣ усилія для приготовленія карты нашей дорогой и еще юной Сербіи — карты историческо-топографической. Матеріалы собраны у меня для нея такіе, какихъ нѣтъ ни у кого въ Европѣ. Если меня не посѣтитъ какая-нибудь невзгода, буду готовъ къ осени. Изъ Сербіи настаиваютъ и обѣщаютъ много. Надѣюсь, что принесу пользу не только инымъ, но и себѣ, въ чемъ очень нуждаюсь“[1]).

Карта эта впрочемъ не вышла, но она несомнѣнно входила въ тотъ новый матеріалъ, который оставался въ распоряженіи автора и послѣ напечатанія разсужденія О происхожденіи славянъ: „Что касается нашихъ древностей, въ нихъ еще такъ много темнаго и тѣмъ не менѣе заслуживающаго объясненія, что намъ надолго хватитъ надъ ними работать. Я опять собралъ обильный матеріалъ на будущее время. Хорошо бы сдѣлали, если бы какъ можно скорѣе выступили съ результатами вашего изслѣдованія — по крайней мѣрѣ я бы опирался на васъ, а критика неславянъ, которая — я предвижу — съ бѣшенствомъ на меня накинется, принуждена была бы дѣлить свою силу“[2]).

27 ноября Шафарикъ извѣщалъ Коллара о собранныхъ имъ новыхъ матеріалахъ, важность которыхъ по его взгляду превышала цѣнностію результаты до сихъ поръ произведенныхъ изслѣдованій. Занятія памятниками древней сербской литературы, которыя осенью 1828 г. Шафарикъ велъ съ особой энергіей, самъ переписывая многіе изъ нихъ, другіе заказывая переписывать подъ своимъ надзоромъ, на нѣкоторое время отвлекли его отъ обработки Древностей, но, предвидя скорое окончаніе трудовъ по перепискѣ сербскихъ памятниковъ, онъ уже снова горѣлъ желаніемъ приняться за Древности: „Много еще остается тутъ работы: почти каждый день приноситъ золотыя зерна. Еслибы только вы выступили, прежде чѣмъ Добровскій поразитъ меня своимъ жезломъ. Онъ уже подымаетъ руку. Я готовъ вступить въ борьбу и съ нимъ, если придется“. Далѣе Шафарикъ очень рѣзко отзывается о Добровскомъ. Упоминая о участіи Добровскаго въ рецензіи Гормайера на Кохъ-Штернфельда, онъ пишетъ: „Все, что тамъ Добровскій говоритъ о слав. древностяхъ, такъ тривіально, такъ ошибочно, что даже гнусно. Онъ повторяетъ сто разъ уже высказанныя и сто разъ отвергнутыя вещи (какъ папа противъ протестантовъ). Все это даже не заслуживало бы и чтенія, но мы должны считаться и съ этимъ, а потому вы хорошо сдѣлаете, если время отъ времени будете посматривать въ W. Jahrb“. Затѣмъ слѣдуютъ объясненія цѣлаго ряда словъ изъ древнихъ сербскихъ памятниковъ: „слово поклисаръ я нашелъ во многихъ мѣстахъ. Но есть масса древнесербскихъ словъ, отъ которыхъ можно прійти въ отчаяніе: „себръ — холопъ, поселянинъ, нынѣ у сербовъ испорчено въ

[1]) Письмо 8 іюня 1828 г. Č. Č. M. 1875 стр. 142. Объ этой картѣ сказано немного ранѣе въ письмѣ 10 марта 1828 г.: „Приготовленіе карты Сербіи — если Богъ дастъ здоровья — будетъ моей первой работой — и матеріаловъ для нея у меня болѣе, чѣмъ у кого-нибудь въ Европѣ“. Č. Č. M. 1875 г. стр. 137.

[2]) Тамъ же стр. 145. Письмо 11 сентября 1828 г.

сірог. Меропхъ — холопъ, поселянинъ. (Оба слова можетъ быть арнаутскія, валашскія?) Нурія — приходъ, иногда каѳедра. Гусаръ, хусаръ — разбойникъ (уже въ грамотѣ 1302 г.) и глаголъ гусарити, гусарство (ср. мадьярское huszar). Хусаръ морскій — морской разбойникъ, пронаръ, кажется наше želir[1]).

По словамъ Пречка въ письмахъ Коллару отъ 1829 по 1830 гг. находимъ много взглядовъ, высказанныхъ позднѣе въ Древностяхъ, напр. объясненія словъ сполинъ отъ спаловъ, штудъ отъ скиѳовъ, оброъ отъ аваровъ, сопоставленіе слова витязь съ Vithingy и т. д.[2]).

Позднѣе послѣ переселенія Шафарика въ Прагу свѣдѣнія о ходѣ занятій славянскими древностями находятся главнымъ образомъ въ письмахъ къ Коллару и Мацѣевскому. Изъ приведенныхъ у Иречка выдержекъ видно, что Шафарикъ въ области слав. древностей всего менѣе опасался встрѣтить препятствій со стороны цензуры. 10 октября онъ писалъ Коллару: „Я значительно подвинулся въ составленіи Слав. Древностей. Пишу эту работу систематически и обширно, чтобы она могла служить первою частью моей исторіи слав. литературъ и въ то же время особымъ сочиненіемъ“. Изъ письма 24 ноября видно, что Слав. Древности всецѣло поглощали вниманіе Шафарика: „Меня такъ занимаютъ Слав. Древности, что некогда и подумать о другихъ вещахъ. Передо мною открывается новый міръ, о которомъ ранѣе я и не предполагалъ. Старшую эпоху отъ времени Геродота до Аттиллы я приготовилъ начерно; остается другая до 9 и 10 столѣтія. Эта гораздо легче и пріятнѣе. Едва ли впрочемъ приготовлю этотъ трудъ въ рукописи къ концу будущаго года. Къ сочиненію будутъ присоединены и двѣ карты для старѣйшей и позднѣйшей эпохи.

Въ 1835 г. Славянскія Древности были уже готовы для печати.

Въ послѣднемъ выпускѣ Часописа за этотъ годъ Палацкій напечаталъ интересное предувѣдомленіе о выходѣ въ свѣтъ Славянскихъ Древностей. „Всѣмъ извѣстно, — писалъ онъ, — что исторія первыхъ вѣковъ ни одного великаго народа ни въ Европѣ, ни въ Азіи не покрыта такой тьмой и не запутана такими сомнѣніями, какъ наша славянская. Все, что въ ней переходило за эпоху великаго переселенія народовъ, до сихъ поръ основывалось на догадкахъ болѣе или менѣе основательныхъ, но иногда и совсѣмъ превратныхъ. Поэтому понятно, съ какою великою радостью мы можемъ увѣдомить нашихъ почтенныхъ читателей о скоромъ выходѣ въ свѣтъ чрезвычайно важнаго сочиненія, которымъ, какъ мы въ томъ вполнѣ убѣждены, впервые открывается новая эпоха въ изученіи этого предмета: это Славянскія Древности Шафарика, зрѣлый плодъ чрезвычайной учености, глубокой проницательности и многолѣтнихъ усердныхъ разысканій. Заслуги Шафарика въ области исторіи и литературы славянской извѣстны не только всему славянству, но и всѣмъ просвѣщеннымъ народамъ; тѣмъ не менѣе только въ этой книгѣ ему, по нашему мнѣнію, удалось поло-

[1]) Č. Č. M. 1875 г. стр. 151—152.

[2]) Osvěta, 10, стр. 884. Между матеріалами этого времени въ музеѣ есть двѣ связки Выписки о яз. литовскомъ 1833 и краткія записки къ сочиненію о Славянскихъ Древностяхъ 1833 изъ рукописей по древней географіи.

жить конецъ всѣмъ голословнымъ догадкамъ и всякому спору объ этомъ предметѣ и изъ пепла древности собрать столько свѣта, что не только исторія славянъ, но и ихъ старыхъ сосѣдей, скиѳовъ, кельтовъ, германцевъ, сарматовъ, финновъ и др., получаетъ неожиданную ясность и достовѣрность, можно сказать болѣе: вся древняя исторія Европы предстанетъ въ новомъ свѣтѣ.

„Славянскія Древности, по плану автора, будутъ заключать въ себѣ всевозможныя извѣстія и свѣдѣнія о древнихъ славянахъ съ древнѣйшей эпохи до времени обращенія ихъ въ христіанскую вѣру. Они будутъ состоять изъ двухъ частей, исторической и нравоописательной. Въ исторической части идетъ рѣчь о происхожденіи, первоначальныхъ жилищахъ, развѣтвленіи и исторіи древнихъ славянъ съ присоединеніемъ этнографическаго обзора ихъ прародины. Въ нравоописательной части заключаются подробныя свѣдѣнія о ихъ нравахъ и обычаяхъ, промыслахъ и ремеслахъ образованности и искусствахъ, языкѣ, о семейномъ порядкѣ и общественномъ строѣ, религіи и т. д. Историческая часть раздѣлена на два отдѣла, изъ которыхъ первый простирается съ древнѣйшей исторически извѣстной эпохи до паденія гуннской и римской имперіи, или до второй половины V в., другой отъ этого времени до перевѣса христіанства у главныхъ славянскихъ народовъ, или иначе говоря, до конца X в. Въ первомъ рѣчь идетъ о славянскомъ племени, живущемъ среди другихъ европейскихъ племенъ (которыхъ исторія и отношенія къ славянству въ главныхъ чертахъ представлены въ систематическомъ обзорѣ) и его исторіи въ общемъ; во второмъ излагается исторія славянъ, уже раздѣленныхъ на разные народы и государства, какъ-то: чеховъ, поляковъ, русскихъ, болгаръ, сербовъ и др. Что касается пріемовъ изложенія и слога, то Шафарикъ старался избрать средній путь, чтобы въ равной степени быть полезнымъ своимъ трудомъ всему чешскому обществу, какъ ученымъ, такъ и простымъ любителямъ чешско-славянскаго чтенія и отечественной исторіи. По этой причинѣ самый текстъ сочиненія написанъ исключительно по-чешски, такъ что всѣ историческія свидѣтельства, приводимыя изъ иноязычныхъ писателей, въ его сочиненіи переведены на чешскій языкъ. Что же касается такихъ ссылокъ, которыя необходимо было привести и въ оригиналѣ, то онѣ отчасти помѣщены въ присоединенныхъ къ тексту примѣчаніяхъ, отчасти въ особомъ выборѣ старѣйшихъ и важнѣйшихъ свидѣтельствъ о древнихъ славянахъ, который авторъ думаетъ приложить въ концѣ сочиненія. Такимъ образомъ безъ ущерба основательности значительно облегчается возможно большему числу читателей чтеніе книги, заключающей въ себѣ выводы ученаго изслѣдованія. Каждая часть будетъ представлять самостоятельное цѣлое и будетъ снабжена указателемъ. Историческая часть, къ которой прилагаются и двѣ историческія карты, почти совершенно готова для печати, и авторъ надѣется, если найдетъ въ обществѣ достаточную поддержку, въ началѣ будущаго года приступить къ печатанію этой объемистой по размѣрамъ половины. Объ этомъ своевременно выйдетъ особое оповѣщеніе[1]). И мы вполнѣ увѣрены, что не найдется такого чеха и просвѣщен-

[1]) Въ первомъ выпускѣ Č. Č. M. за 1836 г. было помѣщено обѣщанное оповѣщеніе объ изданіи Древностей, подписанное Шафарикомъ въ Прагѣ 1 Февр. 1836 г. на чеш-

наго славянина, который, насколько это отъ него зависитъ, не придетъ на помощь, потому что подобаетъ, чтобы такое необычайное явленіе въ нашей литературѣ, нашло также и необычную поддержку въ обществѣ".

Это прекрасно написанное предувѣдомленіе не достигло однако своей цѣли вполнѣ: число подписчиковъ было невелико и Славянскія Древности вышли только благодаря сочувствію отдѣльныхъ лицъ изъ среды русскаго общества. Бывшій посредникомъ между ними и авторомъ Погодинъ, когда печатаніе Древностей при помощи незначительной поддержки Чешскаго Музея чуть было не пріостановилось, два раза послалъ Шафарику по 500 р.; безъ этого участія, по собственному признанію Шафарика, его Древности никогда бы не вышли вполнѣ. Благодарный авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ въ теплыхъ словахъ выразилъ глубокую признательность обоимъ своимъ друзьямъ Палацкому и Погодину.

Выходъ Древностей, понятное дѣло, обратилъ общее вниманіе ученыхъ. Палацкій въ Č. Č. M. за 1838 г., вып. I выступилъ съ одушевленной рецензіей этой книги: „Хотя нашимъ патріотическимъ читателямъ, уже давно имѣющимъ въ рукахъ эту книгу, нѣтъ необходимости говорить о ея содержаніи или восхвалять чрезвычайную ученость, глубокомысліе и основательность автора, — писалъ онъ, — однако мы считаемъ не только не лишнимъ, но даже прямо необходимымъ снова поговорить объ этомъ сокровищѣ нашей литературы, если бы даже наша бесѣда не привела ни къ чему другому, по крайней мѣрѣ послужила къ тому, чтобы книгу охотно раскупали, выражая тѣмъ самымъ признательность благородному автору, подарившему намъ такой трудъ". Отсылая тѣхъ, кто хочетъ знать содержаніе книги къ первому предувѣдомленію, Палацкій останавливается на общей оцѣнкѣ новаго сочиненія Шафарика, при чемъ естественно сравниваетъ его съ близко стоящимъ къ нему изслѣдованіемъ о происхожденіи славянъ: „Шафарикъ, какъ извѣстно десять лѣтъ тому назадъ издалъ въ Пештѣ книгу о происхожденіи славянъ на нѣмецкомъ яз., обратившую общее вниманіе ученыхъ. Многіе изъ нихъ хвалили его новые взгляды и принимали ихъ; другіе ему возражали, хотя по большей части частнымъ образомъ и въ отдѣльныхъ пунктахъ,

---

скомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ немъ между прочимъ было сказано: „неоднократно любители нашего яз. и литературы публично выражали пожеланія, чтобы о слав. древностяхъ на основаніи источниковъ было написано и издано въ свѣтъ на отечественномъ яз. что-либо болѣе обширное и основательное въ сравненіи съ тѣмъ, что мы до сихъ поръ имѣемъ. Нижеподписавшійся послѣ многолѣтней подготовки отважился на этотъ немалый трудъ и, окончивъ его, готовъ предложить почтенной публикѣ плоды своихъ изслѣдованій въ особомъ сочиненіи Славянскія Древности". Далѣе слѣдуетъ пересказъ содержанія ихъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и въ статьѣ Палацкаго. При этомъ прибавлено, что оповѣщеніе касается только I тома Древностей и что къ этому тому будутъ приложены двѣ историческія карты. Затѣмъ опредѣляется объемъ издающейся книги въ печатныхъ листахъ и его цѣна въ выпускахъ, указываются магазины, въ которыхъ принимается подписка. Въ заключеніе сказано: „питаю надежду и увѣренность, что почтенное чешско-славянское общество не поставитъ себѣ въ трудъ поддержать меня своимъ расположеніемъ и участіемъ при изданіи этого, думаю, полезнаго славянству и въ то же время требующаго большихъ издержекъ сочиненія".

а не въ цѣломъ и не публично; всѣ однако соглашались въ томъ, что авторъ соединяетъ рѣдкое остроуміе съ усердіемъ и многосторонней ученостію. Кто бы впрочемъ теперь по объему и методу этого прежняго сочиненія захотѣлъ судить о новомъ, впалъ бы въ крупную ошибку. Обѣ книги, если оставить въ сторонѣ выдающійся талантъ автора, въ чемъ-либо другомъ имѣютъ между собою мало общаго. Первая, незначительная по объему, была критическаго характера; вторая, обширная размѣрами, представляетъ догматическо-систематическое изложеніе. Въ первой книгѣ еще давалось мѣсто этимологическимъ догадкамъ, во второй игра этимологіей оставлена и только ученой герменевтикѣ древнихъ и новыхъ языковъ отведено должное мѣсто. Въ первомъ сочиненіи свойственное изслѣдователямъ древностей, въ особенности нѣмцамъ по происхожденію, стремленіе присвоивать своему народу какъ можно большее количество народовъ Европы, происхожденіе которыхъ точно не опредѣлено, не обуздано въ достаточной степени, а потому искано и найдено въ различныхъ предѣлахъ древней Европы гораздо болѣе славянъ нежели въ новомъ, въ которомъ исключено все сомнительное, отвергнута всякая лихая для славянства корысть, и только то приписывается имъ, на что они имѣютъ дѣйствительное право. Если нѣкоторымъ славянамъ быть-можетъ этого мало, а наоборотъ инымъ неславянамъ и этого все еще кажется слишкомъ много, то мы не сомнѣваемся, и тѣ и другіе сознаютъ свое заблужденіе и согласятся съ г-мъ Шафарикомъ, пусть только они приложатъ къ изслѣдованію предмета, помимо всесторонніхъ глубокихъ знаній, не предвзятый, искренній и скромный образъ мыслей.

Далѣе Палацкій указываетъ на подготовленность Шафарика къ работѣ, за которую онъ взялся. По его мнѣнію, у славянъ Шафарикъ является представителемъ нѣмецкой школы братьевъ Гриммовъ, онъ превосходно знаетъ языки и древніе и новые, азіатскіе и европейскіе. Что касается началъ сравнительнаго языковѣдѣнія, то онъ примыкаетъ къ В. Гумбольду, Боппу и Потту и во всѣхъ языкахъ обращаетъ вниманіе не на случайное созвучіе, а на корни и основы словъ, на постоянныя правила, которымъ они слѣдуютъ въ своемъ развитіи. Палацкій хорошо сознаетъ, что безъ такого компаса никто больше не осмѣлится пуститься въ море древности европейскихъ народовъ, если не захочетъ заблудиться. Онъ указываетъ на превосходное знакомство Шафарика съ источниками, какъ бы они разнообразны ни были, скандинавскими сагами, византійскими лѣтописями, памятниками древне-славянской письменности. Въ особую заслугу Шафарику ставитъ Палацкій то, что онъ, не ограничиваясь простымъ знакомствомъ съ источниками греческой и римской литературы, въ текстѣ двухъ важнѣйшихъ изъ нихъ Плинія и Птоломея, который въ современныхъ изданіяхъ очень неисправенъ, постарался объ исправленіи въ нихъ (при помощи лучшихъ рукописей французскихъ и итальянскихъ библіотекъ) по крайней мѣрѣ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о славянахъ и сосѣдяхъ ихъ.

Ставитъ на видъ Палацкій и еще одно качество въ трудѣ Шафарика, которое можно опредѣлить какъ благородное стремленіе къ истинѣ: „съ такой научной подготовкой благородный изслѣдователь соединилъ и качества души, содѣйствующія удачному исканію истины. Онъ дорожилъ не столько словомъ, сколько истиной; онъ не

слѣдовалъ большинству нѣмецкихъ писателей въ томъ, чтобы изъ исторіи первыхъ вѣковъ своего народа выбирать только одну похвалу ему; мало того, онъ не устыдился высказанное ранѣе ученіе отвергнуть и исправить, убѣдившись вслѣдствіе дальнѣйшихъ занятій предметомъ въ его неосновательности. Такое отношеніе къ дѣлу мы чтимъ тѣмъ болѣе, чѣмъ оно рѣже между людьми нашего времени, и филологами въ особенности".

Высказавъ общее замѣчаніе въ томъ родѣ, что въ подробный разборъ того, что новаго и важнаго внесли въ науку Древности, пускаться невозможно, потому что тогда пришлось бы написать цѣлую книгу, Палацкій остановился лишь на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросахъ древностей, которые въ его глазахъ имѣли особенный интересъ и важность. „Въ 1-мъ отдѣлѣ, по его мнѣнію, особенною тщательностію и основательностію отличается глава о Сарматахъ — народѣ, вышедшемъ изъ Мидіи, незначительные остатки котораго и понынѣ сохранились на Кавказѣ подъ именемъ алановъ и осетинцевъ. Убѣдительное доказательство, что они не были славяне, а народъ, отличный отъ славянъ, равно какъ и отъ нѣмцевъ, кельтовъ, литовцевъ и чуди, мы считаемъ главной заслугой этой книги, настоящей эпохой въ изученіи славянскихъ древностей. Наоборотъ теперь никто не будетъ считать старыхъ венедовъ за вѣтвь нѣмецкую или сарматскую".

Во второмъ отдѣлѣ Шафарикъ проложилъ путь будущимъ изслѣдователямъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, открывъ имъ входъ изъ мрака древности въ ту эпоху, гдѣ имъ не дадутъ заблудиться ихъ домашніе источники. Особое вниманіе читателей обращалъ Палацкій на огромныя географическія изслѣдованія на родинѣ всѣхъ славянъ русскихъ, польскихъ, балканскихъ, въ которыхъ у него не было предшественниковъ.

Интересно отмѣтить и то, что взглядъ Шафарика на вопросъ о происхожденіи церковно-славянскаго языка и литературы казался Палацкому рѣшеннымъ навсегда и окончательно, такъ что сомнѣваться въ такомъ рѣшеніи, по его мнѣнію, можно только съ предвзятыми мыслями. Извѣстно, что къ концу своей жизни Шафарикъ измѣнилъ этотъ взглядъ и перешелъ на сторону своихъ противниковъ — Копитара. Тѣмъ любопытнѣе, что въ послѣднее время происходитъ въ наукѣ поворотъ въ рѣшеніи этого вопроса и какъ разъ въ направленіи, какого Шафарикъ держался въ Древностяхъ.

Палацкій заканчиваетъ свою рецензію слѣдующими словами: „Г-нъ Шафарикъ взялся за труднѣйшую задачу исторической науки (по крайней мѣрѣ въ наше время во всей области историческаго и филологическаго изслѣдованія не было предмета болѣе труднаго и запутаннаго, чѣмъ оставленная въ пренебреженіи и извращенная исторія первыхъ вѣковъ славянства) и исполнилъ свое сочиненіе съ удивительнымъ и неожиданнымъ успѣхомъ. И мы не боимся заявить публично, что уже очень давно ни въ одной странѣ, ни у одного народа въ Европѣ не появлялось подобнаго явленія, которымъ теперь можетъ гордиться наша литература. Благородный авторъ, который отреченіемъ отъ всякихъ удобствъ въ жизни, принесъ нашему народу такую драгоцѣнную жертву, можетъ найти достойную за то награду только въ сознаніи своего подвига. Кто такъ безкорыстно, искренне и всецѣло посвящаетъ жизнь одной наукѣ

и своему народу, тотъ и по смерти своей не перестанетъ жить въ народѣ и, вѣчная память у потомковъ возмѣститъ ему благодарность, быть-можетъ недостаточно воздданную современниками. И вѣрю, если чешскому языку, а съ нимъ и нашему народу въ будущихъ вѣкахъ суждено погибнуть и исчезнуть изъ среды народовъ — отъ чего сохрани насъ Боже — его трудъ не погибнетъ, а будетъ жить и не перестанетъ приносить пользу, пока будетъ существовать славянство и исторія".

Такъ думали о Славянскихъ Древностяхъ чехи, гордясь славнымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ родной литературы. Не меньшее впечатлѣніе производило знакомство съ трудомъ Шафарика и у другихъ славянъ. Извѣстны отзывы Срезневскаго, Бодянскаго. Книгу тотчасъ же стали переводить на всѣ языки. На русскій она была переведена Бодянскимъ, на польскій Боньковскимъ, на нѣмецкій Мозигомъ изъ Эренфельда, была попытка перевести ее и на сербскій языкъ, не осуществившаяся впрочемъ[1]).

Извѣстность Шафарика послѣ этого труда получила общее признаніе, выражавшееся избраніемъ его въ члены ученыхъ обществъ и академій.

Перейдемъ теперь къ тому, какъ смотрятъ на славянскія древности въ наше время, когда прошло почти 60 лѣтъ съ того времени, какъ онѣ появились въ печати. При этомъ мы воспользуемся статьей проф. Нидерле, одного изъ чешскихъ ученыхъ, занимающихся въ наше время славянскими древностями.

Къ изученію славянскихъ древностей, по мнѣнію Нидерле, можно приступить на основаніи пяти источниковъ: 1) на основаніи извѣстій древнихъ историковъ, лѣтописцевъ, географовъ и т. д. 2) на основаніи данныхъ сравнительной филологіи, 3) на основаніи сохранившихся до насъ археологическихъ памятниковъ, 4) на основаніи изученія современной этнографіи и 5) на основаніи антропологическаго изученія славянскихъ народовъ. Источниковъ 3-й и 5-й группы во время Шафарика еще не было. Шафарикъ основывалъ свои выводы главнымъ образомъ на источникахъ историческихъ, стремясь извлечь изъ нихъ все, что было можно, съ особенной проницательностію и критичностію. Если въ этой области мы встрѣчаемся съ ошибками и недостатками, то это зависитъ отъ неудовлетворительности старыхъ изданій источниковъ. Недоставало критическаго изданія, не говоря уже о меньшихъ, даже самыхъ главныхъ писателей, какъ напр.: Геродота, Птоломея, Прокопія, Іордана, Гельмольда, Нестора и др. Иногда онъ принужденъ былъ пользоваться некритичными изданіями 17 и 18 стол., напр. византійскихъ историковъ. Поэтому нѣкоторыя извѣстія, на которыхъ онъ основывался, были неисправны, напр. сообщеніе Маврикія о славянахъ изобилуетъ по указанію Мюлленгофа ошибками.

При такихъ обстоятельствахъ нѣкоторыя подробности въ изображеніи славянскихъ древностей представляются теперь въ иномъ видѣ. Но это уже вина не Шафарика; онъ и самъ думалъ бы иначе, имѣя подъ руками новыя изданія. Отъ этого не страдаетъ трудъ Шафарика въ цѣломъ: начитанность его въ источникахъ громадна и заслуживаетъ полнаго признанія. А если принять во вниманіе условія, въ какихъ по

[1]) Сравни нашу статью: Бодянскій и Шафарикъ, стр. XXXV.

отношенію къ источникамъ находился Шафарикъ въ Новомъ Садѣ, да и въ самой Прагѣ, если принять во вниманіе, что всѣ эти источники были исчерпаны имъ въ такое короткое время 13 лѣтъ, то придется только подивиться громадности труда, положеннаго на составленіе славянскихъ древностей.

Важнѣйшими источниками, касающимися слав. древностей Шафарикъ воспользовался почти безъ исключенія всѣми. Разумѣется, здѣсь слѣдуетъ исключить тѣ, которые были изданы или стали доступны послѣ выхода книги Шафарика, каковы напр.: извѣстіе о славянахъ VI в. епископа Ефесскаго Баръ-Іоанна, біографія Оттона епископа Бамбергскаго и Тимонова реляція о его дѣяніяхъ, хроника монаха Теодора, одна англо-саксонская и нѣкоторыя сѣверныя саги, многія лѣтописи греческія и латинскія и хроники нѣмецкихъ епархій, легенды и житія святыхъ латинскія и греческія, напр. страданіе св. Адальберта, житіе св. Георгія Амастридскаго, славянскія житія св. Меѳодія, св. Стефана Сурожскаго, письма епископа Брунона и др., напр. писатели Востока Ибнъ-Дастъ, Ибрагимъ бенъ Яковъ, Яхъя изъ Антіохіи и т. д.

Обращаясь къ дальнѣйшему разбору Древностей, Нидерле отмѣчаетъ, что Шафарикъ главную заслугу своего труда видѣлъ въ томъ, что неопровержимо доказалъ существованіе славянъ въ Европѣ въ эпоху до Р. Х. и притомъ не только въ тѣсномъ пространствѣ восточной Европы, но и во всей нынѣшней Россіи и Польшѣ на среднемъ теченіи Дуная, отъ Балтійскаго моря до Адріатическаго. Такимъ образомъ цѣлый рядъ прежде неясныхъ мѣстъ у Геродота, Птоломея, Нестора и др. получилъ объясненіе. Доказать старожилость славянъ въ Европѣ было исходнымъ пунктомъ труда Шафарика и главною цѣлью его громадной работы, позднѣйшая исторія отдѣльныхъ славянскихъ племенъ у него стояла на второмъ планѣ.

Этимъ условливался и объемъ слав. древностей.

Въ I отдѣлѣ Шафарикъ ставилъ себѣ цѣлью разрѣшеніе 2 вопросовъ: 1) Славяне старые или новые обитатели Европы? 2) Подъ какими именами они появляются въ исторіи впервые?

Отвѣтъ былъ слѣдующій: 1) Славяне являются членомъ индоевропейской семьи и живутъ въ Европѣ издавна, потому что въ V в. они появляются въ Европѣ такими сильными, что Іорданъ писалъ о нихъ: на огромномъ пространствѣ поселился здѣсь народъ славянскій. Думать, что они появились здѣсь вдругъ — абсурдъ, заключать о переселеніи изъ Азіи, вызванномъ великимъ переселеніемъ народовъ, не позволяетъ исторія. Поэтому славяне должны были здѣсь находиться ранѣе подъ другими именами. Это подтверждается и тѣмъ, что когда они начали нападать на Римскую имперію, ихъ не считали народомъ неизвѣстнымъ, что европейскіе сосѣди имѣютъ въ своемъ словарѣ слова, давно отъ нихъ заимствованныя; это подтверждается сложеніемъ личныхъ славянскихъ именъ, одинаковостію нравовъ съ сосѣдними народами и старыми топографическими названіями напр. въ Панноніи характера несомнѣнно славянскаго.

Что касается второго пункта, то Шафарикъ считалъ два названія первоначальными и всеславянскими: венеды и сербы. Подъ именемъ венедовъ (винидовъ, виндовъ) скрываются славяне у Тацита, Плинія, Птоломея, а принадлежатъ къ нимъ и

венеты адріатическіе, можетъ быть и венеты въ галльской Арморикѣ, Британіи и Пафлагоніи. Венеды было названіе происхожденія нѣмецкаго, имя, которое давалось славянамъ чужими; сербы было напротивъ имя домашнее. Рѣшивъ эти вопросы, Шафарикъ переходитъ къ вопросу о происхожденіи и народности народовъ, бывшихъ сосѣдями славянъ — скиѳовъ и сарматовъ, племенъ чудскихъ, кельтовъ, нѣмцевъ, ѳракійцевъ и литовцевъ.

Затѣмъ, описавъ земли, занимаемыя славянами въ древности, горы, рѣки, озера, города и др., онъ начинаетъ второй отдѣлъ, изображающій выступленіе славянъ въ Европѣ на ряду съ нѣмецкими народами въ IV—VI стол. и описаніе занятыхъ мѣстъ и древнѣйшей исторіи отдѣльныхъ слав. народовъ.

Съ нашей точки зрѣнія, замѣчаетъ проф. Нидерле, можетъ показаться страннымъ, чтобы такой очевидный фактъ, какъ стародавность славянъ въ Европѣ могъ быть основною цѣлью монументальнаго труда Шафарика, но въ то время, когда постоянно провозглашалось, что славяне появились въ Европѣ только въ V в. и не имѣютъ въ ней права на такую же давность, какъ другіе народы: греческій, романскій, германскій, дѣло обстояло иначе".

Нидерле находитъ впрочемъ, что Шафарикъ преувеличилъ полемику съ противниками. Мнѣніе о позднемъ появленіи славянъ въ Европѣ не раздѣлялось большинствомъ изслѣдователей. Главные нѣмецкіе и славянскіе ученые признавали старобытность славянъ въ Европѣ (Шлёцеръ, Гебгарди, Маннертъ, Буле, Фойгтъ, Антонъ и др.). Только Парротъ, Шютцъ, Раумеръ, Галлингъ провозглашали противоположное мнѣніе, но ихъ голоса не имѣли научнаго вѣса.

Полемика съ славянскими учеными также не совсѣмъ основательна. Добровскій не отвергалъ старобытность славянъ въ Европѣ и не утверждалъ, что они пришли въ Европу съ гуннами въ V в. Не считая славянами венедовъ Тацита и Птоломея, онъ считалъ наиболѣе вѣроятнымъ, что славяне издавна сидѣли рядомъ съ готами и литовцами на верхнемъ теченіи Днѣпра и Волги. Копитаръ, судя по всему, возражалъ только противъ ранняго послявяненія Балканскаго полуострова, отчего позднѣе отказался и самъ Шафарикъ.

Рѣзкость мнѣній Шафарика находитъ объясненіе съ особой точки зрѣнія, именно съ точки зрѣнія народной. Шафарикъ былъ человѣкъ чувства, проникнутый патріотизмомъ. Мнѣніе, которое другой бы на его мѣстѣ оставилъ въ пренебреженіи, волновало его до глубины души, и это тѣмъ болѣе, что нѣмецкая публицистика того времени была исполнена ненависти ко всему славянскому... На славянъ смотрѣли не только какъ на позднѣе втеревшихся въ земли, принадлежавшія ранѣе другимъ, но вмѣстѣ съ Парротомъ считали ихъ народомъ монгольскаго происхожденія, свысока смотрѣли на ихъ политическую и общественную жизнь. Это и оскорбляло Шафарика и вызывало горячій отпоръ съ его стороны.

Выводы Шафарика, теперь столь очевидные, имѣли тогда не одно только научное, но и народное значеніе. Только съ этой точки зрѣнія можно понять, отчего Шафарикъ придавалъ такой вѣсъ своимъ положеніямъ: „славяне жили въ Европѣ съ незапамятныхъ временъ и уже до Р. Х. занимали обширное пространство

между морями Балтійскимъ и Адріатическимъ и рѣками Одрой и Дономъ. Они были происхожденія индоевропейскаго наравнѣ съ кельтами, германцами, литовцами, греками, итальянцами, ѳракійцами и арійцами Азіи". Въ цѣломъ этотъ выводъ труда Шафарика имѣетъ и до сихъ поръ и навсегда будетъ имѣть цѣну. Его цѣнность покоится главнымъ образомъ на аргументаціи, которая была такъ убѣдительна, что послѣ изданія Древностей уже ни одинъ благоразумный человѣкъ не могъ сомнѣваться въ старобытности славянъ въ Европѣ.

Иначе обстоитъ дѣло, что касается деталей. Правда, несомнѣнно, что славяне жили въ Европѣ задолго до Р. Х., отчасти оставаясь неизвѣстны классическому міру, отчасти извѣстные подъ другими названіями. Весьма вѣроятно, что напр. въ V в. до Р. Х., когда Геродотъ описывалъ Скиѳію, будины и невры представляютъ намъ племена слав. происхожденія, справедливо, что нѣкоторыя имена мѣстныя въ старой Панноніи неоспоримо славянскія, что современные Плинію и Тациту венеды, позднѣйшіе *Οὐενέδαι* Птоломея и венеты Іордана суть одни и тѣ же слав. племена. Однимъ словомъ прочное поселеніе славянъ въ Европѣ задолго до Р. Х. удостовѣрено, равно какъ и ихъ арійское происхожденіе. Но въ дальнѣйшемъ разселеніе славянъ изъ ихъ прародины въ свои позднѣйшія жилища изображается нѣсколько иначе, нежели это сдѣлалъ Шафарикъ.

Останавливаясь на этихъ пунктахъ, Нидерле приводитъ слѣдующія уклоненія отъ точки зрѣнія Шафарика. Что касается заселенія славянами Балканскаго полуострова, Шафарикъ училъ въ сочиненіи „О происхожденіи славянъ", что славяне уже до вторженія кельтовъ въ IV в. передъ Р. Х. жили въ западной части полуострова, въ Древностяхъ однако отказался отъ славянизма иллировъ и вмѣстѣ съ Суровецкимъ утверждалъ, что славяне пришли на Балканскій полуостровъ только послѣ распаденія гуннской державы въ 5—6 вв. Согласно новымъ изслѣдованіямъ Дринова и за нимъ К. Иречка, славяне начали переходить Дунай въ 3 стол. по Р. Х., а въ 7 ст. заселеніе полуострова было закончено. Съ другой стороны, достовѣрность извѣстія Константина Багрянороднаго о приходѣ сербовъ и хорватовъ въ половинѣ 7 в., которую допускалъ Шафарикъ, отвергли Рачкій и др.

Мѣстами Шафарикъ зашелъ далеко въ послявяненіи нѣкоторыхъ племенъ. Такъ напр., обманутый тождествомъ именъ, венетовъ адріатическихъ съ увѣренностью провозгласилъ за славянъ, а венетовъ въ Пафлогоніи и галльской Арморикѣ и Британіи присоединилъ къ нимъ съ вѣроятностію. Это мнѣніе однако несправедливо, его отвергъ уже Палацкій въ критикѣ на сочиненіе „О происхожденіи славянъ". Венетовъ адріатическихъ по источникамъ историческимъ, согласно надписямъ и памятникамъ археологическимъ, слѣдуетъ причислить къ иллирамъ. Много перемѣнъ произошло и въ ученіи о происхожденіи и древнѣйшей исторіи сосѣднихъ съ славянами народовъ. Такъ напр. Шафарикъ, слѣдуя Нибуру, скиѳовъ считалъ монголами, сарматовъ иранцами. Но Мюленгофъ рѣшилъ почти навѣрное, что остатки языка обоихъ племенъ арійскаго происхожденія, а именно иранскаго. Этимъ впрочемъ еще не рѣшенъ вопросъ о происхожденіи этихъ племенъ, именно вопросъ объ этническомъ родствѣ отдѣльныхъ скиѳо-сарматскихъ племенъ съ славянами. Здѣсь въ послѣднее время новыя и важныя данныя внесла антропологія.

Указанія на эти и подобныя измѣненія, которымъ подвергались детали въ трудѣ Шафарика, не помѣшали однако проф. Нидерле дать слѣдующій общій отзывъ о Слав. Древностяхъ. „Такимъ образомъ и въ цѣломъ и въ деталяхъ остается лишь удивляться Славянскимъ Древностямъ. Мы обязаны принести Шафарику глубокую признательность за его огромное прилежаніе и соединенную съ нимъ начитанность въ источникахъ, которой мы, живущіе при совершенно иныхъ отношеніяхъ, библіотечныхъ и книжнаго торга, не умѣемъ оцѣнить. Къ этому чрезвычайному прилежанію обнаруживающемуся въ массѣ собраннаго матеріала а также и въ его обработкѣ, присоединяется необыкновенная обдуманность системы, желѣзная аргументація, постоянное различеніе главнаго отъ второстепеннаго и въ то же время пластичность и ясность слога, какую рѣдко гдѣ встрѣтимъ. Великолѣпное зданіе Славянскихъ Древностей, какъ его поставилъ Шафарикъ, до сихъ поръ стоитъ прочно, хотя отдѣльные вывѣтрившіеся камни пришлось замѣнить другими, а по мѣстамъ измѣненъ и сводъ, но Шафарикъ въ исторіи изслѣдованій о первобытныхъ временахъ славянства стоитъ передъ старшими и современными намъ изслѣдованіями какъ цѣль, выдвинувшаяся далеко впередъ. Если наука и подвинулась, то подвинулась только мѣстами и мелкою работою, поправками на его великой постройкѣ. Новаго Шафарика до сихъ поръ не появилось, въ сравненіи съ иными изслѣдователями онъ и до сихъ поръ остается величайшимъ“ [1])

Таковъ приговоръ ученаго спеціалиста объ одномъ изъ важнѣйшихъ трудовъ Шафарика. Указываемыя Нидерле поправки деталей его громадной работы вещь вполнѣ понятная. Шафарикъ и самъ не отвергалъ недостатковъ своего труда въ частностяхъ, придавая ему значеніе въ цѣломъ и методѣ! Такъ мы относимся и къ извѣстному взгляду Прейса на Шафарика, какъ ученаго и человѣка. Въ его словахъ, будто бы при чтеніи Древностей почти на каждой страницѣ представлялся случай къ замѣчаніямъ, поправкамъ и дополненіямъ, нельзя не видѣть преувеличенія: всегда легче дѣлать замѣчанія на готовый трудъ, нежели его создать. Копитаръ въ одной изъ своихъ критическихъ замѣтокъ выразился такъ о изученіи древняго періода славянской исторіи: „древнѣйшая исторія славянъ представляетъ все еще такой хаосъ, что нужна еще полдюжина туземныхъ Шлёцеровъ, чтобы отдѣлить въ немъ свѣтъ отъ тьмы“. Въ своихъ Славянскихъ Древностяхъ Шафарикъ одинъ сразу внесъ въ это изученіе такъ много свѣта, что тьма быстро прояснилась, и дальнѣйшая работа стала легкой.

Послѣ славянскихъ древностей третьимъ трудомъ общеславянскаго характера былъ Slovanský Národopis. Въ этомъ сочиненіи Шафарикъ ставилъ своей задачей способствовать къ основательнѣйшему познанію современнаго состоянія славянскаго племени, которое необходимо для успѣшнаго изслѣдованія.

Этимъ обстоятельствомъ Шафарикъ объяснялъ, почему, отложивъ изданіе исторической карты, готовой уже въ рукописи, на другое время, онъ приступилъ къ печатанію славянской этнографіи. Центромъ этого труда была именно карта размѣромъ въ листъ. Эта карта была, по словамъ Шафарика, краткимъ извлеченіемъ изъ богатаго съ давнихъ поръ составляемаго имъ собранія этнографическихъ картъ славянскихъ

---

[1]) Сравни нашу статью П. І. Шаф. и О. М. Бод. стр. III.

земель въ отдѣльности. Какъ поясненіе къ картѣ присоединялся текстъ, въ которомъ излагались границы, занимаемыя территоріей каждаго славянскаго народа, съ краткими замѣчаніями объ особенностяхъ каждаго нарѣчія и его важнѣйшихъ говоровъ и важнѣйшія свѣдѣнія по исторіи литературы. При этомъ Шафарикъ обращалъ вниманіе читателей на то, что настоящее сочиненіе его прежде всего преслѣдуетъ этнографическія цѣли, а грамматическая и литературная части являются лишь второстепеннымъ добавленіемъ. „Поэтому тотъ сильно ошибется и не достигнетъ цѣли, сказано въ предисловіи, кто вздумалъ бы статьи эти мѣрять строгими законами сравнительной грамматики и согласно съ тѣмъ произносить имъ свой приговоръ: рѣшительно не это занимало меня въ настоящее время". Въ концѣ книжки были помѣщены образцы народныхъ говоровъ, заимствованные изъ собраній народныхъ пѣсенъ. Распредѣленіе слав. нарѣчій въ этомъ трудѣ Шафарика нѣсколько отличается отъ принятаго имъ въ исторіи слав. литературъ. Двѣ главныя группы остались тѣ же: юго-восточная и западная. Но въ группировкѣ отдѣльныхъ нарѣчій есть разница. А. 1) Рѣчь русская (нарѣчія великор., малорус., бѣлорус.), 2) рѣчь болгарская (нарѣчіе церковное или кирилловское и нарѣчіе новоболгарское). Здѣсь именно самое существенное отличіе. Во 1-хъ, болг. яз. поставленъ отдѣльно; во-вторыхъ, онъ поставленъ рядомъ съ церковнослав., который разсматривается какъ яз. древне-болгарскій. Такое подраздѣленіе стояло въ связи со взглядами Шафарика, высказанными въ Слав. Древностяхъ. 3) Рѣчь сербская (нарѣчіе сербское, хорватское, хорутано-словенское); В. 1) рѣчь польская (нарѣчіе польское), 2) рѣчь чешская (нарѣчіе чешское и угрословенское). 3) рѣчь лужицко-сербская (нарѣчія верхне-лужицкое и нижне-лужицкое), 4) рѣчь полабская (нарѣчіе древанское).

Несмотря однако на то, что Шафарикъ ставилъ на второй планъ языковѣдную часть книги, и она отличается несомнѣнными достоинствами. Удачная группировка нарѣчій, перечисленіе главныхъ особенностей каждаго для того времени заслуживаютъ полнаго признанія. Успѣхъ этого отдѣла книги былъ подготовленъ одной замѣчательной работой Шафарика, о которой мы до сихъ поръ еще не упомянули и которая была написана имъ еще въ Новомъ Садѣ. Мы разумѣемъ его знаменитыя Serbische Lesekörner, вышедшія въ Пештѣ въ 1833 г. Книга эта была составлена Шафарикомъ въ свободное отъ школьныхъ занятій время холернаго 1831 г. Она предназначалась для журнала Jahrbücher, но по словамъ Шафарика не была тамъ помѣщена вслѣдствіе эгоизма и славолюбія его пріятеля (Копитара) и, несмотря на стѣснительныя обстоятельства, въ которыхъ въ то время онъ находился, была напечана имъ на свой счетъ. Сначала онъ думалъ напечатать ее въ самомъ ограниченномъ количествѣ экз. (именно въ 40) и это потому, что выводы сочиненія были направлены противъ искусственнаго славяно-сербскаго языка, но переходъ Шафарика въ Прагу измѣнилъ это намѣреніе къ счастію для всѣхъ, кто имѣетъ удовольствіе владѣть этой прекрасной книгой въ своей библіотекѣ. Справедливо говоритъ проф. К. Иречекъ: „S. L. принадлежатъ къ самымъ блестящимъ трудамъ Шафарика. Ясно и критически онъ доказалъ въ нихъ, что церковный древнеславянскій языкъ не есть первоначальный языкъ всѣхъ славянъ, какъ еще многіе тогда думали, что отдѣльныя нарѣчія имѣютъ

далекое прошлое и подтвердилъ это положеніе на сербскихъ памятникахъ. Далѣе представленъ списокъ памятниковъ и разборъ ихъ языка, фонетики, формальныхъ, синтаксическихъ и лексическихъ особенностей. Въ концѣ напечатаны образцы языка — первые точно переданные древне-сербскіе тексты въ ученой литературѣ нашего вѣка".

Послѣ этого труда не могла выдерживать критики та пестрота мнѣній о церк.-слав. яз., о которой Шафарикъ писалъ Коллару 24 мая 1823 г.: „Раковецкій считаетъ церковное нарѣчіе прадревнимъ нарѣчіемъ всѣхъ славянъ. Сербы считаютъ его своимъ, русскіе также своимъ. Нѣкоторые говорятъ, что оно наше, паннонскихъ славянъ".

Такія же работы предполагалъ издать Шафарикъ о малорусскомъ и болгарскомъ нарѣчіи (древнемъ и новомъ), при чемъ думалъ пролить новый свѣтъ на кирилловское письмо и церковно-слав. яз. Извѣстно, что ни того, ни другого онъ не успѣлъ сдѣлать, но уже одно то, что онъ думалъ о этихъ предметахъ и собиралъ матеріалъ для предполагаемыхъ работъ, не осталось безъ вліянія на изложеніе особенностей нарѣчій въ Народописѣ. Соединеніе церк.-слав. въ одну группу съ новоболг. и удивительно обстоятельная для того времени характеристика новоболгарскаго подтверждаютъ это.

Успѣхъ Нардописа былъ выдающійся: книга разошлась въ Прагѣ въ два — три дня. Въ томъ же году вышло второе изданіе, а въ 1849 г. третье. Въ 1843 г. Народописъ былъ переведенъ на рус. яз. Бодянскимъ. Высокія достоинства этого сочиненія сразу сдѣлали его руководствомъ для студентовъ университета, какъ объ этомъ можно судить по разсказу Гавличка объ экзаменѣ по слав. нарѣчіямъ въ Московскомъ университетѣ или же напр. по письму Срезневскаго къ Бодянскому. И теперь нельзя безъ удовольствія держать въ рукахъ эту небольшую по объему, но со вкусомъ изданную и привлекательную по изложенію книжку съ превосходной картой[1]).

О ходѣ занятій Шафарика послѣ изданія Národopis'a мы говорили въ статьѣ Шафарикъ и Бодянскій въ Чтеніяхъ за 1896 г. Въ дополненіе къ сказанному въ ней прибавимъ еще нѣсколько замѣчаній.

Чрезвычайный успѣхъ Славянскихъ Древностей дѣлалъ вполнѣ понятнымъ выраженія пожеланій видѣть въ печати появленіе второго тома, въ перепискѣ съ друзьями Шафарикъ и самъ не разъ высказывалъ обѣщаніе выпустить въ свѣтъ продолженіе начатой работы, но, какъ извѣстно, этого не случилось. Второго тома не вышло, осталась только его программа.

Считаемъ не лишнимъ привести ее вполнѣ:

Часть II. Характеръ, жизненныя условія, религія, государственный строй.

Глава I. Особенности физическія и нравственныя. Физическіе признаки. — Тѣ-

---

[1]) Мы конечно имѣемъ въ виду подлинникъ. Переводъ Бодянскаго напротивъ сдѣланъ тяжело и самая внѣшность изданія ничуть не напоминаетъ чешскій оригиналъ. Только карта заслуживаетъ полнаго одобренія: она впрочемъ была отпечатана въ Прагѣ у того же мастера. О Národopis'ѣ, Шафарика и переводѣ его на рус. яз. смотри въ нашей статьѣ П. І. Шафарикъ и О. М. Бодянскій стр. XXV—XXXV при изданіи переписки Шафарика съ Бодянскимъ.

лесныя свойства. — Нравы: миролюбіе, мужественность и храбрость, доброта, гостепріимство, супружеская вѣрность (многоженство), обращеніе со слугами, вѣра, присяга и др.

Заключеніе. Оцѣнка характера старыхъ славянъ.

Глава II. Жилища. — Жизнь домашняя и общественная. — Скотоводство. — Земледѣліе. — Ремесла, искусства. — Торговля. — Мѣры, монеты, деньги. — Яства и напитки. — Одежда и платье. — Игры и развлеченія. — Заключеніе.

Глава III. Понятія славянъ о божествѣ и религіи. — Родство религіи славянъ съ религіей другихъ народовъ. — Имена боговъ и божковъ (обзоръ миѳологіи). — Изображеніе боговъ: статуи и пр. — Мѣста, посвященныя религіознымъ обрядамъ: храмы. Духовенство. — Обряды при богослуженіи. — Жертвы. — Вопрошеніе боговъ, явленія ихъ. — Праздничные дни. — Обряды при рожденіи, свадьбѣ, похоронахъ. — Взглядъ славянъ на безсмертіе души. — Заключеніе. Оцѣнка религіи старыхъ славянъ.

Глава IV. Государственный строй и право.

Отдѣлъ I. Политическое состояніе старыхъ славянъ. — Земля и населеніе. — Государственный строй, государь, придворные сановники. — Чиновники. — Населеніе: шляхта и нешляхта и т. д. — Духовенство. — Государственныя повинности. — Доходы, подати. — Оборона края.

Отдѣлъ II. Правовѣдѣніе. Понятія о правѣ. Вліяніе права иностраннаго. Юридическій языкъ. Юридическій строй. Древніе юридическіе памятники.

Отдѣлъ III. Просвѣщеніе: общее, юридическое.

Отдѣлъ IV. Судоустройство, право уголовное, гражданское, судебный порядокъ. О лицахъ, вещахъ. — Духъ права. — Суды. — Судопроизводство. — Уголовное право. — Уголовное судопроизводство.

Отдѣлъ V. Родовое право. Супружество. Родительское право.

Отдѣлъ VI. О правахъ обязательственныхъ вообще. Договоры.

Часть III. Языкъ, нарѣчіе, письмо, искусство.

Глава I. Языкъ. Его мѣсто въ ряду другихъ. Исконное родство его съ другими языками. 1) племени кавказскаго = санскр., греч., лат., нѣмец., литов., персид., армянскій; 2) племени скиѳо-монгольскаго; 3) племени семитическаго. Позднѣйшее вліяніе слав. яз. на другіе европейскіе: греч., лат., нѣм., англ., литов., мадьяр., итальян., албан. Позднѣйшее обратное вліяніе азіатскихъ и европейскихъ языковъ на слав. = татарскаго, мадьяр., болгар., греч., лат., нѣм., литов. и т. д. Природный характеръ и особенности славянскаго языка. Заключеніе.

Глава II. Нарѣчія. Вступленіе: общій обзоръ предмета. Первоначальное единство слав. языка и его позднѣйшее развѣтвленіе. Полная классификація всѣхъ слав. нарѣчій. Оцѣнка. Заключеніе.

Глава III. Письмо. Слѣды стараго оригинальнаго письма слав. Усвоеніе латинскаго и греческаго письма. Изобрѣтеніе азбуки св. Кирилломъ. Происхожденіе и начало глаголицы.

Глава IV. Образованность старыхъ славянъ вообще. Искусства и науки. Счетъ. Лѣтосчисленіе. Зодчество. Ваяніе. Живопись. Музыка. Танцы. Поэзія (народныя пѣсни).

Глава V. Памятники древней славянщины. Вступленіе. Отдѣльныя слова. Крупные отрывки и цѣльныя сочиненія. Общее заключеніе.

Прибавленія. Старѣйшія мѣста изъ классиковъ о славянахъ. Выборъ изъ пѣсенъ миѳологическаго содержанія.

Высказываемы были различные взгляды на вопросъ, отчего Шафарикъ не исполнилъ своего обѣщанія. Несомнѣнно главная причина заключалась въ необходимости подготовительныхъ работъ, отсутствіе которыхъ и служило главнымъ препятствіемъ и затрудненіемъ представить полную картину внутренняго быта, нравовъ и обычаевъ древнихъ славянъ. И въ самомъ дѣлѣ начертанная Шафарикомъ программа обнимала всѣ стороны жизни человѣка: въ нее входили древности религіозныя и юридическія, вопросы о языкѣ и письмѣ, искусствахъ и наукахъ. Разработка всѣхъ относящихся сюда частностей даже, если взять какой-либо одинъ слав. народъ, была можно сказать только въ зародышѣ. Предстояло дѣлать всѣ эти подготовительныя работы самому. Мы и видимъ, что Шафарикъ пошелъ этимъ именно путемъ — путемъ отдѣльныхъ монографій и статей. Стоитъ только перелистовать его Rozpravy z oboru věd Slovanských, чтобы въ этомъ убѣдиться. Мы здѣсь находимъ статьи по миѳологіи напр., о русалкахъ, Чернобогѣ, Сварогѣ, статьи, посвященныя вопросамъ по исторіи слав. права, напр. о Полицкомъ статутѣ, о наслѣдственномъ правѣ въ Чехіи, статьи историко-литературнаго содержанія, между которыми есть и статья о глаголицѣ. Занятія подобными вопросами требовали въ то же время углубленія и въ области чистой филологіи (см. письма къ Бодянскому стр. 180) — пересмотра основъ слав. языкознанія, положенныхъ Добровскимъ. Сюда относятся такія статьи, каковы напр. объ образованіи словъ удвоеніемъ корня, о расширеніи глагольныхъ корней вставкой и приставкой согласныхъ, о претвореніи гортанныхъ согласныхъ, объясненіе нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ въ яз. славянскомъ, лингвистическій разборъ числительныхъ. Помимо этихъ статей выполненію начертанной программы служили и другіе крупные труды Шафарика, вышедшіе послѣ появленія перваго тома древностей. Разумѣемъ здѣсь Slovanský Narodopis, который по своему содержанію относится ко второй главѣ III части, изслѣдованія О родинѣ глаголитизма, Памятники глаголической письменности, Пражскіе глаголическіе отрывки, прямо относящіеся къ 3 главѣ той же части. Уже то обстоятельство, что Шафарикъ не разъ мѣнялъ свой взглядъ на глаголицу достаточно уясняетъ, насколько трудно было выполнить его программу силами одного человѣка. Самые памятники, которые должны были служить источниками занятій, которые давали фактическій матеріалъ для выводовъ, не были удовлетворительно изданы. И здѣсь Шафарикъ положилъ начало своимъ трудомъ — изданіемъ памятниковъ древней письменности юго-славянъ. Достаточно напомнить, что въ этой книгѣ появились такъ называемыя Паннонскія Житія, житія первыхъ сербскихъ государей, сербскія и болгарскія грамоты и такой крайне важный памятникъ юго-славянскаго законодательства, какъ Законникъ Стефана Душана.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть и о исторіи юго-славянскихъ литературъ, въ которой много и матеріала и его истолкованія по разнымъ отдѣламъ программы особенно въ той части, которая посвящена исторіи сербской литературы. Въ ней цѣ-

лыя главы, каковы, напр. жизнь и культура, замѣчанія о государствѣ, церкви, народной жизни представляютъ именно отвѣтъ на нѣкоторые изъ поставленныхъ въ программѣ вопросовъ въ предѣлахъ сербскаго народа. А вѣдь, понятно, только рядомъ такихъ отдѣльныхъ изслѣдованій можно было выполнить начертанную программу внутренняго быта всѣхъ славянскихъ народовъ.

Однимъ словомъ, Шафарикъ достаточно потрудился для того, чтобы хотя отчасти помочь разработкѣ составленнаго имъ плана славянскихъ древностей. Разумѣется, если кто, такъ именно онъ могъ бы дать синтезъ, хотя и не совершенный[1]). Если же онъ его не далъ, то конечно потому, что считалъ его преждевременнымъ.

Въ такомъ же направленіи шли и его занятія чешской литературой. И здѣсь предстояло трудиться надъ историческимъ изученіемъ памятниковъ родного языка и литературы. Древнѣйшіе между ними нуждались еще въ защитѣ отъ нападокъ скептической школы. Съ такою работой и выступилъ Шафарикъ вмѣстѣ съ Палацкимъ въ сочиненіи: Die ältesten Denkmäler der Böhmischen Sprache. Prag 1840. Здѣсь даны были объясненія къ старѣйшимъ памятникамъ чешскаго языка, подвергшимся нападкамъ Добровскаго и Копитара — Суду Любуши, отрывку изъ Евангелія отъ Іоанна, дарственной Литмерицкой записи и глоссамъ сборника, извѣстнаго подъ именемъ Mater Verborum. Во введеніи издатели дали перечень старѣйшихъ памятниковъ чешской литературы. Затѣмъ издающіеся тексты разсматриваются въ такомъ порядкѣ и по такому плану: Судъ Любуши. Отрывокъ. Описаніе рукописи. Текстъ ея безъ раздѣленія на слова, съ соблюденіемъ правописанія. Пергаментъ. Чернила. Письмо. Киноварные знаки. Факсимиле. Опредѣленіе древности рукописи. Текстъ стихотворенія. Указатель словъ. Орѳографія. Грамматическія формы. Оцѣнка стихотворенія и объясненія, необходимыя для пониманія его содержанія. Въ такомъ же родѣ изложены и остальныя главы. Участіе въ этомъ трудѣ Палацкаго объясняется отчасти тѣмъ, что онъ, судя по письмамъ Шафарика къ Коллару, занимался исторіей чешской литературы еще въ двадцатыхъ годахъ, приготовляя для предполагавшагося Линде

---

[1]) До извѣстной степени справедливы слова Іосифа Иречка:

„Эта программа даетъ намъ понять, какъ велика утрата славянской науки отъ того, что она осталась невыполненной! Какихъ результатовъ можно было бы ожидать отъ человѣка, который счастливою рукой открылъ завѣсу, скрывающую отъ насъ древнѣйшую эпоху нашего племени! Выслушивая жалобу на то, что не появляется нравописательная часть Древностей, онъ оправдывался трудностями дѣла, проистекавшими отъ обширности, разбросанности и необработанности матеріала; онъ былъ того мнѣнія, что сначала нужно проложить путь монографіями и лишь тогда можно приступить къ систематическому изложенію; но насколько бы онъ облегчилъ изслѣдованіе частностей, если бы далъ синтезъ, на его взглядъ, и несовершенный! Гдѣ бы мы стояли теперь въ знакомствѣ съ внутреннимъ бытомъ нашихъ предковъ, если бы онъ набросалъ хотя вчернѣ даже и не обработанныя вполнѣ свои мысли! Сколько времени пройдетъ, пока явится вновь ученый съ такими обширными знаніями во всей области славянства и съ такой глубокой проницательностію, который былъ бы въ состояніи вознаградить въ этомъ отношеніи нашего почившаго учителя“. Стр. X предисловія ко второму изданію Древностей.

изданія исторіи всѣхъ славянскихъ литературъ[1]). Въ 1845 г. Шафарикъ написалъ предисловіе къ переводу Краледворской рукописи на нѣмецкій яз., сдѣланному графомъ Матвѣемъ Туномъ. Въ томъ же году вышла хрестоматія чешскаго языка: Výbor z literatury české, díl první od nejstarších časův až do počátku XV století. Это превосходное изданіе въ два столбца на 1296 стр. Какъ введеніе къ хрестоматіи написаны Шафарикомъ Počatkove staročeské mluvnice — первый опытъ грамматики чешскаго языка по памятникамъ.

Въ предисловіи къ этому изданію Шафарикъ писалъ: „что народъ чешскій послѣ разнообразныхъ невознаградимыхъ утратъ все-таки еще сохранилъ нѣкоторые рѣдкіе памятники своей древней литературы, всѣмъ извѣстно. Но большею частію этихъ драгоцѣнныхъ сокровищъ нельзя было пользоваться, потому что они находятся или въ рукописяхъ, или въ немногихъ отпечаткахъ, мало какому любителю доступныхъ. Кто бы вмѣстѣ съ нами не желалъ, чтобы эти сочиненія были критически изданы въ свѣтъ, прежде чѣмъ ихъ совершенно сгложетъ зубъ времени? Такъ какъ однако по многимъ причинамъ это невозможно, признано было идти на встрѣчу этой потребности сдѣланнымъ изъ нихъ выборомъ, изъ котораго по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени можно было заключать объ ихъ качествѣ и количествѣ“.

Говоря далѣе о томъ, что нѣкоторые изъ незначительныхъ отрывковъ здѣсь печатаются вполнѣ, иные выходятъ въ свѣтъ впервые, Шафарикъ прибавляетъ: „всѣ тексты, насколько возможно, взяты изъ оригиналовъ или сравнены съ ними, ручаемся за то, что старательно, а исправно ли? это должны предоставить суду знатоковъ. Любителей литературы наша работа до извѣстной степени удовлетворяетъ, а изслѣдователямъ языка во всякомъ случаѣ всегда должно обращаться къ рукописямъ и самымъ источникамъ. Горько узнать, что отъ многихъ превосходныхъ сочиненій сохранились лишь одни отрывки то тамъ, то здѣсь на переплетѣ маловажной книги, что для насъ дѣлаетъ утрату цѣлаго тѣмъ болѣе прискорбной, но въ то же время неложно свидѣтельствуетъ о великомъ богатствѣ тогдашней литературы“.

Далѣе указывается на то, что сдѣлано въ изданіи для того, чтобы изданные памятники были понятны какъ можно большему числу читателей.

Во главѣ каждой статьи даны краткія свѣдѣнія о рукописи, содержаніи, писателѣ и т. д., насколько это казалось нужнымъ и насколько позволяли знанія издателей; въ концѣ присоединено объясненіе нѣкоторыхъ рѣдкихъ теперь словъ.

Стоитъ только сравнить это изданіе съ извѣстными ранѣе изданіями Ганки Starobylá Skládání, чтобы видѣть, насколько оно превосходитъ ихъ.

Въ связи съ этими трудами Шафарика стоитъ цѣлый рядъ статей его, посвященныхъ отдѣльнымъ древне-чешскимъ памятникамъ. Таковы: 1) О старѣйшихъ рукописяхъ чешской псалтыри. Читано въ собраніи филологич. секціи чеш. общ. наукъ въ 1840 г. 2) Жизнь Господа Іисуса Христа. Читано тамъ же въ 1842 г. и 3) подъ общимъ заглавіемъ Klasobraní na poli staročeské literatury 3 собранія напечатаны въ

---

[1]) Č. Č. M. 1873 г. Письмо 11 авг. 1823 г.

Č. Č. M. за 1847, 1848 и 1845 г. Сюда вошли слѣдующіе памятники: 1) отрывокъ легенды о 12 апостолахъ, 2) отрывокъ чешской Александреиды, 3) легенда о св. Дороѳеѣ, 4) Плачъ св. Маріи, 5) Звѣзда морская, 6) Вздохъ къ отцу 7) Мистръ Лѣпичъ, 8) отрывокъ древне-чешской псалтыри, 9) отрывокъ легенды о св. Аннѣ, 10) метрическій переводъ псалмовъ.

Какъ мы уже знаемъ изъ первой главы, Шафарику не пришлось выступить преподавателемъ славяновѣдѣнія въ университетѣ. Несмотря на то мы ему обязаны составленіемъ замѣчательнаго плана о преподаваніи славяновѣдѣнія въ самомъ широкомъ смыслѣ, представленнаго имъ прусскому министру народнаго просвѣщенія въ 1841 г., когда онъ былъ приглашенъ въ Берлинъ дать совѣтъ, какъ лучше поставить преподаваніе славянскихъ языковъ въ нѣмецкихъ университетахъ. Мы уже представили оцѣнку этого плана сравнительно съ программой Прейса въ статьѣ „П. І. Шафарикъ и О. М. Бодянскій“ и при всемъ томъ считаемъ не лишнимъ еще разъ остановиться на этомъ предметѣ въ виду его чрезвычайной важности. Мы думаемъ, что заслуга Шафарика въ этомъ дѣлѣ станетъ всего очевиднѣе, если мы напомнимъ о ней переводомъ записки, поданной имъ Эйгорну, снабдивъ этотъ переводъ примѣчаніями, имѣющими отношеніе къ преподаванію славяновѣдѣнія въ нашихъ русскихъ университетахъ. Если славянской каѳедрѣ суждено будетъ получить лучшую постановку, то, мы въ томъ увѣрены, указанія Шафарика еще сослужатъ службу [1]).

Мысли о постановкѣ изученія славянскихъ языковъ въ Прусскихъ университетахъ.

„Дать большее, нежели это было до сихъ поръ, мѣсто изученію славянскаго языка въ его главныхъ нарѣчіяхъ въ прусскихъ университетахъ можетъ быть вдвойнѣ желательно: во-первыхъ, въ практическомъ отношеніи, чтобы тѣмъ лицамъ нѣмецкаго происхожденія, которымъ необходимо знаніе какого-нибудь славянскаго нарѣчія для знакомства и сношеній съ своими славянскими согражданами или сосѣдями въ зависимости отъ ихъ призванія, служебной дѣятельности или иныхъ занятій дать въ руки средство пріобрѣсти эти знанія; во-вторыхъ, въ высшемъ научномъ отношеніи, чтобы будущимъ прусскимъ ученымъ нѣмецкаго происхожденія дать случай изъ самыхъ источниковъ познакомиться съ духовными пріобрѣтеніями своихъ славянскихъ сограждан и сосѣдей, какъ они выражены въ языкѣ и литературѣ, и воспользоваться ими для нѣмецкой науки, а точно такъже и для того, чтобы студентамъ славянскаго и

[1]) Нужно замѣтить, что еще Н. А. Поповъ въ примѣчаніи къ письму за № 78 (стр. 331 Писемъ Шафарика къ Погодину), а именно къ тому мѣсту этого письма, въ которомъ Шафарикъ интересовался узнать, не воспользовался ли Погодинъ такъ или иначе этой его программой, которую онъ тотчасъ же сообщилъ въ копіи своему другу, въ интересахъ преподаванія славяновѣдѣнія въ русскихъ университетахъ, ссылается на русскій переводъ ея въ Приложеніи къ Письмамъ, но на самомъ дѣлѣ въ Приложеніи помѣщенъ не русскій переводъ, а нѣмецкій оригиналъ этого крайне важнаго документа. Очевидно Н. А. имѣлъ намѣреніе дать и русскій переводъ, но позднѣе ограничился напечатаніемъ оригинала.

именно польскаго происхожденія открыть возможность основательно и систематически изучать родной языкъ. Насколько различны эти цѣли, настолько различны и средства, которыя ведутъ къ ихъ достиженію, равнымъ образомъ объемъ изучаемаго предмета и методъ преподаванія. Я хочу въ настоящее время ограничиться только высшимъ научнымъ преподаваніемъ славянскихъ нарѣчій, лишь настолько принявъ во вниманіе низшее, разсчитанное на практическія цѣли, насколько оно могло бы прокладать путь высшему и облегчать его и потому самому должно быть поставлено во внѣшнюю и внутреннюю связь.

Теперь, когда у славянъ, вслѣдствіе признаннаго превосходства нѣмецкаго образованія и науки, повсюду въ обитаемыхъ ими странахъ, въ Россіи, Австріи, а также и въ Сербіи, нѣмецкій языкъ и литература составляютъ предметъ школьнаго преподаванія, было бы излишне разбирать, своевременно ли и наоборотъ славянскій языкъ и литературу поставить какъ предметъ высшаго преподаванія для нѣмцевъ, въ университетахъ. Этотъ вопросъ, на который съ самаго начала настоящаго столѣтія былъ данъ отвѣтъ многими мужами Германіи, смотрѣвшими яснымъ и непредвзятымъ взглядомъ, теперь долженъ считаться окончательно рѣшеннымъ, благодаря великодушному рѣшенію его величества короля прусскаго, который далъ повелѣніе объ учрежденіи славянскихъ каѳедръ въ университетахъ Берлинскомъ и Вратиславскомъ. Я хочу поэтому заняться только наиболѣе цѣлесообразной постановкой славяновѣдѣнія въ двухъ названныхъ университетахъ.

Первый вопросъ: что̀ должно составлять предметъ изученія?

Ясно, что прежде всего грамматика главныхъ славянскихъ нарѣчій и вслѣдъ за тѣмъ исторія славянской литературы. Все остальное, какъ-то: славянскія древности, объясненіе отдѣльныхъ наиболѣе важныхъ памятниковъ языка и т. д., на первый разъ должно отступить на второй планъ сравнительно съ этими 2-мя главными пунктами [1]).

Славянскій языкъ обнимаетъ нѣсколько нарѣчій различнаго объема и оттого различнаго значенія. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: древне-или церковно-славянское, живущее только въ литургіи славянъ православныхъ, русское, польское, чешское и иллирское. Очень желательно, чтобы въ обоихъ университетахъ преподавалась грамматика этихъ пяти главныхъ нарѣчій въ двухъ различныхъ курсахъ: въ низшемъ, подготовительномъ, — каждое въ отдѣльности, въ высшемъ—по сравнительному методу. Но такъ какъ по новости предмета трудно съ перваго разу поставить изученіе славяновѣдѣнія въ такомъ объемѣ и очень легко можетъ случиться, что сила обстоятельствъ заставитъ прибѣгнуть къ болѣе строгому выбору, то я хочу

[1]) Отсюда ясно, что по мысли Шафарика при преподаваніи славяновѣдѣнія никоимъ образомъ не слѣдовало ограничиваться изученіемъ однихъ только языковъ. Рядомъ съ грамматикой стоитъ у него и исторія славянскихъ литературъ. Славянскія древности, объясненіе отдѣльныхъ памятниковъ лишь на первый разъ должны отступить на второй планъ. Притомъ не слѣдуетъ забывать, что составитель программы ведетъ рѣчь о нѣмецкихъ университетахъ. Понятное дѣло, что въ славянскихъ университетахъ и въ частности въ русскихъ эти ограниченія могли не существовать и на первый разъ.

сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ относительной важности каждаго изъ упомянутыхъ нарѣчій.

Древнеславянское или церковнославянское нарѣчіе, въ срединѣ девятаго столѣтія ставшее литературнымъ языкомъ южныхъ славянъ, съ теченіемъ времени обработанное и обогащенное переводами книгъ библейскихъ, богослужебныхъ, святоотеческихъ и другихъ, лѣтописями и грамотами и до сихъ поръ еще продолжающее жить въ литургіи православныхъ славянъ, русскихъ, болгаръ и сербовъ, по своей древности, своему строю и формальному богатству, наконецъ по массѣ своихъ только въ очень малой части напечатанныхъ, а большею частью разсѣянныхъ въ рукописяхъ по библіотекамъ и монастырямъ Россіи, Болгаріи, Сербіи и т. д., памятниковъ въ чисто филологическомъ отношеніи занимаетъ первое мѣсто между славянскими языками. Его изученіе служитъ основаніемъ научнаго изученія языка для общеславянскаго языка и подобно тому какъ хорошій нѣмецкій филологъ или грамматикъ не можетъ въ настоящее время обойтись безъ знанія готскаго языка, такъ точно въ области славянскаго языкознанія нельзя основательно изучить какое-нибудь живое славянское нарѣчіе, не призывая на помощь древнеславянскій языкъ какъ регулятивъ. Въ практическомъ отношеніи это нарѣчіе имѣетъ второстепенное значеніе, такъ какъ его литература односторонняя, ограничена и сверхъ того по большей части погребена въ рукописяхъ.

Русскому нарѣчію въ настоящее время между всѣми живыми славянскими языками, ради его внутреннихъ и внѣшнихъ преимуществъ, какъ обладающему богатой литературой, которая быстро идетъ впередъ, далѣе какъ языку самаго распространеннаго и могущественнаго славянскаго народа, принадлежитъ безспорно первое мѣсто. Этотъ языкъ не можетъ быть исключенъ изъ каѳедры всѣхъ славянскихъ языковъ, даже въ томъ случаѣ, если бы пришлось насколько возможно сократить объемъ преподаванія.

Польское нарѣчіе, прославленное своимъ благозвучіемъ и гибкостію и своей способностью быть разговорнымъ языкомъ, равно какъ и по возрастающему богатству своей литературы въ государствѣ, которое насчитываетъ болѣе $1^1/_2$ милл. поляковъ своими подданными и на большемъ протяженіи своей восточной границы примыкаетъ непосредственно къ славянамъ польскаго происхожденія, не нуждается въ особой рекомендаціи. Его важность сама собою понятна.

Чешское нарѣчіе, когда-то столь цвѣтущее и богатое, послѣ бѣдствій тридцатилѣтней войны сильно обѣднѣвшее, въ новѣйшее время обрабатывается съ возбужденною ревностью и стремится вернуть себѣ мало-по-малу потерянныя, но еще не уничтоженныя окончательно старыя права мирнымъ путемъ, благодаря неустанному напряженію силъ его писателей. Хотя этимъ нарѣчіемъ говорятъ очень близко къ границамъ Пруссіи, и потому оно заслуживаетъ особеннаго вниманія, однако въ отношеніи къ 3-мъ вышеупомянутымъ нарѣчіямъ въ началѣ ихъ преподаванія на первое время можетъ быть поставлено на второе мѣсто.

То же можно сказать о нарѣчіи иллирійскомъ. Изученіе этого благозвучнаго и богатаго, въ послѣднее время въ особенности ради превосходныхъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ въ Германіи и остальной Европѣ такъ часто упоминаемаго нарѣчія

весьма затруднено тѣмъ обстоятельствомъ, что иллирскій языкъ и литература раздѣлены на нѣсколько центровъ въ зависимости отъ поднарѣчій, провинцій и вѣроисповѣданія — не говорю уже о томъ, что по отношенію къ прусскому государству это на нѣсколько вѣтвей подраздѣляющееся племя лежитъ далѣе остальныхъ — и совершенно лишены всякаго внѣшняго и внутренняго единства, и знакомство съ нимъ не легко достижимо съ помощью грамматическаго преподаванія. А именно иллирскій языкъ распадается не только по христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ на восточно-иллирскій или сербскій, который въ употребленіи у пишущихъ кириллицей сербовъ греческаго вѣроисповѣданія въ Сербіи, Босніи, Далматіи, Славоніи и въ южной Венгріи, и западно иллирійскій, который обрабатывается у пишущихъ латиницей католическихъ иллировъ; но этотъ послѣдній заключаетъ въ себѣ разновидности, какъ-то: собственно такъ называемый иллирскій въ Далматіи и Славоніи, Хорватскій въ Хорватіи и словинскій въ Крайнѣ, Каринтіи и Штейермаркѣ, которые всѣ отличаются особыми системами письма и грамматиками и имѣютъ притязаніе на самостоятельные діалекты. Въ послѣднее время въ Загребѣ образовался общій центръ для многочисленныхъ разновидностей иллирскаго языка, но будетъ ли онъ въ состояніи привлечь къ себѣ остальные разбросанные порознь литературные кружки и слить ихъ въ одно цѣлое, покажетъ отдаленное будущее.

Если особыя обстоятельства должны настойчиво внушать на первый разъ, насколько возможно съузить изученіе славяновѣдѣнія, то слѣдуетъ указать на слѣдующія три нарѣчія какъ на его необходимую основу: древнеславянское, русское и польское. Само собою понятно, что у профессора славяновѣдѣнія никто не отнимаетъ права, руководясь своимъ взглядомъ и потребностями учащихся и при столь тѣсныхъ рамкахъ преподаванія, насколько онъ это считаетъ нужнымъ, бросать испытующіе взоры не только въ чешское и иллирское, но также и въ менѣе богатыя и извѣстныя нарѣчія, именно лужицкое, болгарское, малорусское и др., и изъ нихъ заимствовать свѣтъ и доказательства для своей науки. Но мнѣ кажется, что при новизнѣ и затруднительности изученія славяновѣдѣнія въ Германіи, строгій выборъ нарѣчій, грамматика которыхъ должна быть изучаема, слѣдуетъ совѣтовать скорѣе для успѣха дѣла.

Второй предметъ, который входитъ въ кругъ славянскаго изученія и долженъ быть преподаваемъ съ каѳедры, есть исторія славянскихъ литературъ. Такъ какъ эта наука легко доступна и такимъ студентамъ нѣмецкаго происхожденія, которые еще не пріобрѣли основательнаго и все обнимающаго знанія славянскихъ языковъ, то профессоръ славяновѣдѣнія при своемъ преподаваніи не можетъ быть связанъ вышеупомянутыми соображеніями при выборѣ извѣстныхъ нарѣчій и исключеніи остальныхъ; онъ долженъ скорѣе съ равною любовію и заботой обнимать литературу всѣхъ славянскихъ вѣтвей, большихъ и меньшихъ, и знакомить своихъ слушателей съ историческимъ ходомъ развитія языка и духовной жизни, а равно какъ и съ настоящимъ состояніемъ литературы у славянъ. Здѣсь открылось бы широкое поле для его ученой дѣятельности, разумное воздѣлываніе котораго могло бы искоренить нѣкоторые издавна у нѣмцевъ укоренившіеся предразсудки, восполнить нѣкоторый чувствительный пробѣлъ знанія. Такимъ образомъ можно было удобно соединить съ этимъ

преподаваніемъ отдѣлы изъ славянскихъ древностей, миѳологіи, этнографіи, политической и культурной исторіи славянскаго племени, будетъ ли то въ отдѣльныхъ экскурсахъ или инымъ образомъ, при чемъ этотъ предметъ для студентовъ какъ нѣмецкаго, такъ и славянскаго происхожденія долженъ былъ бы стать поистинѣ полезнымъ и плодотворнымъ [1]).

На ряду съ преподаваніемъ грамматики важнѣйшихъ нарѣчій и славянскихъ литературъ въ высшей степени были бы желательны объясненія отдѣльныхъ выдающихся памятниковъ языка и литературы. Славянскія литературы даже и не изъ главныхъ не бѣдны отдѣльными памятниками, которые по своей формѣ и содержанію годятся для академическаго преподаванія. Я хочу здѣсь напомнить о чешской краледворской рукописи, древнихъ иллирскихъ поэтахъ Гундуличѣ и Джорджичѣ и нѣкоторыхъ новыхъ русскихъ и польскихъ писателяхъ. Но также и другіе, особенно старшіе памятники, которые интересуютъ болѣе своимъ содержаніемъ, напр. Русская Правда и Законникъ Стефана Душана, хроника Нестора и др. могутъ здѣсь быть привлечены. Я не буду останавливаться на этомъ предметѣ, такъ какъ слависту легко будетъ, смотря по обстоятельствамъ, сдѣлать наиболѣе удачный выборъ.

Что же касается раздѣленія и методы преподаванія, то кажется необходимъ двойной курсъ преподаванія: низшій — подготовительный, и высшій. Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ не можетъ быть съ пользою преподаваема тамъ, гдѣ нѣтъ знанія отдѣльныхъ языковъ или по крайней мѣрѣ одного славянскаго нарѣчія. Поверхностное знакомство съ общими формами языка, притомъ столь богатаго и труднаго, каковъ славянскій, безъ изученія отдѣльныхъ нарѣчій, литературныхъ произведеній, безъ проникновенія въ глубокіе тайники его содержанія легко бы образовало только мелкихъ систематиковъ и резонеровъ, какіе къ сожалѣнію не рѣдки между нѣмецкими филологами [2]).

---

[1]) Отсюда видно, что и въ нѣмецкихъ университетахъ Шафарикъ находилъ возможнымъ вводить преподаваніе реальныхъ отдѣловъ славяновѣдѣнія, ожидая отъ того однихъ лишь плодотворныхъ результатовъ. Тѣмъ необходимѣе то же самое въ славянскихъ университетахъ, а также разумѣется и въ русскихъ.

[2]) Здѣсь Шафарикъ высказываетъ плодотворную мысль о раздѣленіи курсовъ славяновѣдѣнія на приготовительный и высшій. Къ сожалѣнію эта мысль въ программѣ нашихъ университетовъ не нашла примѣненія. А между тѣмъ важность ея очевидна. Если бы у насъ были приняты два курса, то студенты легко пріобрѣтали бы знакомство съ живыми славянскими нарѣчіями въ гораздо большей степени, нежели это дѣлается теперь. А такое знаніе нарѣчій безъ сомнѣнія способствовало бы общимъ интересамъ преподаванія. Мы уже не говоримъ о важности такого знакомства съ живыми нарѣчіями для студентовъ отдѣленія славяно-русской филологіи. Легко владѣя главными нарѣчіями, каждый оканчивающій филологъ имѣлъ бы возможность пользоваться ихъ литературами при своихъ занятіяхъ, каковы бы они ни были, ученыя или педагогическія. Но и студенты другихъ отдѣленій были бы въ несомнѣнномъ выигрышѣ. Такъ напр. программа государственныхъ экзаменовъ требуетъ отъ студентовъ историковъ знанія исторіи славянъ. Включеніе ея въ обязательную программу университетскаго преподаванія слѣдуетъ признать важной заслугой новаго устава, но тѣ условія, въ которыхъ поставленъ предметъ,

Преподаваніе грамматики отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій, соединенное съ практическими упражненіями въ чтеніи и переводѣ, во всякомъ случаѣ должно предшествовать сравнительному изученію языка. Чтобы единственный профессоръ все это въ состояніи былъ исполнить, въ этомъ можно по справедливости сомнѣваться [3]). Поэтому необходимо славянскимъ профессорамъ въ Берлинѣ и Бреславлѣ дать въ помощники особыхъ лекторовъ для подготовительнаго преподаванія

оставляютъ желать многаго. Приготовительный курсъ славянскихъ нарѣчій облегчилъ бы студентамъ этого отдѣленія доступъ къ источникамъ и литературѣ по исторіи славянъ на славянскихъ нарѣчіяхъ. А вѣдь исторія славянъ помимо ея интереса сама по себѣ получаетъ особенную важность и при изученіи цѣлаго ряда вопросовъ отечественной исторіи. Русскія древности, лѣтописные и юридическіе памятники могутъ быть успѣшно изучаемы въ совокупности и связи съ такими же у другихъ славянъ, и пониманіе древнихъ текстовъ много выигрываетъ при знакомствѣ съ славянскими нарѣчіями.

[3]) Если въ нѣмецкихъ университетахъ Шафарикъ считалъ недостаточнымъ одного профессора, то тѣмъ болѣе это можно сказать объ университетахъ славянскихъ и русскихъ. Если въ свое время было недостаточно одного профессора, то тѣмъ болѣе есть нужда въ помощникахъ въ наше время, когда славяновѣдѣніе разрослось. И въ самомъ дѣлѣ, возможно ли одному человѣку читать и всѣ курсы по языку, и курсъ по славянскимъ литературамъ? Вѣдь если даже взять только главныя изъ нихъ, польскую, чешскую, сербо-хорватскую и болгарскую, то какъ изученіе ихъ, такъ и преподаваніе должно всецѣло поглощать силы преподавателя, да и тогда трудно быть одинаковымъ знатокомъ всѣхъ отдѣловъ предмета. А между тѣмъ у насъ есть университеты, гдѣ преподаваніе славяновѣдѣнія находится въ рукахъ одного лица! Самое естественное раздѣленіе каѳедры славяновѣдѣнія было бы таково: 1) церковнославянскій языкъ и нарѣчія должны были бы быть сосредоточены въ рукахъ преподавателя-лингвиста. Такой преподаватель читалъ бы и курсъ по исторіи русскаго языка, 2) исторія славянскихъ литературъ, славяно-русская палеографія, разборъ отдѣльныхъ авторовъ или древнихъ памятниковъ на семинаріи лежали бы на особомъ преподавателѣ и 3) исторія славянъ и славянскія древности должны были бы читаться третьимъ преподавателемъ, при чемъ для успѣховъ преподаванія было бы важно, чтобы студенты-историки приступали къ слушанію курса, зная нарѣчія, и чтобы исторію славянъ слушали также студенты славяно-русскаго отдѣленія. Только при такихъ условіяхъ преподаваніе славяновѣдѣнія стало бы на ту высоту, которая можетъ быть желательной въ самомъ могущественномъ славянскомъ государствѣ. Между тѣмъ при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ до сихъ поръ находится преподаваніе славяновѣдѣнія, результаты были далеко не утѣшительны. Въ преподаваніи всегда выдвигалась та сторона предмета, которою былъ заинтересованъ преподаватель. Если онъ былъ языковѣдъ, то студенты слушали курсы по языку и были лишены возможности слушать лекціи по исторіи литературы и древностямъ; наоборотъ, когда интересъ профессора сосредоточивался на занятіяхъ исторіей, студенты являлись хорошо подготовленными для занятій въ этомъ отдѣлѣ, но зато курсы по нарѣчіямъ выходили слабѣе. При такихъ условіяхъ не удивительно, что у насъ не появилось ни одного курса по исторіи славянскихъ литературъ, написаннаго профессоромъ-славистомъ. Трудъ въ этой области принадлежитъ А. Н. Пыпину. При расширеніи каѳедры славяновѣдѣнія какой пользы можно было бы ожидать для науки и преподаванія отъ такого ученаго, какъ А. Майковъ, выступившій съ такимъ замѣчательнымъ трудомъ, какъ исторія Сербіи, въ самомъ началѣ своей ученой дѣятельности.

грамматики польскаго и русскаго нарѣчій. Быть можетъ такое преподаваніе польскаго языка въ гимназіяхъ провинцій Познани и Силезіи могло бы быть поставлено въ согласіе и связь съ академическимъ преподаваніемъ. Само собою разумѣется, что всѣ эти вопросы о методѣ и распредѣленіи преподаванія могутъ быть затронуты въ настоящей запискѣ только въ общихъ чертахъ, такъ какъ ихъ спеціальное разъясненіе и полный отвѣтъ на нихъ должны быть предоставлены людямъ, которые призваны или могутъ быть призваны осуществить великодушныя задачи его величества короля прусскаго. Они могли бы обсудить, какія средства слѣдуетъ употребить для того, чтобы пріохотить юношей нѣмецкаго происхожденія къ изученію славянскихъ языковъ, напр. стипендіями, преміями и т. д.

Особое затрудненіе, которое славянское преподаваніе можетъ встрѣтить въ Берлинѣ и Бреславлѣ въ особенности вначалѣ, на устраненіе котораго должно быть своевременно обращено вниманіе, это совершенный недостатокъ въ цѣлесообразныхъ руководствахъ. Этотъ недостатокъ легко объяснимъ. Правда до настоящаго времени здѣсь и тамъ въ славянскихъ земляхъ въ нѣкоторыхъ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ существовали каѳедры для того или другого славянскаго нарѣчія, предназначенныя сообщать необходимыя свѣдѣнія въ томъ или другомъ нарѣчіи будущимъ чиновникамъ для извѣстныхъ практическихъ цѣлей; но профессуры для чисто научнаго преподаванія славянскаго языка и литературы по всѣмъ главнымъ нарѣчіямъ до послѣдняго времени нигдѣ въ Европѣ не существовало. Только три года тому назадъ въ Россіи рѣшено основать въ университетахъ каѳедры славяновѣдѣнія: между тѣмъ до сихъ поръ ни одна такая каѳедра еще не открыта, и профессора, назначенные на эту каѳедру въ Петербургѣ, Москвѣ и Харьковѣ, путешествуютъ по славянскимъ землямъ, для того чтобы вполнѣ быть подготовленными къ своему призванію. Въ прошломъ году основанная въ Парижѣ славянская каѳедра со стороны ея научной дѣятельности намъ совершенно неизвѣстна. Что было сдѣлано до сихъ поръ отдѣльными славянскими учеными въ области грамматики и исторіи литературы, хотя часто и и очень цѣнно, но въ такомъ видѣ, какъ это есть, не пригодно для указанной цѣли. Для полнаго и основательнаго изученія главныхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературы, повидимому, необходимо.

Для низшаго подготовительнаго курса:

1. Краткія по однообразной методѣ обработанныя грамматики и христоматіи четырехъ важнѣйшихъ слав. нарѣчій: русскаго польскаго, чешскаго и иллирскаго.

Позднѣе были бы желательны и цѣлесообразны также карманные словари названныхъ нарѣчій.

2. Для высшаго курса: a) сравнительная грамматика пяти главныхъ славянскихъ нарѣчій, съ присоединеніемъ къ вышеупомянутымъ еще церковно-славянскаго; b) славянская христоматія, заключающая образцы языка изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій въ хронологической послѣдовательности и съ строгимъ вниманіемъ къ формѣ и содержанію избранныхъ отрывковъ; c) учебникъ по исторіи славянскихъ литературъ.

Если можно надѣяться и по справедливости ожидать, что два профессора славяновѣдѣнія въ Берлинѣ и Бреславлѣ сами составятъ значительнѣйшую или лучше сказать

труднѣйшую часть названныхъ нами учебниковъ, т.-е. прежде всего сравнительную славянскую грамматику, то во всякомъ случаѣ въ первые годы ихъ служебной дѣятельности нельзя требовать, чтобы они одни и безъ посторонней помощи должны были составить всѣ нужные учебники и пополнить этотъ чувствительный пробѣлъ. Я позволяю высказать свое личное мнѣніе, что для болѣе скораго достиженія цѣли слѣдовало бы пригласить и другихъ славянскихъ ученыхъ, живущихъ въ Пруссіи и внѣ ея, — публично или частнымъ путемъ для составленія необходимыхъ руководствъ и, если не обязать ихъ къ тому формально назначеніемъ предварительной платы, то по крайней поощрить обезпеченіемъ приличнаго гонорара.

Наконецъ мнѣ кажется неизбѣжнымъ для успѣховъ изученія славянскаго языка и литературы въ Германіи и для облегченія взаимнаго обмѣна духовныхъ пріобрѣтеній между обоими великими племенами основать журналъ на нѣмецкомъ языкѣ подъ титуломъ Jahrbücher der slavischen Literatur 4 раза въ годъ. Славянскіе профессора въ Берлинѣ и Бреславлѣ были бы естественными редакторами этого журнала и ихъ усердію скоро бы удалось привлечь къ себѣ въ качествѣ сотрудниковъ всѣхъ значительныхъ славянскихъ писателей въ сосѣднихъ земляхъ. Оригинальныя статьи по славянскому языкознанію и литературѣ, извлеченія изъ важнѣйшихъ вновь выходящихъ трудовъ, переводы основательнѣйшихъ статей изъ лучшихъ славянскихъ журналовъ, рецензіи и критика, краткія сообщенія и замѣтки представили бы богатый по содержанію матеріалъ проектируемаго журнала, который, цѣлесообразнымъ образомъ редактируемый, нашелъ бы скоро всеобщее признаніе не только въ Германіи, но также и въ сосѣднихъ славянскихъ земляхъ, такъ какъ въ наше время живо чувствуется потребность въ подобномъ журналѣ[1]).

Совѣтами и указаніями Шафарика воспользовались тѣ, кому они были прямо предложены; но у насъ не было сдѣлано тѣхъ выводовъ, которые въ примѣненіи къ намъ естественно вытекали изъ его записки. Можно поэтому надѣяться, что опущенное въ свое время будетъ осуществлено въ будущемъ.

Въ настоящемъ году чехи переживаютъ напряженную борьбу съ нѣмцами за права родного языка. Вполнѣ справедливыя распоряженія австрійскаго правительства, возстановляющія эти права, встрѣчаютъ грубый и ожесточенный отпоръ съ нѣмецкой стороны. И, что особенно характерно, австрійскіе нѣмцы находятъ поддержку въ Германіи, и нѣмецкіе профессора подписываются подъ воззваніемъ, выражающимъ сочувствіе нѣмцамъ, хотя дѣло идетъ лишь о *равноправности* языковъ въ Чехіи[2]). Въ такое время не всякій славянинъ способенъ писать на нѣмецкомъ языкѣ. Поэтому было бы какъ нельзя болѣе кстати оказать поддержку славянскому дѣлу тому народу, который въ силу своей многочисленности и политической мощи является естественной опорой славянства. Еще въ 1834 г. въ этомъ именно смыслѣ высказывался незабвенный Венелинъ. Въ конспектѣ преподаванія исторіи славянскаго языка и литературы,

---

[1]) Согласно этой мысли позднѣе возникъ журналъ Archiv fur Slavische Philologie, редактируемый проф. Ягичемъ.

[2]) Подписалось 816 человѣкъ. Смотри № 4 „Кремля“ стр. 3.

составленномъ имъ по опредѣленію совѣта Московскаго университета, онъ писалъ:

„Нынѣшнее состояніе славянской филологіи и археологіи, съ разныхъ сторонъ только относительно: сокровища или труды по части обѣихъ этихъ наукъ разбросаны между разными нарѣчіями, на которыхъ они писаны; я хочу сказать, что иные археологическіе и филологическіе труды писаны на чешскомъ, другіе на польскомъ, третьи на русскомъ, четвертые на сербскомъ, пятые на латинскомъ, шестые на нѣмецкомъ, седьмые на италіанскомъ языкѣ.

„Богатство какой-либо науки оцѣнивается по богатству или множеству трудовъ, находящихся на одномъ и томъ же языкѣ. Если въ этомъ отношеніи искать богатство славянской филологіи и археологіи на какомъ-либо изъ славянскихъ нарѣчій, то во всѣхъ безъ исключенія доселѣ царствуетъ великая нищета; на иныхъ нарѣчіяхъ писано кое-что, а на другихъ вовсе ничего. Большая часть, т.-е. болѣе двухъ третей трудовъ, относящихся къ славянской филологіи и археологіи, писаны на иноплеменныхъ языкахъ, но преимущественно на нѣмецкомъ; слѣдственно, большая часть славянской филологіи и археологіи не принадлежитъ славянской литературѣ, а иноплеменной, а это потому, что большая часть славянскихъ ученыхъ трудилась на иноплеменныхъ языкахъ и для иноплеменниковъ. Такимъ образомъ славянскія племена на своемъ языкѣ, т.-е. у себя дома, порядочно несвѣдущи, но у чужихъ людей довольно умны. Такъ недавно Шафарикъ (1833) издалъ Serbische Lesekörner oder historisch kritische Beleuchtung der Serbischen Mundart, т.-е. исторію измѣненія сербскаго нарѣчія, критически объясненную по существующимъ памятникамъ. Твореніе это изобличаетъ высшую степень филологической учености сочинителя; но эта ученость сообщена имъ нѣмецкому, а не сербскому народу.

„Не всякое славянское племя въ состояніи пособить себѣ въ этой своей бѣдности относительно славянской филологіи и археологіи. Но тѣмъ болѣе непростительно тѣмъ, которые имѣютъ къ этому возможныя средства. Можетъ быть впрочемъ и не всякому филологическое богатство нужно въ одинаковой степени. Судя по чрезмѣрному превосходству массы русскаго народа передъ прочими племенами славянскими, кажется, что по праву этого жизненно-физическаго большинства, русскій народъ, какъ первенствующій, а потому и старшій наслѣдникъ, болѣе всѣхъ имѣетъ права на выводы и выгоды изъ общей славянской филологіи, а посему и болѣе всѣхъ обязанъ обращать на нее вниманіе и стараніе, чтобы по крайней мѣрѣ онъ заключалъ въ себѣ *домашнюю славянскую* ученость.

Впрочемъ, и кромѣ этого отношенія, общая филологія и археологія славянская имѣетъ непосредственное вліяніе на развитіе русской, — вліяніе не менѣе той этнографической степени сродства, въ которой находится Русь съ прочими славянскими племенами“.

Правильность высказаннаго здѣсь взгляда едвали кто будетъ оспаривать. Интересы славянскаго дѣла настойчиво требуютъ, чтобы по крайней мѣрѣ у одного славянскаго народа изученію славяновѣдѣнія было отведено подобающее мѣсто, чтобы по крайней мѣрѣ въ одномъ славянскомъ государствѣ были организованы вспомогательныя для занятій славянскими вопросами учрежденія въ такой степени, чтобы

всѣмъ интересующимся славянской наукой, литературой, искусствомъ открывалась полная возможность слѣдить за ходомъ славянской жизни у всѣхъ славянскихъ народовъ.

Изданіе журнала, который бы знакомилъ со всѣми важнѣйшими явленіями въ области славянской филологіи, расширеніе преподаванія славяновѣдѣнія въ университетахъ, усиленіе славянскаго отдѣла нашихъ библіотекъ оказали бы у насъ могучую поддержку славянскому дѣлу. Изданіе журнала всего скорѣе могла взять въ свои руки наша Академія Наукъ. Въ немъ кромѣ русскихъ могли бы принимать участіе и славяне, при чемъ на ихъ добрую волю можно было бы предоставить помѣщать свои статьи или на русскомъ языкѣ, если извѣстный авторъ имъ владѣетъ, или въ переводѣ на русскій языкъ, сдѣланномъ въ редакціи журнала въ случаѣ согласія на это автора, или же наконецъ на родномъ языкѣ каждаго участника изданія, если таково будетъ его непремѣнное желаніе. Такой журналъ постепенно способствовалъ бы установленію однородности ученой славянской литературы, о которой говоритъ Венелинъ, а съ другой стороны имѣлъ бы и воспитательное значеніе, напоминая славянамъ о высокой важности культурнаго единства. Иниціатива Академіи Наукъ въ этомъ дѣлѣ была бы лучшимъ ручательствомъ за чисто научный характеръ изданія, а съ другой стороны открывала бы Академіи возможность осуществить предпріятіе въ славянскомъ духѣ взамѣнъ тѣхъ, которыя она пыталась организовать еще въ первой половинѣ нашего вѣка.

Въ содѣйствіи славянскому дѣлу, которое мы не отдѣляемъ отъ русскаго, ибо всякій русскій, проникнутый сознаніемъ славянской взаимности, становится тѣмъ сильнѣе убѣжденнымъ защитникомъ просвѣщенія и преуспѣянія своего коренного народа — главнаго виновника могущества родной земли, открывается широкое поле участію всего нашего общества. Въ этомъ случаѣ всего скорѣе можно ожидать дѣятельной помощи отъ тѣхъ богатыхъ людей, которые, выходя изъ среды народа, особенно способны отозваться на все, что содѣйствуетъ поддержанію народности. Въ одной Москвѣ развѣ мало было достойныхъ людей изъ этой среды, которые не жалѣли средствъ на собираніе памятниковъ старой русской и славянской литературы, на изданіе особенно цѣнныхъ изъ нихъ, на основаніе премій при ученыхъ обществахъ, на устройство музеевъ, картинныхъ галлерей и пр. Для подобныхъ людей легко дать средства на добавочную каѳедру славяновѣдѣнія въ университетѣ, или напр. на основаніе такой библіотеки, въ которую бы пріобрѣтались всѣ безъ исключенія изданія на слав. языкахъ и которая бы поставила своей задачей собрать, насколько это возможно, все, ранѣе вышедшее, или напр. музея, въ которомъ было бы собрано все, по крайней мѣрѣ выдающееся, хотя бы по славянской этнографіи. Разумѣется, точно также можно было бы прійти на помощь уже существующимъ учрежденіямъ поддержкой ихъ славянскаго отдѣла.

Что же касается вопроса о наилучшей постановкѣ преподаванія славяновѣдѣнія, то въ этомъ случаѣ, какъ уже мы сказали выше, можно было бы воспользоваться указаніями Шафарика.

Среди другихъ выдающихся представителей славянской науки Шафарикъ великъ тѣмъ, что съ чрезвычайной ученостію соединялъ самый широкій славянскій патріотизмъ.

Припомнимъ, съ какимъ искусствомъ въ своей Исторіи славянскихъ литературъ онъ изображалъ природу сербскихъ земель, привлекательныя черты сербскаго характера, красоту сербскихъ народныхъ пѣсенъ, какъ высоко онъ поставилъ благозвучіе сербскаго языка, съ какимъ сожалѣніемъ отмѣтилъ неблагопріятныя условія политической жизни сербовъ. Мы указали выше въ нашей статьѣ, какъ глубоко скорбѣлъ Шафарикъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ Польшу, о роковой распрѣ поляковъ съ русскими; но это не помѣшало ему позднѣе высоко цѣнить успѣхи русской науки и литературы, о которыхъ онъ часто отзывался съ полнымъ сочувствіемъ въ письмахъ къ своимъ русскимъ друзьямъ.

Не теряя вѣры въ возрожденіе чешской литературы, онъ не порвалъ связи съ роднымъ языкомъ, какъ это сдѣлали Копитаръ и позднѣе Миклошичъ, писавшіе только или по-латыни, или по-нѣмецки. Будущее оправдало надежды Шафарика.

Плодотворная дѣятельность чешскаго университета въ Прагѣ, труды чешской Академіи Наукъ, все возрастающее количество чешскихъ ученыхъ и популярныхъ журналовъ, образцовая организація чешскихъ выставокъ, процвѣтаніе чешскаго искусства, въ особенности театра и музыки, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ успѣхахъ чешскаго народнаго дѣла. Пожелаемъ же чешскому народу полнаго торжества надъ всѣми препятствіями, задерживающими народный прогрессъ. Да не оскудѣваютъ въ немъ такіе люди, какъ Шафарикъ, Палацкій, юбилей котораго собираются праздновать чехи въ будущемъ году, и имъ подобные выразители народныхъ идеаловъ и вожди народа въ его трудной политической жизни.

Москва,
23 окт. 1897 г.

П. Лавровъ.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ